

А. Н. Игнатов

**КВАЛИФИКАЦИЯ
ПОЛОВЫХ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Для служебного пользования
Экз. № . . .

6636

А. Н. Игнатов

КВАЛИФИКАЦИЯ
ПОЛОВЫХ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ

5/9

«ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва — 1974

БИБЛИОТЕКА
Лен. Гос. Юрид. Ин-ста

И $\frac{11002-106}{012(01)-74}$ без объявл.

© Издательство «Юридическая литература», 1974

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I

ПОНЯТИЕ, ОБЪЕКТ И СИСТЕМА ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

§ 1. Понятие и объект половых преступлений	3
§ 2. Пределы ответственности за половые преступления	10
§ 3. Система половых преступлений	15

Глава II

ПОНЯТИЕ И СОСТАВ ИЗНАСИЛОВАНИЯ

§ 1. Понятие изнасилования	20
§ 2. Понятие физического насилия при изнасиловании	35
§ 3. Понятие и виды угрозы при изнасиловании	40
§ 4. Понятие беспомощного состояния потерпевшей	49
§ 5. Покушение на изнасилование и добровольный отказ от изнасилования	65
§ 6. Субъект изнасилования	78
§ 7. Процессуальные вопросы возбуждения и рассмотрения дел об изнасиловании	82

Глава III

КВАЛИФИЦИРОВАННЫЕ ВИДЫ ИЗНАСИЛОВАНИЯ

§ 1. Изнасилование, сопряженное с угрозой убийством или причинением тяжкого телесного повреждения	96
§ 2. Повторное изнасилование и совокупность изнасилований	100
§ 3. Изнасилование, совершенное группой лиц, и соучастие в изнасиловании	108
§ 4. Изнасилование, совершенное особо опасным рецидивистом	126
§ 5. Изнасилование, повлекшее особо тяжкие последствия	131

Глава IV

ДРУГИЕ ПОЛОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПОСЯГАЮЩИЕ НА ПОЛОВУЮ СВОБОДУ

§ 1. Насильственное удовлетворение половой потребности в извращенной форме и насильственные сексуальные действия	158
--	-----

§ 2. Мужеложство с применением насилия либо с использованием зависимого положения потерпевшего . . .	166
§ 3. Понуждение женщины к вступлению в половую связь	169

Глава V

ПОЛОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПОСЯГАЮЩИЕ НА НОРМАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

§ 1. Изнасилование несовершеннолетней	176
§ 2. Половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости или определенного возраста	189
§ 3. Развратные действия	209
§ 4. Мужеложство в отношении несовершеннолетних	221
§ 5. Вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией	224

Глава VI

ПОЛОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, НАРУШАЮЩИЕ ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ МОРАЛИ

§ 1. Мужеложство	231
§ 2. Содержание притонов разврата и сводничество с корыстной целью	237
§ 3. Изготовление или сбыт порнографических предметов	244

ПОНЯТИЕ, ОБЪЕКТ И СИСТЕМА ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

§ 1. Понятие и объект половых преступлений

Определение понятия половых преступлений служит целям установления круга деяний, относимых к данной группе и выявлению их основных и специфических черт.

Эти преступления в большей или меньшей степени нарушают уклад половых отношений, являются общественно опасными отклонениями от норм сексуального поведения людей.

Уклад половых отношений отражает сущность определенной социально-экономической формации, господствующие в обществе принципы и взгляды в области половой морали.

Нельзя раскрыть содержание уклада половых отношений в отрыве от понятия половой нравственности.

Половая нравственность является одной из составных частей системы нравственных норм общества. Половая нравственность или половая мораль включает в себя систему нравственных норм, регулирующих все стороны сексуальной жизни человека.

Признание объектом половой нравственности только половых отношений, как это делал, например, Ф. Лист¹, неоправданно сужает это понятие.

В понятие половой нравственности, по нашему мнению, должны включаться не только правила поведения людей в области половых отношений, но и этические и

¹ Ф. Лист писал: «Половая нравственность, т. е. соблюдение границ, установленных господствующими нравами для половых отношений» (Учебник уголовного права, Особенная часть, М., 1905, стр. 70).

эстетические¹ взгляды, обычаи общества, касающиеся вопросов секса.

Соотношение между общественной нравственностью и половой нравственностью — это соотношение целого и части. Применительно к области уголовного права любое преступление является безнравственным поведением, но только некоторые преступления нарушают нормы половой морали.

Половая нравственность, как и всякое социальное явление, носит классово изменчивый характер.

Принципы половой нравственности отражают взгляды господствующего класса на условия и характер половых отношений. Так, в период средневековья половая нравственность отражала религиозные представления и формировалась церковью. В то же время она закрепляла и «освящала» феодальные обычаи, например право первой ночи.

В период развития капиталистического общества изменения в нормах половой нравственности соответствуют буржуазным представлениям о «свободе личности» и семье как нерушимой ячейке общества и поддерживаются церковью.

Существующие позитивные религии ограничиваются тем, что дают высшее освещение государственному регулированию половой любви, т. е. законодательству о браке².

На буржуазном законодательстве, охраняющем нормы половой морали, сильно сказывается влияние религии, особенно католицизма³. Поскольку семья в буржуазном обществе основывается прежде всего на экономических отношениях⁴, государство заинтересовано в ее охране независимо от характера личностных отношений, сложившихся между супругами. Поэтому во многих странах (особенно в Италии) существует жесткое зако-

¹ О связи этических и эстетических взглядов см. И. А. Джидарьян, О соотношении нравственных и эстетических чувств, сб. «Проблемы этики», М., 1964, стр. 86.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 192.

³ Охраняя «святость» брака, большинство штатов США устанавливают уголовную ответственность за половую связь лиц, не состоящих в браке (форникация), а также за супружескую измену (адюльтер).

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 334, 443.

нодательство о разводах. Однако это законодательство не может изменить характера взаимоотношений между полами, сложившихся в буржуазном обществе. Еще Ф. Энгельс отмечал, что «рядом с единобрачием и гетеризмом неустрашимым общественным явлением сделалось и прелюбодеяние, запрещенное, строго наказуемое, но неискоренимое»¹.

По данным А. Кинси, в США половина мужчин² и четвертая часть женщин³ совершают адюльтер.

Нужно отметить, что, выступая против прелюбодеяния, буржуазная мораль и законодательство вместе с тем весьма терпимо относятся к проституции и порнографии.

Отмечая распад нравственных устоев буржуазного общества, В. И. Ленин указывал: «Несдержанность в половой жизни — буржуазна: она признак разложения»⁴.

Характеризуя моральные идеалы социалистического общества, А. В. Луначарский писал: «Вот такая серьезная, глубоко сдержанная, вдумчивая, красивая любовь должна быть у нас взамен разврата буржуазии и «нигилистического» взгляда на «голую» половую потребность»⁵.

Об изменяющемся характере уклада половых отношений свидетельствует и тот факт, что в современном мире существуют не только различные нормы половой морали, но и различные формы семьи (моногамная, полигамная)⁶.

Половая нравственность в Советском государстве представляет собой систему моральных норм, отражающих социалистические взгляды на взаимоотношения полов и регулирующих все стороны сексуального поведения людей в социалистическом обществе.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 70.

² A. S. Kinsey, W. B. Pomeroy, C. E. Martin, Sexual Behaviour in the Human Male, Phil, L, 1948, pp. 591—593.

³ A. S. Kinsey, W. B. Pomeroy, C. E. Martin, P. Gelhard, Sexual Behaviour in the Human Female, Phil, L, 1953, pp. 432—433.

⁴ К. Цеткин, Из записной книжки «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 5, изд-во «Политическая литература», М., 1970, стр. 46.

⁵ А. В. Луначарский, О быте, М.—Л., 1927, стр. 77.

⁶ В ряде стран, где мусульманство является господствующей религией, допускается многоженство. О полигамии в Индии см. М. Г. Степаньянц, Лотос на ладонях, М., 1971, стр. 103—106.

Специфическим признаком половых преступлений является нарушение основных моральных норм, регулирующих область половых отношений. Половые преступления образуют отдельную группу преступлений, обладающих рядом сходных черт и особенностей и по некоторым признакам отличающихся от других преступлений.

Применительно к этой группе преступлений в советской юридической литературе укоренился термин «половые преступления», под которыми понимаются преступления сексуального характера, нарушающие определенные интересы личности.

Так, Я. М. Яковлев определяет половые преступления, как «предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния, посягающие на половые отношения, присущие сложившемуся в социалистическом обществе половому укладу, заключающиеся в умышленном совершении с целью удовлетворения половой потребности субъекта или другого определенного лица сексуальных действий, нарушающих половые интересы потерпевшего или нормальные для этого уклада половые отношения между лицами разного пола»¹.

Аналогично, но более кратко определяет половое преступление Б. В. Даниэльбек, как «предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние, имеющее сексуальный характер, посягающее на нормальный уклад половых отношений в социалистическом обществе, совершаемое умышленно для удовлетворения своей или чужой потребности»².

В этих определениях характеристика деяния связывается только с нарушением определенных общественных отношений и отрывается от половой нравственности как основного регулятора половых отношений.

Кроме того, авторы исходят из концепции, что сексуальная цель является определяющим признаком половых преступлений и тем самым исключает возможность признания половым преступлением общественно опасных сексуальных действий, совершенных по иным мотивам.

¹ Я. М. Яковлев, Половые преступления, Душанбе, 1969, стр. 64.

² Б. В. Даниэльбек, Половые извращения и уголовная ответственность. Высшая следственная школа МВД СССР, Волгоград, 1972, стр. 26.

В буржуазном праве и юридической литературе используется термин «преступления против нравственности», которым охватывают преступления в области половых отношений. Однако такой термин неудачен, так как понятие нравственности шире понятия половой морали и включает многие моральные нормы в различных сферах человеческой жизни.

УК РСФСР 1922 года использовал термин «преступления в области половых отношений» и включал в их число сводничество, содержание притонов разврата, вербовку женщин для проституции. Этот термин представляется более удачным и точным. Однако он не используется в действующем законодательстве и юридической литературе.

Объединение в одну группу преступных деяний, нарушающих основные принципы половой нравственности социалистического общества, в основе совершения которых лежат сексуальные интересы лица, является вполне оправданным.

По нашему мнению, развращение несовершеннолетних и распространение порнографии гораздо более близкие по своей сущности и характеру деяния, хотя составы этих преступлений помещены в разных главах Уголовного кодекса, чем, например, развратные действия и клевета или незаконное лишение свободы, составы которых находятся в одной главе Уголовного кодекса.

Действительно, при развращении несовершеннолетних, особенно интеллектуальном, и вовлечении несовершеннолетних в проституцию посягательство осуществляется на один объект — нормальное половое развитие несовершеннолетних, действия носят однородный характер и причиняется равнозначный вред личности.

Половые преступления отличаются от других преступлений тем общим для них признаком, что они представляют наиболее опасные формы грубого нарушения основных принципов половой нравственности социалистического общества, в то время как иные преступления не связаны с нарушением норм половой морали.

Общность половых преступлений заключается также в том, что они совершаются с целью удовлетворения сексуальных потребностей самого виновного или других лиц.

Половые преступления можно определить как общественно опасные деяния, грубо нарушающие установленный в социалистическом обществе уклад половых отношений и основные принципы половой нравственности, направленные на удовлетворение сексуальных потребностей самого виновного или других лиц.

Все половые преступления, несмотря на их существенные различия в степени общественной опасности и характере действия, посягают на один родовой объект, каким является социалистический уклад половых отношений, основанный на нормах социалистической половой морали. Уклад половых отношений социалистического общества признают родовым или групповым объектом также Ю. К. Сущенко и Б. А. Блиндер¹.

Непосредственные же объекты половых преступлений различны.

Ряд этих преступлений посягают непосредственно на интересы личности (изнасилование, развращение несовершеннолетних), другие нарушают интересы общественной нравственности (распространение порнографии).

Непосредственным объектом таких преступлений, как изнасилование и насильственное удовлетворение половой страсти, является половая свобода.

Под половой свободой мы понимаем право достигших половой зрелости и дееспособных граждан свободно определять свою половую жизнь.

Ограничение половой свободы определяется общественными интересами и установленными нормами морали. Так, граждане не имеют права осуществлять удовлетворение своих сексуальных потребностей за счет интересов других лиц или путем нарушения интересов общества.

Следовательно, половая свобода означает право любого лица по своей воле удовлетворять свои половые потребности, не нарушая интересов других лиц или общества в целом. Понятием половой свободы охватывается право удовлетворения половых потребностей во всех формах. Поэтому посягательством на половую свободу

¹ См. Ю. К. Сущенко, Ответственность за половые преступления против несовершеннолетних по советскому уголовному праву, канд. дисс., Саратов, 1967, стр. 37; Б. А. Блиндер, Уголовно-правовая охрана свободы и достоинства женщины, Ташкент, 1970, стр. 14.

будут являться любые действия сексуального характера, совершаемые в отношении другого лица против его воли. Мы не разделяем мнение П. П. Осипова, полагающего, что в содержание половой свободы входят только половые сношения, а потому считающего, что совершение иных сексуальных действий в отношении другого лица против его воли является посягательством на «половое достоинство»¹.

Принцип добровольности половых отношений является одним из важнейших признаков социалистической половой морали.

Ряд авторов (А. А. Пионтковский, Ш. С. Рашковская) рассматривают в качестве объекта изнасилования половую неприкосновенность женщины. Нам представляется, что термин «половая свобода» является более точным, так как отражает сущность социалистической половой морали.

О половой неприкосновенности можно говорить только применительно к лицу, находящемуся в беспомощном состоянии и неосознающему действительного социального значения происходящего, например, к душевнобольной или несовершеннолетней, не достигшей половой зрелости. Эти лица действительно являются неприкосновенными в половом отношении, независимо от выражения их согласия на те или иные действия.

Непосредственным объектом таких преступлений, как половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости или определенного возраста, развращение, вовлечение в занятие проституцией, является нормальное физическое и духовное развитие несовершеннолетних.

Советское общество заинтересовано в гармоничном воспитании подрастающего поколения, в привитии молодежи коммунистического мировоззрения и коммунистических нравственных принципов, в том числе в области половых отношений.

Совершенно правильно отмечал проф. Р. Нойберт, что «культура любви является составным элементом человеческой культуры»².

¹ П. П. Осипов, Половые преступления. Общее понятие, социальная сущность и система составов, канд. дисс., Л., 1967, стр. 67.

² Р. Нойберт, Новая книга о супружестве, М., 1967, стр. 183.

Нарушение нормального процесса полового (как физического, так и морального) развития несовершеннолетних, даже когда оно осуществляется ненасильственным путем, наносит серьезный ущерб конкретной личности и представляет значительную общественную опасность.

Непосредственным объектом таких преступлений, как содержание притонов разврата, сводничество, распространение порнографии, являются социальные правила удовлетворения гражданами своих половых потребностей, отражающие основные принципы социалистической половой нравственности.

Половой разврат, аморальность — явления нетерпимые в социалистическом обществе. Поэтому с ними ведется систематическая борьба мерами воспитательного общественного воздействия. Однако наиболее опасные формы аморального поведения, связанные с нарушением общественного порядка и сложившегося уклада половых отношений, перерастают рамки аморального проступка и расцениваются советским уголовным правом как преступление.

§ 2. Пределы ответственности за половые преступления

Проблема установления пределов уголовной ответственности за половые преступления является в достаточной мере сложной, поскольку речь идет о поведении лиц в глубоко интимной сфере человеческой жизни.

Понятно, что далеко не все моральные нормы социалистического общества могут поддерживаться принудительной силой государства. «...Законодательство не может декретировать нравственность...»¹, — писал Маркс.

Половые отношения играют важную роль в жизни людей, поскольку половая потребность является одним из основных жизненных инстинктов, лежащих в основе продолжения человеческого рода².

Естественно, что человек должен обладать известной

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 162.

² А. Г. Станков, Половая жизнь и семья, Киев, 1958, стр. 24.

свободой в удовлетворении этой потребности. Однако личная свобода в удовлетворении половой потребности не должна вступать в противоречие с основными интересами общества.

Правильно характеризовал социалистические взгляды на половую жизнь В. Бехтерев: «Пусть будут половые союзы свободными, но безответственных и беспорядочных связей не должно быть»¹. Как бы продолжая эту мысль, В. Чекалин писал: «Прошлая история человечества уже знает, к чему приводят легкие и беспорядочные отношения между мужчиной и женщиной: к порокам, извращениям и жестокости»².

Отступление от моральных норм поведения в области половых отношений неизбежно ведет к моральному падению личности, к преобладанию животного над духовным, к выбору антиобщественных форм и средств удовлетворения своей половой потребности.

Правильно писал проф. В. Н. Кудрявцев, отмечая, что половая потребность не является причиной половых преступлений, что «мы судим виновного не за эту потребность, а за антиобщественные средства ее удовлетворения (насилие, развращение малолетних и т. п.)»³.

Поэтому общество, предоставляя индивидууму свободу в определении своих половых влечений, в то же время должно ограничивать средства и формы удовлетворения половых потребностей в интересах общественного развития и сохранения полезных для общества правил поведения⁴.

Профессор Маргольд отмечал: «Нельзя рассматривать поведение человека в области половой жизни как нечто обособленное, независимое от остального: его действия и поступки всегда оказывают определенное влияние на общечеловеческую жизнь».

Грубые нарушения социальных правил, отражающих основные принципы половой нравственности в области

¹ В. Бехтерев, Значение полового влечения в жизнедеятельности организма, М., 1928, стр. 29.

² В. Чекалин, Любовь и семья, М., 1964, стр. 72.

³ В. Н. Кудрявцев, Причинность в криминологии, М., 1968, стр. 66.

⁴ Маргольд, Половая свобода и общественный контроль, М., 1928, стр. 26.

регулирования половых отношений, представляют опасность для общества и поэтому расцениваются законодательством как преступные. Маркс подчеркивал, что «сохранение жизни нравственных отношений есть не только право законодателя, но и его *обязанность*»¹.

Нарушения уклада половых отношений, сложившегося в социалистическом обществе, и норм половой нравственности могут представлять чрезвычайно большую опасность, как, например, изнасилование, но могут и являться поведением, отклоняющимся от правил общественной морали, как, например, супружеская измена.

Государство и общество стремятся добиться желаемого поведения граждан различными методами и средствами, среди которых уголовная репрессия занимает далеко не главное место. Однако в отношении наиболее злостных деяний, нарушающих основные принципы социалистической половой морали и связанных с причинением вреда личности или общественному порядку, применяются меры уголовной ответственности.

Для правильного конструирования уголовной ответственности за преступления против половой нравственности большое значение имеет установление пределов государственного вмешательства в область половых отношений, определение соотношения между убеждением и принуждением в половой сфере.

Существующий в социалистическом обществе уклад половых отношений поддерживается и укрепляется в первую очередь нормами коммунистической морали, а также системой советского права (брачно-семейного, административного, уголовного).

В привитии всем членам общества принципов коммунистической нравственности, регулирующих взаимоотношения полов, главную роль играет воспитательная работа советских учреждений и общественных организаций. Особое значение имеет правильно организованное и осуществляемое половое воспитание подрастающего поколения.

Сексуальное поведение, явно нарушающее установленный моральными нормами порядок взаимоотношений полов, расценивается как аморальное, вызывает

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 163.

осуждение окружающих и в определенных случаях влечет общественное принуждение в виде применения средств общественного воздействия. Основной формой регулирования половых отношений в социалистическом обществе являются общественный контроль, общественное мнение, общественное воздействие¹.

Правовое принуждение в сфере половых отношений применяется в случаях, затрагивающих наиболее важные интересы общества в целом или нарушающих охраняемые законом права и интересы личности, например нарушение норм брачно-семейного права, совершение половых преступлений.

Вместе с тем в социалистическом обществе создаются условия свободного удовлетворения людьми своих половых потребностей на основе взаимного влечения представителей различных полов. Человек свободен в определении своей половой жизни при условии, что его поведение не носит общественно опасный характер и не причиняет вреда другим людям.

Август Бебель писал, что «человек под условием, что удовлетворение его потребностей не приносит никому другому никакого вреда, должен сам распоряжаться собою. Удовлетворение половой потребности — такое же личное дело каждого человека, как удовлетворение всякой другой естественной потребности»².

Хотя в Советском Союзе основной и одобряемой моралью формой половых отношений являются брачно-семейные отношения, регулируемые правом, но существуют и внебрачные половые отношения³, которые не подвергаются официальному запрету, что является гарантией свободы личности в интимной сфере жизни. Следует отметить, что ни внебрачная половая связь, ни нарушение

¹ См. Н. Ф. Кузнецова, Уголовное право и мораль, М., 1967, стр. 20—21; Н. И. Матузов, Социалистическое право и коммунистическая мораль в их взаимодействии, Саратов, 1969, стр. 44; Л. И. Алексеев, Единство правовых и моральных норм в социалистическом обществе, «Юридическая литература», 1968, стр. 40—41.

² А. Бебель, Женщина и социализм, Госполитиздат, 1959, стр. 547.

³ По этому вопросу см. З. И. Файнбург, К вопросу об этической мотивации брака. Социальные исследования, вып. 4, М., 1970, стр. 67; С. И. Голод, Социологические проблемы сексуальной морали, автореферат канд. дисс., Ленинград, 1968, стр. 13—14.

супружеской верности (прелюбодеяние) никогда не рассматривались советским уголовным правом как преступление.

Поступки, которые могут осуждаться, с точки зрения социалистической морали, общественным мнением, тем не менее нередко лежат вне сферы действия права. Так, социалистическая мораль осуждает легкомысленные половые связи, однако такое поведение не подлежит правовому регулированию.

В. И. Ленин, критикуя теорию «стакана воды», выдвинутую Коллонтай в обоснование половой свободы любви, говорил: «От этой теории «стакана воды» наша молодежь прямо взбесилась. Эта теория стала злым роком многих юношей и девушек... Я считаю знаменитую теорию «стакана воды» совершенно не марксистской и, сверх того, противообщественной... питье воды — дело действительно индивидуальное. Но в любви участвуют двое, и возникает третья, новая жизнь. Здесь кроется общественный интерес, возникает долг по отношению к коллективу. Как коммунист, я не питаю ни малейшей симпатии к теории «стакана воды», хотя бы на ней и красовалась этикетка «освобожденная любовь»¹.

Уголовная ответственность за половое преступление является крайним и наиболее жестким средством принуждения, применяемым за общественно опасные формы и средства удовлетворения половой потребности или нарушения основных принципов половой морали.

Уголовное право должно запрещать любое сексуальное поведение, связанное с посягательством на личность, с нарушением ее законных прав и интересов, с нарушением нормального развития и воспитания несовершеннолетних. Подлежат уголовно-правовому запрету также иные действия, существенно нарушающие основные принципы социалистической половой морали (содержание притонов разврата, сводничество с корыстной целью, распространение порнографии).

Составы соответствующих преступлений, являющиеся основанием уголовной ответственности за конкретные половые преступления, социально обоснованы сложившимся в социалистическом обществе укладом половых

¹ К. Цеткин, цит. соч., стр. 44—45.

отношений, основанным на равноправии полов, на исключении экономической основы половых отношений и обеспечивающим свободное волеизъявление взрослых людей при определении своей половой жизни.

§ 3. Система половых преступлений

В советском уголовном праве основным признаком, лежащим в основе построения системы преступлений, является объект преступления. Поэтому классификацию половых преступлений необходимо строить с учетом непосредственных объектов этих преступлений.

В тех случаях, когда преступление имеет несколько непосредственных объектов, т. е. нарушает несколько охраняемых законом общественных отношений, необходимо выделять главный, основной объект, посягательство на который и определяет направленность и сущность преступления.

Многие из половых преступлений не только нарушают установленный в социалистическом обществе уклад половых отношений, но и связаны с посягательством на личность (изнасилование, понуждение женщины к вступлению в половую связь), насильственное удовлетворение половой страсти в извращенных формах, насильственное мужеложство, развратные действия в отношении несовершеннолетних и др. Однако преступления, относимые нами к этой группе, могут и не посягать на интересы конкретной личности (содержание притонов разврата, сводничество с корыстной целью, изготовление и распространение порнографии).

До сих пор в советской юридической литературе в группе преступлений против личности выделялись половые преступления.

Сторонники этой позиции понимали задачу уголовного права слишком узко. «Цель советского законодательства в этой области — только оградить свободу личности в сфере половой жизни»¹. Следует отметить, что действовавшее в то время законодательство (УК РСФСР 1922 го-

¹ «Энциклопедия государства и права, под ред. П. Стучки», т. 3, М., 1930, стр. 266.

да) не соответствовало приведенной концепции, так как предусматривало ответственность и за сводничество, и за содержание притонов, т. е. за преступления, которые не посягают на свободу личности в сфере половой жизни.

Вряд ли можно согласиться и с утверждением, что «общество гарантирует своим членам лишь естественное отправление половой потребности»¹. Этот тезис отражает позицию автора, рассматривающего половые извращения как объект уголовно-правовой регламентации. Между тем следует иметь в виду, что советское законодательство не относит к противоправному деянию ни один вид полового извращения, кроме мужеложства, целесообразность наказуемости которого также в настоящее время подвергается сомнению.

Большинство авторов строили систему половых преступлений применительно к действующему законодательству.

Наиболее полную классификацию половых преступлений дал Я. М. Яковлев, который делит их на четыре группы: 1) преступления против половой свободы, 2) преступления против половой неприкосновенности взрослых лиц, 3) преступления против половой неприкосновенности и нормального полового развития и полового воспитания детей и подростков и 4) преступления, посягающие на нормальные половые отношения между мужчиной и женщиной². В последнюю группу автор включает только один состав — добровольное мужеложство.

По нашему мнению, Я. М. Яковлев сужает понятие половых преступлений, оставляя за пределами классификации такие преступления, как содержание притонов разврата, вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией, распространение порнографии.

Вызывает возражение и характеристика добровольного мужеложства как деяния, посягающего на нормальные отношения между мужчиной и женщиной. Совершенно ясно, что факт добровольного мужеложства не препятствует нормальным половым отношениям между мужчиной и женщиной, может рассматриваться только как деяние, противоречащее общепринятой морали.

¹ Б. В. Даниэльбек, Половые извращения и уголовная ответственность, Волгоград, 1972.

² Я. М. Яковлев, Половые преступления, стр. 77—78.

Более широкий круг деяний включает в понятие половых преступлений проф. А. А. Пионтковский, который различает: 1) преступления против половой неприкосновенности взрослых, 2) половые преступления против несовершеннолетних и лиц, не достигших половой зрелости и 3) прочие половые преступления¹.

При этой классификации автор рассматривает мужеложство как преступление против половой неприкосновенности взрослых, что не соответствует действительности. В третью же группу попадают разнородные деяния, такие, как двоеженство и многоженство, содержание притонов разврата и содействие проституции.

По нашему мнению, двоеженство и многоженство, являясь пережитком местных обычаев и нарушением принципов брачно-семейных отношений, установленных в Советском государстве, вообще не относится к числу половых преступлений.

Проф. Н. Д. Дурманов преступления в области половых отношений разделяет на следующие группы: 1) преступления, посягающие на свободу, здоровье и честь женщины, 2) преступления, посягающие на свободу, половую неприкосновенность и нормальное физическое, умственное и моральное развитие несовершеннолетних и 3) мужеложство².

При данной классификации не учитываются существенные различия в объекте посягательства и характере действия при насильственном и добровольном мужеложстве.

Также три группы половых преступлений выделяет Ш. С. Рашковская, предлагая следующую классификацию: 1) преступления, посягающие на половую неприкосновенность взрослых, 2) преступления, посягающие на половую неприкосновенность несовершеннолетних и лиц, не достигших половой зрелости, и 3) иные преступления³.

Система, предложенная Ш. С. Рашковской, страдает

¹ «Курс советского уголовного права», т. 5, М., 1971, стр. 148.

² «Советское уголовное право. Особенная часть», изд-во Московского государственного университета, 1971, стр. 183.

³ Ш. С. Р а ш к о в с к а я, Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности, «Советское уголовное право, часть Особенная», вып. 4, ВЮЗИ, М., 1959, стр. 59.

недостаточной четкостью. Так, в первую группу не включено насильственное мужеложство, во вторую — мужеложство в отношении несовершеннолетних и вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией. Употребление термина «иные» преступления, по нашему мнению, является отказом от установления специфики этих преступлений и дефектом классификации. Не случайно в эту группу попадают совершенно различные деяния (мужеложство, сводничество, содержание притонов разврата).

Основываясь на выделении непосредственного объекта преступления, можно предложить следующую классификацию половых преступлений:

1) посягательства на половую свободу граждан (изнасилование, насильственное удовлетворение половой страсти в извращенных формах и насильственное совершение иных сексуальных действий, понуждение женщины к вступлению в половую связь);

2) посягательства на половую неприкосновенность и нормальное половое развитие несовершеннолетних (изнасилование несовершеннолетней, половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости или определенного возраста, развратные действия в отношении несовершеннолетних или лиц, не достигших 16-летнего возраста, вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией, мужеложство в отношении несовершеннолетних);

3) посягательства на основные принципы социалистической половой морали, исключаящие проявление разврата в любых формах (содержание притонов разврата и сводничество с корыстной целью, изготовление и распространение порнографии, мужеложство).

По данной классификации отдельные преступления, предусмотренные одной статьей Уголовного кодекса, но посягающие на различные непосредственные объекты, в зависимости от свойств потерпевшего отнесены к разным группам, например, изнасилование взрослой и несовершеннолетней.

В отдельных случаях уголовно-правовая норма предусматривает несколько составов преступлений, одни из которых могут быть отнесены к числу половых преступлений, а другие — не могут, например, вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность, в пьянство, в занятие попрошайничеством, проституцией, азартными играми либо склонение несовершеннолетних к упо-

реблению наркотических веществ, а равно использование несовершеннолетних для целей паразитического существования (ст. 210 УК РСФСР); содержание притонов разврата, сводничество с корыстной целью, а равно содержание притонов для потребления наркотиков либо содержание игорных притонов (ст. 226 УК РСФСР).

В этих случаях составы преступлений, объединенные одной статьей, имеют сходные черты, но вместе с тем обладают и существенными различиями.

Поэтому при научной классификации можно отнести такие преступления к разным группам.

Высказанные соображения объясняют некоторое расхождение предложенной классификации половых преступлений с системой действующего уголовного законодательства.

ПОНЯТИЕ И СОСТАВ ИЗНАСИЛОВАНИЯ

§ 1. Понятие изнасилования

Изнасилование является самым тяжким и в то же время наиболее распространенным из половых преступлений, составляя от их общего числа около 74%. В общей структуре преступности изнасилование занимает 1,7—1,8%. При этом надо иметь в виду, что значительное число изнасилований остается скрытым от органов власти, так как потерпевшие по разным причинам, чаще всего из-за чувства стыда, не сообщают об имевшем место преступлении.

На основе изучения материалов органов, ведущих борьбу с преступностью, можно предположить, что латентность изнасилований может достигать 25%. Общественная опасность изнасилования заключается в насильственном характере действий преступника; в серьезности причиняемого им ущерба. Совершая изнасилование, преступник грубо и цинично унижает честь и достоинство женщины, наносит ей значительный моральный и физический вред, иногда связанный с серьезным расстройством здоровья (соматическим или психическим).

Последствиями изнасилования нередко являются растление, беременность потерпевшей, причинение ей телесных повреждений.

Советское уголовное право всегда рассматривало изнасилование как одно из тяжких преступлений и устанавливало суровую ответственность за его совершение.

Так, по УК РСФСР 1922 года (ст. 169) изнасилование каралось лишением свободы на срок не ниже 3 лет, максимальный срок лишения свободы был 10 лет.

В УК РСФСР 1926 года наказание за изнасилова-

ние было снижено до 5 лет лишения свободы, если преступление совершено без отягчающих обстоятельств и до 8 лет лишения свободы за квалифицированное изнасилование. Но в 1949 году Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 января наказание за изнасилование повышается (лишение свободы на срок от 10 до 15 лет), а за изнасилование при отягчающих обстоятельствах — лишение свободы на срок от 15 до 20 лет.

По действующему законодательству за изнасилование предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок от 3 лет, а за изнасилование, совершенное при особо отягчающих обстоятельствах, даже смертная казнь.

В УК союзных республик предусмотрены три состава изнасилования: 1) без отягчающих обстоятельств (простой состав), 2) при отягчающих и 3) при особо отягчающих обстоятельствах (так называемые квалифицированные составы). Соответствующие статьи УК союзных республик состоят из трех частей.

Часть 1 ст. 117 УК РСФСР устанавливает ответственность за изнасилование без квалифицирующих обстоятельств (простой состав) и содержит определение этого преступления.

Определение понятия изнасилования в ч. 1 ст. 117 УК РСФСР относится и к другим видам изнасилования, предусмотренным данной статьей.

Часть 2 ст. 117 УК РСФСР рассматривает ответственность за изнасилование, сопряженное с угрозой убийством или причинением тяжкого телесного повреждения либо совершенное лицом, ранее совершавшим изнасилование. В этом составе квалифицирующими обстоятельствами, свидетельствующими о повышенной опасности преступления, являются характер психического насилия (наиболее опасная угроза) и повторность изнасилования¹.

Часть 3 ст. 117 УК РСФСР предусматривает ответственность за изнасилование, совершенное при особо отягчающих обстоятельствах, а именно, группой лиц

¹ Угроза убийством или тяжким телесным повреждением рассматривается в качестве квалифицирующего изнасилование признака еще только УК Армянской ССР (ст. 112).

или особо опасным рецидивистом или повлекшее особо тяжкие последствия, а равно изнасилование несовершеннолетней.

В судебной практике по делам об изнасиловании чаще всего применяется ч. 3 соответствующих статей УК союзных республик. Так, в результате изучения 500 дел об изнасиловании выяснилось, что в 60% случаев преступление квалифицировалось по ч. 3, в 28% — по ч. 1 и в 13% — по ч. 2 ст. 117 УК РСФСР.

По данным выборочного изучения 100 дел об изнасиловании преступление квалифицировалось по ч. 1 ст. 117 УК РСФСР в 15% случаев, по ч. 2 — в 14% случаев и по ч. 3 — в 71% случаев¹.

По данным Д. О. Хан-Магомедова и Ю. А. Шубина, изучавших изнасилование в 15 областях РСФСР, по ч. 1 ст. 117 УК РСФСР было квалифицировано 30,6%, по ч. 2 — 14,7% и по ч. 3 — 54,7% преступлений.

Таким образом, конструкция уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность за изнасилование, такова, что чаще всего совершаемые деяния подпадают под признаки квалифицированного состава преступления.

Уголовный кодекс РСФСР в ч. 1 ст. 117 определяет изнасилование как «половое сношение с применением физического насилия, угроз или с использованием беспомощного состояния потерпевшей». Такое же определение изнасилования дают и уголовные кодексы всех других союзных республик.

Для того чтобы раскрыть понятие изнасилования, прежде всего необходимо определить, что является половым сношением.

Половое сношение — это понятие медицинское и биологическое.

Попытки определять половое сношение в уголовно-правовом смысле являются несостоятельными, поскольку вкладывание различного содержания в одно и то же понятие, используемое разными науками, нарушает нормальный процесс обмена информацией.

В тех случаях когда уголовное право не поль-

¹ А. А. Герцензон, Уголовное право и социология, «Юридическая литература», 1970, стр. 79.

зуется специальными юридическими терминами, а заимствует понятия и термины из других областей знания, содержание этих понятий должно точно соответствовать их пониманию в соответствующей науке.

В медицинской науке под половым сношением понимается биологический акт половой связи между представителями различного пола.

Так, проф. М. И. Авдеев отмечает: «Половое сношение — это физиологический акт, направленный на продолжение рода и заключающийся во введении мужского члена во влагалище. Половое сношение — это прежде всего и только — сношение полов. Половое сношение как нормальный, т. е. физиологический, акт может иметь место только между лицами разного пола, между мужчиной и женщиной. Все остальные действия, направленные на удовлетворение половой потребности в иной форме, не являются половым сношением. Их можно и следует определять только как удовлетворение половой потребности в извращенной форме»¹.

Обращая внимание на неправильное использование термина «половое сношение», проф. М. И. Авдеев пишет: «В медицинской литературе (акушерской, гинекологической, судебно-медицинской) иногда половым сношением называют действия, которые половым сношением не являются. Так, упоминается о половом сношении между ягодиц, в преддверии влагалища, хотя на самом деле ни одно из таких действий не может быть признано и не является половым сношением»². И далее: «Для предупреждения возможных ошибочных экспертных заключений необходимо еще раз подчеркнуть, что половое сношение — это введение полового члена во влагалище и только это. Было введение полового члена во влагалище, значит было половое сношение. Не было введения полового члена во влагалище, следовательно, не было и полового сношения»³.

¹ М. И. Авдеев, Судебно-медицинская экспертиза живых лиц, изд-во «Медицина», М., 1968, стр. 287.

² Там же, стр. 287.

³ Там же, стр. 293; см. также М. И. Авдеев, Курс судебной медицины, Госюриздат, 1959, стр. 497—498.

Именно физическое соединение (контакт) мужских и женских половых органов является необходимым и определяющим условием для полового сношения.

Американский ученый А. Кинси писал: «Гетеросексуальные отношения, которые включают в себя соединение мужских и женских половых органов, определяются как coitus», а физический контакт, который не включает соединение мужских и женских половых органов, является сексуальным поведением, которое принято в Америке называть «petting» (ласкание. — А. И.)¹.

Позиция названных авторов представляется правильной, потому что она основывается на ясных и научно обоснованных критериях и дает возможность четко отграничить половое сношение от других форм сексуального поведения и удовлетворения половой потребности.

Попытка расширить понятие полового сношения ведет к стиранию граней между различными формами половой активности и не имеет достаточно глубокого научного обоснования. Поэтому критерии, выдвигаемые для определения широкого понятия полового сношения, носят произвольный и искусственный характер.

Так, проф. М. И. Авдеев пишет: «В судебной практике приходится встречаться с фактом введения полового члена в заднепроходное отверстие, в рот. Такие действия определяются в правовой практике и признаются как половое сношение в извращенной форме. Если признать, что половое сношение может быть в извращенной форме, то тогда его можно и следует определить только так: половым сношением в извращенной форме является введение мужского полового члена в естественные отверстия (задний проход, рот) тела другого человека»².

Приведенное определение, резко расходящееся и противоречащее цитированным выше положениям, не-

¹ А. Kinsey, W. B. Pomeroy, C. E. Martin, op. cit., pp. 227—228.

² М. И. Авдеев, Судебно-медицинская экспертиза живых лиц, стр. 209.

смотря на его внешнюю четкость, страдает рядом недостатков.

Во-первых, отрицается сущность полового сношения как сношения между полами, так как указанные действия возможны при гомосексуальной связи.

Во-вторых, совершенно произвольно признаются половым сношением сексуальные действия, имитирующие половой акт и направленные на удовлетворение полового чувства, половой потребности мужчины, в то время как различные способы удовлетворения женской половой потребности, имитирующие половой акт (введение во влагалище пальцев, языка), половым сношением не считаются.

В-третьих, по непонятным причинам к половым сношениям относятся отдельные виды имитации полового акта (введение полового члена в отверстие тела другого человека) и не признаются другие его формы (*coitus inter femora*, взаимная мастурбация и т. д.).

По нашему мнению, имитация полового акта, каким бы способом она ни производилась, ни в медицинском, ни в социальном, ни в юридическом смысле признаваться половым сношением не может.

Эти действия представляют собой извращенные формы удовлетворения половой потребности, способны вызвать оргазм, но не могут причинить последствия, наступающие от полового сношения (беременность женщины).

Следует иметь в виду, что если включать в понятие полового сношения различные виды имитации полового акта, то можно расширять это понятие беспредельно, так как никаких научных оснований для определения полового сношения в извращенной форме не существует и никем из авторов не приводилось. Поэтому представляется, что понятие полового сношения должно рассматриваться и пониматься в строго биологическом смысле.

Понятие изнасилования является понятием юридическим и поэтому может расширяться или сужаться по воле законодателя.

Вполне возможно под изнасилованием понимать не только насильственное половое сношение, но и иные насильственные действия сексуального характера. Для этого необходимо изменить определение изнасилования,

данное в законе, и сформулировать его иным образом.

Однако, по нашему мнению, сложившееся исторически понятие изнасилования должно быть сохранено. Что же касается различных форм общественно опасного сексуального поведения, в особенности связанных с насилием, то ответственность за них может быть предусмотрена соответствующими уголовно-правовыми нормами.

Половое сношение как элемент объективной стороны изнасилования должно пониматься именно в биологическом смысле, так как иное толкование произвольно расширит состав изнасилования.

Определение изнасилования дано одинаково во всех УК союзных республик. Если предположить, что законодатель под термином «половое сношение» имел в виду как естественное половое сношение, так и извращенные формы удовлетворения половой страсти, имитирующие половой акт, то не требовалось бы Украинской, Эстонской и Молдавской союзным республикам вводить в УК специальные статьи, предусматривающие ответственность за удовлетворение половой страсти в извращенной форме.

Следует отметить, что и в судебной практике некоторых союзных республик, не имеющих специальных статей об ответственности за насильственное удовлетворение половой страсти в извращенной форме, изнасилование понимается как насильственное совершение естественного полового сношения, а действия, имитирующие половой акт с применением насилия, квалифицируются как злостное хулиганство (например, Латвийская ССР).

Исторически термин «изнасилование» сложился в русском правовом языке как определяющий насильственное совершение с женщиной естественного полового акта (Русское уложение о наказаниях уголовных и исправительных и Уголовное уложение не давали определения изнасилования, но использовали термин «любодеяние», под которым понималось естественное совокупление мужчины и женщины, в отличие от «любострастных» действий, содержанием которых могли быть все формы удовлетворения половой страсти, кроме полового сношения).

В дореволюционной юридической литературе изнасилование понималось как насильственное совокупление мужчины с женщиной¹. Позднее такое же мнение высказывалось комментаторами первых советских кодексов².

В современной советской юридической литературе ряд авторов считает, что изнасилованием следует признавать насильственное совершение полового сношения как в естественной, так и в извращенной форме³. Под половым сношением в извращенной форме эти авторы понимают *coitus per os* и *coitus per anum*.

Однако в научной литературе эта позиция не является господствующей и подвергается обоснованной критике⁴.

Попытка широко трактовать понятие «изнасилование» на практике приводит к серьезным ошибкам. Так, Р. был привлечен к уголовной ответственности за изнасилование за то, что он, работая заведующим хирургическим отделением больницы Дальневосточного водздравотдела в порту Николаевск-на-Амуре, неоднократно под предлогом медицинских осмотров пригла-

¹ И. Я. Фойницкий, Курс уголовного права. Часть Особенная, Петроград, 1916, стр. 141.

² Б. Н. Змиев, Уголовное право, часть Особенная, вып. 1, Казань, 1927, стр. 27.

³ «Курс советского уголовного права», т. V, М., 1970, стр. 151; «Советское уголовное право, часть Особенная», 1962, стр. 161; Я. М. Яковлев, Половые преступления, стр. 107—112; «Комментарий к уголовному кодексу Белорусской ССР», Минск, 1966, стр. 244; Б. А. Блиндер, Ответственность за изнасилование по советскому уголовному праву, стр. 1; Г. З. Анашкин, Квалификация изнасилования при отягчающих обстоятельствах, стр. 8; Г. Н. Мудьюгин, Ю. Д. Шубин, Расследование изнасилования, М., 1970, стр. 18; «Руководство для следователей», «Юридическая литература», 1971, стр. 673.

⁴ «Уголовное право, часть Особенная», «Юридическая литература», 1968, стр. 227; А. Н. Игнатов, Ответственность за преступления против нравственности, «Юридическая литература», 1966, стр. 62—64; П. П. Осипов, Половые преступления (общее понятие, социальная сущность и система составов), Л., 1966, стр. 79—82 и 192—195; Ю. К. Сущенко, Стадии преступной деятельности в составах половых преступлений (по УК РСФСР), «Ученые записки Саратовского юридического института», вып. XVI, Саратов, 1969, стр. 75; «Комментарий уголовного кодекса Латвийской ССР», Рига, 1967, стр. 294; Уголовный кодекс Эстонской ССР, комментированное издание, Таллин, 1968, стр. 300; Ю. В. Александров, Борьба с изнасилованиями, автореферат канд. дисс., Киев, 1970, стр. 7—8.

шал находившихся на излечении в больнице молодых женщин и девушек в гинекологический кабинет, где совершал в отношении их во время осмотра развратные действия, производя манипуляции пальцем в половом органе и удовлетворяя, таким образом, свою половую страсть в извращенной форме. Хабаровский областной суд приговором от 26 октября не признал в действиях Р. состава изнасилования, указав, что «данных о том, что Р. совершал с потерпевшими половые сношения, в материалах дела не имеется. Действия Р. в том аспекте, как о них рассказали в суде потерпевшие, носили развратный характер и были направлены на удовлетворение его половой страсти в иной форме, чем половое сношение. Поэтому в них отсутствуют признаки состава преступления, предусмотренного ст. 117 УК РСФСР. Вместе с тем они носят общественно опасный характер и должны наказываться по ч. 1 ст. 170 УК РСФСР, поскольку Р. умышленно использовал свое служебное положение вопреки интересам службы, делал это из личной заинтересованности, а именно: в целях удовлетворения своей половой страсти, что причинило существенный вред правам граждан (нарушило половую неприкосновенность женщин). В отношении несовершеннолетней М. действия Р. должны быть квалифицированы еще и по ст. 120 УК РСФСР». В этой части приговор был оставлен в силе Верховным Судом РСФСР и Верховным Судом СССР.

Сторонники расширительного толкования понятия «изнасилование», опираясь на единичные и научно неаргументированные высказывания судебных медиков, полагают, что термин «половое сношение» в научном смысле охватывает как естественное совокупление, так и извращенные формы удовлетворения половой потребности.

Они также считают, что законодатель под термином «половое сношение» понимал не только совокупление, но и действия, имитирующие половой акт, исходя из того, что в ст. 121 УК РСФСР дается определение мужеложства как полового сношения мужчины с женщиной.

Данное определение закона представляется неудачным, однако, по-видимому, цель законодателя была не допустить слишком широкой трактовки понятия муже-

ложства¹. Наконец, высказывается мнение, что общественная опасность насильственного полового сношения в естественной форме и насильственного удовлетворения половой страсти в извращенных формах (*coitus per os, coitus per anum*) равнозначна и что в последних случаях потерпевшему причиняется особенно тяжелый моральный вред и глубоко унижается личное достоинство.

Однако это не может служить основанием для признания указанных действий изнасилованием, так как аналогичный вред может быть причинен и при совершении ряда других преступлений, например злостного хулиганства.

В отличие от изнасилования при насильственном удовлетворении половой потребности в иной форме исключается такое последствие, как беременность потерпевшей, а при *coitus per os* и *coitus per anum* — также и лишение ее девственности.

По результатам выборочного изучения мнения потерпевших видно, что в 17 случаях из 18 потерпевшие считали менее опасным для себя удовлетворение половой потребности насильника в извращенной форме, нежели путем совокупления. В одном случае потерпевшая признала, что удовлетворение половой страсти в извращенной форме и половое сношение, совершенные с применением насилия, наносят ей равнозначный ущерб.

По нашему мнению, расширительное толкование понятия «изнасилование» в действующем советском уголовном законодательстве представляет собой скрытую аналогию.

Косвенно это признают и некоторые сторонники рассматриваемой точки зрения. «Поскольку ввиду извращенности преступника противоестественный акт заменяет ему нормальное половое сношение, имеются основания *приравнивать* (подчеркнуто нами.— А. И.) эти действия к половому сношению. Половая свобода женщины в подобных случаях подавляется не в меньшей степени, чем и при насильственном половом сношении»².

¹ Об определении мужеложства см. в главе шестой.

² «Поддержание государственного обвинения в суде», «Юридическая литература», 1970, стр. 137.

Следует отметить, что обоснование квалификации подобных действий, как изнасилования, тем, что преступник получает сексуальное удовлетворение, так же как и при половом сношении, представляется неубедительным, ибо опасность изнасилования определяется характером посягательства и причиняемым вредом.

Стремление расширить понятие «изнасилование» объясняется прежде всего тем, что в большинстве союзных республик уголовное законодательство не выделяет в особый состав преступления совершение насильственных сексуальных действий.

На наш взгляд, решение вопроса об определении понятия изнасилования должно идти не по пути его расширительного толкования, а по пути совершенствования уголовного законодательства.

По действующему советскому уголовному законодательству под изнасилованием понимается совершение полового сношения с женщиной против ее воли в результате преодоления сопротивления потерпевшей путем применения физического или психического насилия или в результате использования беспомощного состояния потерпевшей, когда она не способна оказать сопротивление насильнику или не в состоянии осознать, что с ней происходит.

В практике возникал вопрос, достаточно ли для признания изнасилования установление факта, что половое сношение с женщиной было совершено без ее согласия.

Прежде всего следует иметь в виду, что согласие может быть вынужденным (например, под влиянием непосредственной угрозы).

Поэтому важно установить, выражала ли согласие женщина на половую связь, ее действительную волю¹.

В англо-американском праве понятие «половой акт», совершенный против воли женщины, толкуется как совершение этого действия без законного согласия потерпевшего (т. е. в результате обмана, запугивания, использования слабоумия и т. п.).

¹ См. также П. М. Серобян, О необходимости установления уголовной ответственности за половые извращения с применением физического насилия, «Сборник трудов Бюро главной судебно-медицинской экспертизы, вып. 6», Ереван, 1971, стр. 36—45.

Об отсутствии воли женщины на половую близость могут свидетельствовать ее явно и определенно выраженное несогласие и активное сопротивление. В случаях невозможности или неспособности женщины проявить или выразить свою волю половое сношение с ней рассматривается как совершенное против ее воли.

Если женщина свободно выразила согласие на вступление в половую связь, половое сношение должно признаваться добровольным. Не имеет значения для принципиальной юридической оценки события то обстоятельство, что согласие женщины было основано на каких-либо неоправдавшихся расчетах или условиях, в действительности не оказавшихся (например, в результате обещания каких-либо выгод и т. п.¹).

Возможны случаи, когда очевидное согласие женщины не может расцениваться как выражение ее воли. Так, при слабоумии, некоторых психических расстройствах женщина не способна осознать социальное значение вступления в половую связь и ее согласие не имеет юридического значения.

Субъект, который воспользовался таким согласием женщины на половую связь, зная о ее состоянии, признается виновным в изнасиловании с использованием беспомощного состояния потерпевшей.

Однако, если он не был осведомлен о психическом состоянии женщины и добросовестно рассматривал ее согласие на половую связь как проявление ее воли, такие обстоятельства достаточны для опровержения обвинения в изнасиловании.

По смыслу советского уголовного закона потерпевшей от изнасилования может быть только женщина. При этом потерпевшей может оказаться любая женщина независимо от ее нравственных качеств и поведения. В случае насильственного посягательства на половую свободу мужчины совершенное преступление может рассматриваться как мужеложство, хулиганство, нанесение телесных повреждений и т. д. В советской юридической литературе высказывалось мнение, что потер-

¹ Вопрос об использовании обмана при изнасиловании будет рассмотрен ниже.

певшим от изнасилования может быть и мужчина¹. Так, Е. П. Френкель считал, что «насильственные отношения между лицами одного пола подходят также под понятие изнасилования».

В русской дореволюционной и зарубежной буржуазной науке уголовного права было распространено мнение, что проститутка не может стать жертвой изнасилования². Таким образом, утверждалось положение, что закон охраняет честь и половую свободу так называемых «порядочных» женщин. И. Я. Фойницкий ставил решение этого вопроса в зависимость от обстановки, места и времени совершения деяния. Он писал: «Если насилие учинено при обстановке продажного разврата, например в публичном доме или после прихода женщины в частное помещение по приглашению для разврата, то не может быть речи об изнасиловании. Согласие на совокупление здесь предполагается. Напротив, если оно учинено при условиях, когда публичная женщина не промышляла собою, например пришла в гости в знакомое семейство, то личность ее должна быть ограждаема от изнасилования»³.

В советской науке уголовного права никаких ограничений понятия потерпевшей от изнасилования не выдвинуто.

Поведение потерпевшей может учитываться судом в ряде других доказательств при решении вопроса, имело ли место насильственное или добровольное половое сношение.

Принципиальное значение имеет вопрос о возможности изнасилования мужем своей жены. В буржуазном уголовном праве, в том числе в русском дореволюционном, такая возможность исключалась. Так, английское и американское уголовное право понимает под изнасилованием половое сношение, совершенное мужчиной с женщиной, не являющейся его женой, против ее воли и без ее согласия.

¹ Е. П. Френкель, Половые преступления, Одесса, 1927, стр. 5, 18.

² Н. А. Нехлюдов, Руководство к особенной части русского уголовного права, 1876, стр. 406. См. также Feurbach Lehrbuch des gemeinen für Deutschland gültigen reinlichen Rechts», 1847, S. 442.

³ И. Я. Фойницкий, Курс уголовного права, часть Особенная, Петроград, 1916, стр. 142.

эта
рый
муж
его
ния,
вате
ная
самы
косн
зрен
венно
рабск
непри
уже
жана.
одного
возмо
во мож
терпев
налич
связи.
мужем
полово
над ли
изнаси
телесн
сказыва
Б. Н. З
права
прийти
возмо
Приз
ворять
вует ко
каких-ли

¹ А. В.
см. также
² А. А.
19—20. Та
работе, стр
³ Б. Н.
П. И. Лю
3 Заказ

В русской науке уголовного права наиболее ярко эта позиция была выражена А. В. Лохвицким, который писал: «Изнасилование не может быть совершено мужем над женою. Если бы жена и сопротивлялась его желанию и он употребил насилие для удовлетворения, он все-таки не может быть наказан как изнасилователь на том основании, что совокупление есть конечная цель брака и женщина, вступая в супружество, тем самым отрекается в отношении мужа от права неприкосновенности»¹. Совершенно ясно, что такая точка зрения, основывающаяся на признании «права собственности» на жену и подчеркивающая неравенство и рабское положение женщины в буржуазном обществе, неприемлема для советского уголовного права. Однако уже в советское время эта точка зрения была поддержана. Так, А. А. Жижиленко писал в 1924 году: «Право одного лица на половое сношение с другим исключает возможность говорить об изнасиловании. Подобное право может вытекать прежде всего из согласия самой потерпевшей, но оно, кроме того, может покоиться на наличности брачной или продолжительной внебрачной связи. Поэтому нельзя конструировать изнасилования мужем своей жены; муж, насильственно совершающий половое сношение с женой, может отвечать за насилие над личностью или за оскорбление действием, но не за изнасилование... В случае расстройства здоровья — за телесные повреждения»². В тот же период времени высказывалась и противоположная точка зрения. Так, Б. Н. Змиев писал: «Исходя из признания за женщиной права на свободу в области половой сферы, следует прийти к заключению, что изнасилование мужем жены возможно»³.

Признание правовой обязанности супругов удовлетворять половую потребность друг друга не соответствует коммунистической морали. Поэтому установление каких-либо ограничений в определении изнасилования

¹ А. В. Лохвицкий, Курс уголовного права, 1867, стр. 577; см. также И. Я. Фойницкий, указ. работа, стр. 142.

² А. А. Жижиленко, Половые преступления, М., 1924, стр. 19—20. Такую же точку зрения высказывал Е. П. Френкель в цит. работе, стр. 15.

³ Б. Н. Змиев, Уголовное право, Казань, 1923, стр. 27; П. И. Люблинский, цит. работа, стр. 56.

применительно к потерпевшей — жене означает неоправданное исключение правовых гарантий половой свободы отдельной категории лиц.

Советское уголовное право охраняет в равной степени личность любого человека от преступных посягательств.

В настоящее время в советской юридической литературе не встречается возражений мнение о том, что жена может быть потерпевшей от изнасилования¹.

Несколько скептическую позицию заняли Г. Б. Карнович и М. Г. Коршик, которые писали, что на практике такие случаи могут иметь место, когда развод почему-либо еще не оформлен и потерпевшая формально остается женой изнасиловавшего ее лица².

Однако в практике, хотя и редко, встречаются случаи привлечения к ответственности за изнасилование жены и при фактически сохраняющемся браке.

С субъективной стороны изнасилование характеризуется прямым умыслом. Сознанием виновного охватываются следующие моменты: совершение полового акта вопреки или помимо воли женщины, использование физического насилия или угрозы физическим насилием для подавления воли потерпевшей или использование ее беспомощного состояния. Поэтому преступник должен осознавать, что потерпевшая или не может выразить свою волю и оказать сопротивление, или же не желает вступления в половую связь. В случаях, когда мужчина по всем обстоятельствам ситуации добросовестно полагал, что высказанное женщиной нежелание интимной близости и ее сопротивление носят притворный характер, и добивался совершения полового акта без применения грубого насилия, его действия нельзя рассматривать как изнасилование.

В тех случаях, когда субъект намеревался добиться от женщины согласия на вступление в половую связь, но, встретив отказ, в отместку применяет насилие (например, наносит потерпевшей побои), его действия так-

¹ Я. М. Яковлев, указ. работа, стр. 102—103; «Курс советского уголовного права, часть Особенная», т. 1, М., 1955, стр. 628.
² См. Г. Б. Карнович, М. Г. Коршик, Расследование половых преступлений, Госюриздат, 1958, стр. 7—8.

же не могут рассматриваться как покушение на изнасилование, так как отсутствует умысел на совершение этого преступления.

Мотивы изнасилования не включаются в состав преступления и потому не влияют на квалификацию. Как правило, мотивом изнасилования является стремление к удовлетворению половой потребности в самой грубой животной форме. Иногда мотивом изнасилования могут явиться другие побуждения, например стремление унижить женщину из мести или добиться согласия потерпевшей на вступление в брак¹. В некоторых случаях, особенно у несовершеннолетних, основным мотивом изнасилования выступают побуждения престижного или подражательного порядка².

В этих случаях стремление к удовлетворению половой потребности выступает в качестве сопутствующего мотива.

§ 2. Понятие физического насилия при изнасиловании

Эта форма изнасилования является наиболее распространенной. Так, по делам об изнасиловании, квалифицированным по ч. 1 ст. 117 УК РСФСР, применение физического насилия, иногда наряду с угрозой, имело место в 71% случаев. По данным Г. М. Резника и Г. П. Забрянского (в одном из районов Москвы), такие действия встречались в 73,4% случаев. В зависимости от интенсивности применения насилия и характера угроз преступление квалифицируется по различным частям ст. 117 УК РСФСР. В данном параграфе будут рассмотрены общие признаки, относящиеся к характеристике физического насилия при изнасиловании, предусмотренного ч. 1 ст. 117 УК РСФСР.

¹ Возможность мотива мести при изнасиловании признают также авторы «Руководства для следователей», «Юридическая литература», 1971, стр. 624.

² По данным К. Е. Игошева, указанные мотивы характерны для 34% изнасилований, совершенных постоянной группой, и 19,7%, совершенных в одиночку («Особенности мотивации преступлений, совершенных группами», сборник ученых трудов, вып. 14, Свердловск, 1971, стр. 172).

В уголовно-правовом смысле под физическим насилием следует понимать противоправное воздействие на организм потерпевшей, совершенное против ее воли¹. Нельзя признать достаточно точным определение насилия, как любой формы физического или психического воздействия на потерпевшего². Насилие может осуществляться и химическим, и биологическим, и механическим воздействием.

Чаще всего при совершении изнасилования насилие выражается в механическом воздействии на организм потерпевшей. При применении насилия преступник может использовать как непосредственно свою физическую силу, так и какие-либо предметы (орудия) или даже оружие, позволяющие ему применить более интенсивное воздействие. Степень физического насилия при изнасиловании определяется характером причиненного или возможного ущерба для здоровья потерпевшей.

Наиболее легкие формы насилия заключаются в воздействии на телесную неприкосновенность потерпевшей и в лишении ее возможности передвижения и сопротивления, например связывание, удержание руками, физическое преодоление ее сопротивления без нанесения побоев и т. п. Эти формы физического насилия, как правило, не причиняют заметного вреда организму потерпевшей, но являются достаточными для признания деяния изнасилованием.

Однако значительно чаще при совершении изнасилования применяется более интенсивное насилие, причиняющее различные телесные повреждения потерпевшей. Чаще всего насильник наносит ей побои, причиняет легкие телесные повреждения (кровоподтеки, ссадины и т. п.).

Встречаются случаи, когда насильник применяет интенсивные формы насилия (оглушающие удары по голове, сдавливание шеи руками или накинутой петлей и т. п.) для приведения женщины в бессознательное состояние. В этих случаях имеет место насилие, харак-

¹ Л. Д. Гаухман, Борьба с насильственными посягательствами, «Юридическая литература», 1969, стр. 5—6.

² А. Наумов, Совокупность в насильственных составных преступлениях, «Советская юстиция» 1973 г. № 1, стр. 11.

терное для квалифицированного состава изнасилования.

Но привести женщину в бессознательное состояние можно не только физическим, но и иным воздействием на ее организм, которое также следует рассматривать как насилие. Так, Б. и П., пригласив на квартиру П. двух знакомых девушек, дали им выпить под видом кваса заранее приготовленный раствор наркотика (намбутал). Девушки впали в состояние наркотического опьянения. Воспользовавшись беспомощным положением одной из них, Б. и П. совершили с ней половой акт. Московский городской суд осудил Б. и П. за изнасилование. В данном случае приведение в беспомощное состояние явилось одной из форм насилия.

Следует иметь в виду, что при применении наркотических и ядовитых веществ для одурманивания жертвы и приведения ее в беспомощное состояние здоровью потерпевшей может быть причинен значительный ущерб, а иногда создана опасность для жизни.

Нельзя согласиться с мнением Б. В. Даниэльбека, который считает, что «применение одурманивающих средств, к которым в первую очередь надо отнести наркотические и снотворные вещества, можно рассматривать как насилие лишь тогда, когда эти средства давались потерпевшей с применением физической силы»¹. Таким образом, Б. В. Даниэльбек под насилием понимает только применение физической силы, т. е. слишком сужает это понятие.

Нельзя забывать, что противоправное воздействие на организм потерпевшей, совершенное в любой форме, нарушает неприкосновенность личности, наносит ущерб интересам личности.

Такого рода воздействие на организм другого человека, способное в ряде случаев причинить телесные повреждения или даже смерть, само по себе представляет общественную опасность, независимо от последующего состояния потерпевшего и действий виновного.

Такие действия, как одурманивание, приведение в бессознательное состояние, отравление могут явиться

¹ Б. В. Даниэльбек, Уголовно-правовая борьба с половыми преступлениями, автореферат докт. дисс., М., 1970, стр. 10.

средством совершения других общественно опасных действий (изнасилования, похищения имущества и т. д.).

В этих случаях оценка таких действий как насильственных имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение, так как влияет на квалификацию деяния и назначение меры наказания виновному.

Поскольку изнасилование характеризуется применением насилия для осуществления недобровольного полового сношения с женщиной, характер, способ и интенсивность насилия должны быть таковы, чтобы преодолеть действительное, а не притворное сопротивление.

Известный судебный медик М. Г. Сердюков предостерегал, что «к жалобам на изнасилование взрослых женщин, способных к сопротивлению, следует подходить критически»¹. Американские юристы считают, что женщина должна оказать максимальное сопротивление; если же она, сопротивляясь, позднее согласилась на близость, хотя бы с неохотой, то изнасилования нет². Русский криминалист А. В. Лохвицкий также писал, что «всякое колебание делает женщину участницей, а не жертвой»³.

Известно, что даже при добровольном половом акте (особенно при первом сближении) женщина может оказывать известное сопротивление и противодействие мужчине, порождаемое естественным чувством стыдливости. Однако в этих случаях насилие не является средством совершения полового акта и никогда не носит столь грубого характера и не достигает той степени интенсивности, как при изнасиловании. Так, К. обвинялся в изнасиловании И. Следствием установлено, что молодые люди, придя во двор, сидели на телеге, целовались, а затем К. свалил И. и совершил с ней половой акт. Последняя просила отпустить ее, но вырваться, убежать или позвать на помощь не пыталась, несмотря на то, что в 1,5 м от телеги находились окна ее квартиры. Прокуратура Кировского района г. Саратова прекратила дело по обвинению К. за отсутствием в его действиях

¹ М. Г. Сердюков, указ. работа, стр. 89.

² A treatise of the law of crimfs, Illinois, 1967, p. 754.

³ А. В. Лохвицкий, указ. работа, стр. 570.

состава преступления¹. Поэтому точное установление характера и степени насилия, примененного субъектом при вступлении в половую связь с женщиной, является необходимым условием правильной квалификации при привлечении к уголовной ответственности за изнасилование. Например, причинение женщине значительных и серьезных телесных повреждений, нанесение ей побоев, как правило, свидетельствует об изнасиловании.

Судебная практика в основном успешно справляется с трудностями установления изнасилования по делам с отсутствием свидетелей, правильно определяя характер и степень примененного насилия.

Степень вреда, причиненного женщине в результате применения физического насилия при изнасиловании, учитывается судом при назначении наказания, а в тех случаях, когда насилие повлекло особо тяжкие последствия, преступление квалифицируется по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР.

Следует иметь в виду, что, поскольку применение насилия, а следовательно, и причинение физического вреда потерпевшей является элементом состава изнасилования, нанесение женщине телесных повреждений в процессе изнасилования не требует дополнительной квалификации по совокупности. По этому вопросу Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 24 марта 1964 г. дал следующее руководящее указание: «Изнасилование или покушение на изнасилование, сопровождающееся причинением потерпевшей легких или менее тяжких телесных повреждений, подлежит квалификации только по ч. 1 ст. 117 УК РСФСР и соответствующих статей других союзных республик, а если причинены телесные повреждения, повлекшие последствия, указанные в ст. 108 УК РСФСР и соответствующих статьях УК других союзных республик, то — по ч. 3 тех же статей УК союзных республик. В указанных случаях дополнительная квалификация по другим статьям о преступлениях против личности (например, по ст.ст. 112, 109, 108 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик) не требуется, так как

¹ См. «Советская юстиция» 1963 г. № 23, стр. 20.

применение насилия и причинение вреда здоровью потерпевшей охватывается диспозицией закона об ответственности за изнасилование»¹.

§ 3. Понятие и виды угрозы при изнасиловании

Уголовный закон в качестве одного из способов совершения изнасилования предусматривает применение психического насилия, т. е. угрозы.

При изучении 140 дел об изнасиловании, квалифицированном по ч. 1 ст. 117 УК РСФСР, угроза без применения физического насилия имела место в 15% случаев, а по данным Г. М. Резника и Г. И. Забрянского (по одному из районов Москвы) в 16,1%. Значительно больший процент применения угрозы при изнасиловании (52%), указанный авторами учебника «Криминологии»², по-видимому, объясняется тем, что они суммировали случаи изнасилования с применением не только угрозы, а также с применением физического насилия и угроз.

Под угрозой в уголовно-правовом смысле следует понимать запугивание другого лица совершением немедленно или в будущем таких действий, которые могут причинить ущерб потерпевшему или нарушить его права. Применение угроз иногда может оказать столь сильное психическое воздействие на потерпевшую, что она во все не окажет никакого сопротивления насильнику и подчинится его требованиям.

Так, К., подойдя на улице к незнакомой ему 15-летней девушке, предложил ей идти с ним, сказав, что у него в кармане нож и ей «будет плохо». Пройдя значительное расстояние и миновав несколько улиц, К. завел потерпевшую в бомбоубежище, где предложил снять трусы и лечь на пол. Девушка беспрекословно выполнила это требование, после чего К. совершил с ней половой акт и ушел. При расследовании выяснилось, что потерпевшая И. была скромной, крайне застенчивой и исключи-

¹ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1970 гг.» изд-во «Известия Советов депутатов трудящихся СССР», М., 1971, стр. 454.

² «Криминология», «Юридическая литература», 1968.

тельно боязливой. В силу этих черт характера угроза оказала на нее столь сильное психическое воздействие, что она не решилась ни оказать сопротивления, ни звать на помощь¹.

Поскольку в УК большинства союзных республик не определяется характер угрозы при изнасиловании, этот вопрос, имеющий большое практическое значение, требует тщательного теоретического анализа².

Прежде всего необходимо выяснить, любая ли угроза, соединенная с требованием половой близости, достаточна для признания изнасилования. Советское уголовное законодательство в отдельных составах предусматривает различные виды угрозы: угрозу применением физического насилия (ст.ст. 91, 134, 146, 191, 191¹, 241 УК РСФСР), угрозу насилием, а также уничтожением имущества (ст.ст. 183, 193, 207 УК РСФСР). При вымогательстве (ст.ст. 95, 148 УК РСФСР) наряду с угрозой насилием или истреблением имущества допускается и угроза оглашением позорящих сведений о потерпевшей или ее близких (шантаж). В некоторых случаях (ст.ст. 117, 132, 179 УК РСФСР) закон не раскрывает содержания угрозы. В этих случаях при определении характера угрозы необходимо учитывать другие признаки состава преступления, степень общественной опасности данного преступления, а также прибегать к систематическому толкованию закона путем сопоставления анализируемой нормы с другими статьями Уголовного кодекса.

Рассматривая диспозицию ч. 1 ст. 117 УК РСФСР, мы видим, что закон указывает на три способа совершения изнасилования: применение физического насилия, применение угроз и использование беспомощного состояния потерпевшей.

¹ См. «Следственная практика, вып. 46», «Юридическая литература», 1961, стр. 48.

² Уголовный кодекс Эстонской ССР, определяя изнасилование в ст. 115, прямо указывает на угрозу насилием. Интересно отметить, что в УК Чехословацкой Социалистической Республики в § 238, содержащем определение изнасилования, говорится об угрозе непосредственного применения насилия, а в УК Венгерской Народной Республики в § 276 (изнасилование) предусматривается непосредственная угроза жизни или телесной неприкосновенности.

В ч. 2 ст. 117 УК РСФСР предусматривается ответственность за изнасилование, сопряженное с угрозой убийством или угрозой причинить тяжкое телесное повреждение. Очевидно, квалифицированный вид изнасилования предполагает только угрозу применением тяжкого физического насилия.

Для того чтобы раскрыть содержание угрозы, предусмотренной ч. 1 ст. 117 УК РСФСР, необходимо сопоставить указанные в этой норме признаки. Применение физического насилия направлено на преодоление сопротивления женщины или на подавление ее способности и воли к сопротивлению. Использование беспомощного состояния основывается на неспособности женщины проявить свою волю или оказать сопротивление.

Таким образом, в обоих случаях потерпевшая лишается возможности проявить свою волю. Поскольку применение угрозы приравнивается к указанным случаям изнасилования, естественно предположить, что законодатель имел в виду такие формы угрозы, которые способны парализовать волю женщины к сопротивлению. Любая угроза оказывает определенное психическое воздействие на потерпевшую, но только опасная и реальная угроза может заставить женщину поступить своей половой свободой. Следовательно, при изнасиловании угроза по своему характеру и интенсивности должна быть равноценна применению физического насилия или использованию беспомощного состояния потерпевшей.

Правильно характеризовал сущность угрозы при изнасиловании проф. А. А. Жижиленко, когда он писал: «При изнасиловании может быть принята во внимание лишь угроза, которая по своему содержанию имеет такое же значение, как насилие над личностью, она должна вызывать у потерпевшего страх лишиться какого-нибудь ценного блага, если он не пожертвует своей половой неприкосновенностью»¹.

Представляется правильным признать, что только угроза физическим насилием по степени опасности со-

¹ А. А. Жижиленко, А. Г. Оршанский, Половые преступления, М., 1927, стр. 28.

ответствует фактическому применению насилия. Угроза при изнасиловании как бы предваряет применение насилия и в случае отказа потерпевшей подчиниться требованиям насильника немедленно может быть приведена в исполнение. Только такая угроза может сделать женщину беспомощной перед лицом преступника.

Учитывая характер и опасность совершаемого преступления, можно сравнить угрозу при изнасиловании с угрозой при разбое, с учетом того, что при изнасиловании возможна угроза любым по интенсивности физическим насилием, связанным с причинением вреда здоровью или физической боли (нанесением побоев, телесных повреждений и т. д.).

Угроза может быть выражена словесно, жестами, наконец, вытекать из создавшейся обстановки. Например, если в безлюдном месте группа лиц нападает на женщину и требует от нее подчиниться их желаниям, угроза расправы вытекает из всей обстановки совершения преступления.

Угроза физическим насилием при изнасиловании может выражаться и в угрозе лишить свободы (запереть в подвале) или посягнуть на телесную неприкосновенность (связать), если эти действия могли представлять опасность для потерпевшей.

Так, например, трое молодых людей, познакомившись на пляже в г. Запорожье с сестрами Р. и Н., предложили им покататься на лодке, а затем отвезли на пустынный остров Хортицу, где изнасиловали старшую сестру Р., пригрозив ей, что если она будет кричать, то ее привяжут к дереву и оставят одну на острове. В данном случае имела место угроза физическим насилием в виде лишения свободы, представлявшим значительную опасность для потерпевшей¹.

В советской юридической литературе получило распространение более широкое понимание угрозы при изнасиловании. Так, наряду с угрозой физическим насилием признавалась возможной также угроза уничтожением имущества и даже угроза распространением о потерпевшей позорящих сведений (шантаж). Та-

¹ «Следственная практика, вып. 19», «Юридическая литература», 1954, стр. 109—116.

ким образом, угроза при изнасиловании как бы приравнивалась к угрозе при вымогательстве. Так, проф. А. А. Пионтковский считал, что «психическое насилие при изнасиловании следует понимать шире, чем лишь как угрозу применения физического насилия». Далее он писал: «Для признания наличия психического насилия не является необходимым, чтобы оно заключало в себе непременно угрозу совершения какого-либо преступного деяния; его наличие может быть констатировано и при угрозе совершения непроступных действий (например, оглашение справедливых, но позорящих данное лицо сведений)»¹.

Позднее он изменил свою позицию, признав, что психическое насилие при изнасиловании выражается в угрозе применить физическое насилие, как к самой потерпевшей, так и к ее близким².

Широкого понимания угрозы придерживался проф. М. Д. Шаргородский, который, признавая, что угрозы при изнасиловании должны быть достаточно серьезными, чтобы преодолеть действительное сопротивление женщины, считал, что в содержании угрозы должна выражаться «реальная угроза убить, нанести телесное повреждение, уничтожить имущество, разгласить серьезные, позорящие сведения и т. д.»³.

Л. А. Андреева в своей кандидатской диссертации допускает возможность при изнасиловании угрозы истреблением имущества и угрозы разглашением о потерпевшей позорящих сведений, однако считает более правильным выделить эти действия в самостоятельный состав преступления⁴. Широкого понимания угрозы при изнасиловании придерживаются также Ю. В. Александров, Б. А. Блиндер⁵.

¹ А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин, Курс советского уголовного права, Особенная часть, т. I, Госюриздат, 1955, стр. 630.

² «Курс советского уголовного права», т. 5, М., 1971, стр. 151.

³ «Советское уголовное право, часть Особенная», 1962, М., стр. 162.

⁴ Л. А. Андреева, Состав преступления изнасилования в советском уголовном праве, Л., 1962, стр. 85—87.

⁵ Ю. В. Александров, Борьба с изнасилованиями, Киев, 1970, стр. 9; Б. А. Блиндер, Уголовно-правовая охрана свободы и достоинства личности, Ташкент, 1970, стр. 28—29.

Ю. К. Сущенко занимает двойственную позицию, с одной стороны, не считает угрозы шантажного характера достаточными для признания изнасилования взрослых, с другой — признает возможность изнасилования несовершеннолетних путем применения шантажной угрозы¹. Его мнение разделяет Б. В. Даниэльбек².

С приведенными мнениями нельзя согласиться. Такое широкое понимание угрозы при изнасиловании основано лишь на формальном толковании закона, который, не раскрывая содержания угрозы в ст. 117 УК РСФСР, дает возможность признать, что законодатель имел в виду любой вид угрозы. Однако если воспринять эту точку зрения, то можно подвести под понятие «изнасилование» (одно из тяжких преступлений) совершение различных аморальных проступков.

Действительно, что представляет собой шантаж с целью побудить женщину к половой связи? Не что иное, как склонение к половой связи женщины путем известного психического давления. Ставят ли подобные действия женщину в безвыходное положение, равное беспомощному состоянию? Разумеется, нет. Женщина не лишена в подобных случаях возможности проявить свою волю. Представляется, что женщина, согласившаяся на половую связь под угрозой разглашения о ней позорящих сведений, не очень дорожит своей половой свободой.

Значительно более опасный характер носит требование половой близости, соединенное с угрозой истребления имущества, особенно путем поджога. Однако и в этих случаях нельзя признать, что воля женщины парализуется и она оказывается в беспомощном положении. Опасность подобных случаев значительно меньше опасности изнасилования. Следует иметь в виду, что и угроза истреблением имущества, и в особенности шантажная угроза относятся, как правило, к будущему времени, могут быть осуществлены в будущем.

¹ Ю. К. Сущенко, Ответственность за половые преступления против несовершеннолетних по советскому уголовному праву, автореферат канд. дисс., Саратов, 1967, стр. 10.

² Б. В. Даниэльбек, Уголовно-правовая борьба с половыми преступлениями, автореферат докт. дисс., М., 1970, стр. 11.

В безвыходное же положение, приравняемое к беспомощному, потерпевшую ставит только угроза, которая может быть осуществлена немедленно.

Если признать изнасилованием склонение женщины к половой связи путем угрозы разгласить позорящие сведения о ней, то с большим основанием можно было отнести к изнасилованию понуждение женщины к вступлению в половую связь с лицом, в отношении которого женщина являлась материально или по службе зависимой. Однако подобные действия рассматриваются как значительно менее опасные по сравнению с изнасилованием и выделены законодателем в особый состав преступления, предусмотренный ст. 118 УК РСФСР. При понуждении к половой связи женщины, находящейся в материальной или иной зависимости, на потерпевшую оказывается определенное психическое воздействие, могут применяться и угрозы, например, ухудшить ее материальное или бытовое положение. Такое психическое давление может оказывать на потерпевшую значительно большее воздействие, чем шантажная угроза, однако законодатель не приравнивает указанные действия к изнасилованию. Поэтому необходимо признать, что при изнасиловании возможна только такая угроза, которая способна поставить женщину в безвыходное положение, равное беспомощному состоянию.

Угроза применением физического насилия при изнасиловании должна быть реальной и непосредственной. Реальность угрозы следует понимать как возможность немедленно привести ее в исполнение. Угроза применить насилие в будущем не ставит женщину в беспомощное состояние, так как у нее остается время для того, чтобы принять меры самосохранения или прибегнуть к помощи органов власти т. д.

Эту особенность угрозы при изнасиловании правильно отмечал А. А. Жижиленко: «Угроза немедленно причинить побои женщине, если она не вступит сейчас же в половую связь, достаточна для состава изнасилования; но угроза женщине убить ее при первой встрече не имеет существенного значения»¹. На непосредствен-

¹ А. А. Жижиленко, А. Г. Оршанский, указ. работа, стр. 27.

ный характер угрозы при изнасиловании указывают также А. А. Пионтковский¹ и Л. А. Андреева².

Возражает против этой точки зрения Б. А. Блиндер, считая, что угроза совершения тех или иных действий в будущем по силе своего воздействия на потерпевшую может быть в ряде случаев не менее значительной, чем непосредственная угроза. И далее заключает: «Дело не в том, причинением какого ущерба субъект угрожает потерпевшей и когда он угрожает выполнить эти действия. Важно установить, что угроза была настолько серьезна, реальна, интенсивна и конкретна, что она подавила волю женщины к сопротивлению и заставила ее пожертвовать своей половой свободой»³.

Б. А. Блиндер смешивает два понятия — безвыходность положения женщины, вынужденной прекратить или не предпринимать сопротивления действиям насильника, и сознательное «жертвование» своей половой свободой, основанное на расчете.

При таком понимании угрозы любое психическое воздействие на женщину, повлекшее ее согласие на вступление в половую связь, придется рассматривать как изнасилование, а для состава понуждения женщины к вступлению в половую связь не окажется места. Столь широкое понимание изнасилования способствовало бы увеличению числа ложных обвинений в преступлении.

Угроза при изнасиловании может быть направлена как против самой потерпевшей, что чаще всего встречается в практике, так и против близких ей лиц⁴. Действительно, угроза совершить насилие над близким, дорогим женщине человеком, например ее ребенком, может оказать на нее большее психическое воздействие, чем угроза применить насилие к ней самой.

Так, П., встретив на дороге М. с двухлетней дочерью, затащил ее в лес и, угрожая учинить расправу

¹ «Курс советского уголовного права», т. 5, изд-во «Наука», М., 1971, стр. 152.

² Л. А. Андреева, О характере принуждения при изнасиловании, «Правоведение» 1960 г. № 2, стр. 155.

³ Б. А. Блиндер, указ. работа, стр. 8.

⁴ См. «Курс советского уголовного права», т. 5, стр. 151.

над ребенком, изнасиловал. П. правильно был осужден за изнасилование народным судом Талсинского района Латвийской ССР по ч. 1 ст. 121 УК Латвийской ССР.

Под угрозой совершения насилия над матерью была изнасилована студентка Махачкалинского университета Дагестанской АССР Д. Она неоднократно встречалась с Б., лицом без определенных занятий. Б. предложил Д. вступить с ним в половую связь, но Д. отказалась. Чтобы сломить сопротивление Д., Б. заявил, что если она не согласится на его требование, то он и его друзья, с которыми он уже договорился, на ее глазах изнасилуют ее мать. Д., считая, что Б. способен осуществить свою угрозу, уступила его домогательствам.

В буржуазной юридической литературе высказывается противоположное мнение. Так, Ф. Лист писал: «Физическое насилие при изнасиловании должно быть направлено против самой насилуемой, точно так же и опасность, являющаяся предметом угрозы, должна касаться ее самой»². Эта точка зрения является выражением крайнего индивидуализма буржуазной идеологии, основанной на разобщенности личных интересов людей в буржуазном обществе. Буржуазная наука поэтому стремится поддерживать эгоизм в мировоззрении людей.

Давая судам руководящее указание в постановлении от 25 марта 1964 г., «О судебной практике по делам об изнасиловании», Пленум Верховного Суда СССР разъяснил, что «под угрозой, применяемой как средство подавления сопротивления потерпевшей в целях ее изнасилования, следует понимать запугивание потерпевшей такими действиями или высказываниями, которые выражали намерение немедленного применения физического насилия к самой потерпевшей или к ее близким родственникам (например, к ее детям)»³.

В практике возникал вопрос, можно ли признавать изнасилованием вступление в половую связь с женщи-

¹ См. также Г. Б. Карнович, М. Г. Коршик, Расследование половых преступлений, Госюриздат, 1958, стр. 5.

² Ф. Лист, указ. работа, стр. 78.

³ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1970 гг.», стр. 454.

ной ее близкого родственника (например, отца) под угрозой покончить жизнь самоубийством.

Исходя из буквального толкования постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г., в котором разъяснено, что угроза может быть направлена и против близких потерпевшей людей, Ю. К. Сущенко рассматривает угрозу отца покончить с собой как разновидность угрозы при изнасиловании¹.

Представляется, что угроза виновного причинить вред самому себе не может рассматриваться как элемент объективной стороны изнасилования.

Изнасилование, как тяжкое преступление, характеризуется применением насилия к потерпевшей или ее близким или угрозой применить насилие.

Угроза причинить вред самому себе, вплоть до самоубийства, не представляет той степени общественной опасности, которой отличается изнасилование. При такой угрозе нет намерения применить насилие к другому человеку, что характерно для насильственных преступлений.

Так, Т., пытаясь склонить свою дочь к половой связи, угрожал ей в случае отказа самоубийством. Он заявил, что подорвет себя гранатой, и показал дочери гранату, которую незаконно хранил дома. Под влиянием такого психического воздействия дочь согласилась на половую близость. Т. был осужден по ст. 119 УК РСФСР.

§ 4. Понятие беспомощного состояния потерпевшей

Из 140 изученных нами дел об изнасиловании, квалифицированном по ч. 1 ст. 117 УК РСФСР, изнасилование потерпевшей, находящейся в беспомощном состоянии, составило 14%. По данным изучения дел об изнасиловании в одном из районов Москвы Г. М. Резника и Г. И. Забрянского этот вид изнасилования составил 10,1%, по данным же авторов учебника «Крими-

¹ Ю. К. Сущенко, указ. работа, стр. 103.

нологии» — 8%¹, а по данным А. А. Герцензона — 14%².

Советский уголовный закон признает изнасилованием половое сношение с использованием беспомощного состояния потерпевшей, когда она или не осознает характера совершаемых с ней действий, или не способна оказать сопротивление насильнику. Когда потерпевшая находится в беспомощном состоянии, виновный не применяет физическое насилие или угрозы для достижения своей цели. Поэтому может казаться, что половой акт носит добровольный характер.

Однако выяснение действительного состояния женщины позволяет сделать вывод, что ее пассивное поведение обусловливается не молчаливым согласием на вступление в половую связь, а объективными факторами.

Давая общее определение беспомощного состояния, проф. М. И. Авдеев писал, что «беспомощность заключается в отсутствии у субъекта возможности обеспечить и сохранить свое существование от различного рода внешних воздействий, которые могут угрожать опасностью здоровью и жизни человека»³.

Именно отсутствие у беспомощной женщины возможности сохранить и обеспечить свою безопасность и неприкосновенность позволяет насильнику грубо игнорировать волю потерпевшей.

Для уяснения характера и признаков беспомощного состояния необходимо подробно рассмотреть различные его формы и дать их классификацию.

В юридической литературе предлагались различные варианты классификации беспомощного состояния.

Так, Л. А. Андреева различает три разновидности беспомощного состояния: «1) бессознательное состояние (к нему примыкает душевная болезнь, когда лицо не отдает отчета в своих действиях и не может руководить ими); 2) состояние физической беспомощности (болезнь); 3) состояние, при котором беспомощность обус-

¹ «Криминология», «Юридическая литература», 1968, стр. 419.

² А. А. Герцензон, указ. работа, стр. 79.

³ М. И. Авдеев, Судебно-медицинская экспертиза живых лиц, изд-во «Медицина», М., 1968, стр. 306.

ловлена обстановкой (групповое изнасилование в уединенном месте)»¹.

Данная классификация, хотя и правильно характеризует основные виды беспомощного состояния, однако не является исчерпывающей. Так, например, изнасилование малолетних девочек не охватывается ни одним из трех указанных признаков. При групповом изнасиловании в уединенном месте скорее нужно говорить об угрозе, вытекающей из обстановки, а не о беспомощном состоянии.

М. И. Авдеев отмечает такие виды беспомощного состояния, как пороки развития или соматическое заболевание, неблагоприятное стечение обстоятельств внешнего порядка, эмоциональный шок, испуг, физиологический сон, травма (сильный ушиб головы, потеря сознания), наркотическое и алкогольное опьянение².

Однако он не указывает на психическое расстройство и малолетних как на важные факторы, позволяющие признать лицо находящимся в беспомощном состоянии.

Я. М. Яковлев полагает, что в основу классификации беспомощного состояния должен быть положен характер беспомощности потерпевшей. Он различает: 1) психическую беспомощность, при которой потерпевшая не понимает значения совершаемого с ней полового акта, включая в нее душевную болезнь, бессознательное состояние и малолетний возраст, и 2) физическую беспомощность, при которой потерпевшая не в состоянии оказывать сопротивление из-за физических недостатков, болезни, престарелого возраста или из-за сложившейся ситуации³.

Следует отметить, что предложенной квалификацией не охватывается обычное алкогольное и наркотическое опьянение, при которых отсутствует и психическая болезнь, и бессознательное состояние; эмоциональный шок нельзя считать разновидностью душевной болезни. Представляется, что для полноты исследования классификация должна быть более подробной.

¹ Л. А. Андреева, Состав преступления изнасилования в советском уголовном праве, Л., 1962, стр. 9.

² М. И. Авдеев, указ. работа, стр. 307—310.

³ Я. М. Яковлев, указ. работа, стр. 130—131.

Мы предлагаем различать четыре основные формы беспомощного состояния, каждая из которых включает в себя несколько конкретных видов.

1. Беспомощное состояние прежде всего может выражаться в неспособности женщины осознавать окружающую действительность и понимать фактическую сторону совершаемых действий.

Такое состояние возникает при потере сознания, сильном наркотическом или алкогольном опьянении и вызванном им глубоком сне. Э. Гофман считал, что «под именем бессознательного состояния следует понимать не только полное прекращение восприятия внешних впечатлений, но также и ту степень оглушения, в которой это восприятие хотя не совершенно уничтожено, но настолько помрачено, что о ясном представлении происходящего не может быть и речи»¹.

2. Беспомощное состояние может выразиться в неспособности лица правильно оценить ситуацию, осознать социальное значение совершаемых действий.

Отсутствие правильной социальной оценки совершаемых действий наблюдается у малолетних лиц, страдающих определенными формами душевной болезни, у слабоумных и в отдельных случаях при обмане, т. е. когда потерпевшая вступает в половую связь с кем-либо, принимая его за другого человека.

3. Беспомощное состояние следует констатировать в случаях, когда потерпевшая не способна выразить свою волю, например при эмоциональном шоке.

4. Беспомощное состояние, наконец, характеризуется неспособностью оказать сопротивление насильнику ввиду физических недостатков, соматической болезни, опьянения, вызвавшего физическую слабость и нарушение координации движения, или определенных внешних обстоятельств.

Рассмотрим более подробно каждую из указанных форм беспомощного состояния.

В тех случаях, когда женщина не способна понимать фактическую сторону совершаемых с ней действий, она пользуется юридическим иммунитетом от лю-

¹ Э. Гофман, Учебник судебной медицины, М., 1908, стр. 119.

бого воздействия, на которое требуется волевое согласие.

Поэтому действия сексуального характера, совершенные по отношению к такой женщине, оцениваются как противоречащие ее воле, а сама она признается находящейся в беспомощном состоянии.

Так, Н., не желая видеть мужа пьяным (он ушел на вечеринку), приняла большую дозу снотворного и впа-
ла в глубокий сон. Муж Н., вернувшись домой в состоя-
нии сильного опьянения, дверь не закрыл и заснул на
полу. Проходившие мимо Г., Ч. и Н., увидев открытую
дверь и спящую Н., по очереди совершили с ней поло-
вые акты. В данном случае Н. находилась в бессозна-
тельном состоянии. Г., Ч. и Н. Пермским областным
судом были осуждены за групповое изнасилование.

Сложнее определение состояния беспомощности в
ситуациях, когда женщина сознает фактическую сторо-
ну совершаемых действий, высказывает свое согласие
на вступление в половую связь или во всяком случае
ничем не выражает своего нежелания, однако при этом
не понимает социально-этического значения происхо-
дящего.

Для правильного определения состояния женщины
в этих случаях необходимо установить ее индивидуаль-
ные психические возможности оценки совершаемых
действий.

Одним из обстоятельств, обуславливающих неспо-
собность осознать социально-этическое значение вступ-
ления в половую связь, может быть малолетство.

Малолетние девочки уже в силу своего возраста,
недостаточного психического развития, отсутствия со-
циального опыта и знаний не могут в полной мере по-
нимать значения отношений между полами.

Следует учитывать и стремление малолетних подчи-
няться требованиям взрослых. Поэтому судебная прак-
тика с полным основанием рассматривает как изнаси-
лование половое сношение с малолетними, совершен-
ное без применения физического насилия и угроз и при
отсутствии сопротивления со стороны потерпевшей¹.

¹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1962 г. № 3, стр. 16.

По данным выборочных исследований, изнасилование малолетних с использованием их беспомощного состояния составляет 30—38% от общего числа изнасилований несовершеннолетних¹. Случаи изнасилования малолетних представляют большое социальное значение и требуют решения сложных юридических вопросов для правильной оценки и определения степени ответственности виновного.

Проблема заключается в установлении критериев, определяющих беспомощное состояние в силу малолетства.

В юридической литературе высказано мнение о необходимости установления формального возрастного критерия, т. е. недостижения потерпевшей определенного возраста.

Так, некоторые авторы полагают, что малолетними следует считать лиц, не достигших 14-летнего возраста; и половое сношение, совершенное с их согласия, рассматривают как изнасилование².

Другие занимают более осторожную позицию и предлагают расценивать как изнасилование половое сношение с девочкой, не достигшей 12-летнего возраста³.

Эта позиция соответствует конструкции так называемого статутного изнасилования в американском праве, когда половое сношение с лицом, не достигшим определенного возраста (в некоторых штатах этот возраст определен в 16 и даже 18 лет), рассматривается как разновидность изнасилования.

По нашему мнению, установление возрастного кри-

¹ См. Я. М. Яковлев, Половые преступления, стр. 245.

² М. Н. Хлынов, Спорные вопросы квалификации половых преступлений, «Ученые записки Саратовского юридического института им. Д. Н. Курского», вып. XV, Саратов, 1967, стр. 36; Я. М. Яковлев, Половые преступления, стр. 252; Ю. К. Сущенко, указ. работа, стр. 163.

³ «Советское уголовное право, часть Особенная», М., 1964, стр. 167; Б. В. Даниэльбек, К вопросу об ответственности за половые преступления по уголовному законодательству Азербайджанской ССР, «Ученые записки Азербайджанского государственного университета», Баку, 1964, стр. 88; П. П. Осипов, Квалификация половых преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, «Вестник Ленинградского государственного университета» 1966 г. № 5, стр. 154—155; Ю. В. Александров, Борьба с изнасилованиями, стр. 9.

терия для безусловного определения беспомощного состояния потерпевшей в силу малолетства, несмотря на создаваемые при этом очевидные удобства расследования, не может не вызвать возражений.

При таком решении вопроса не учитываются ни степень умственного и физического развития потерпевшей, ни ее воспитание и поведение, ни степень ее осведомленности в вопросах половой жизни.

Представляется, что этот вопрос должен решаться в каждом конкретном случае с учетом всех обстоятельств дела¹.

Так как закон не устанавливает формальных критериев для определения изнасилования, не сопровождавшегося применением физического насилия или угроз, то нужно признать, что беспомощное состояние потерпевшей — это вопрос факта.

Обоснованно критиковал судебную практику Г. З. Анашкин, указывая, что некоторые суды неправильно толкуют п. 6 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. и почти каждое сожителство с несовершеннолетней в возрасте 12—15 лет рассматривают как изнасилование².

Для принципиального решения вопроса представляет интерес постановление Пленума Верховного Суда СССР по делу С., который был осужден Верховным Судом Эстонской ССР за изнасилование несовершеннолетней. По делу установлено, что С. с августа по декабрь 1967 года вступал в половые сношения с Д., рождения 1954 года. До начала половой связи он объяснил Д. характер интимных отношений, обучил ее пользованию противозачаточными средствами. По заключению судебно-медицинской экспертизы, Д. по своему развитию соответствует 13—15-летнему возрасту, половой зрелости не достигла.

Пленум Верховного Суда СССР, рассмотрев протест Председателя Верховного Суда СССР, в постановлении от 26 июня 1969 г. признал, что потерпевшая в беспо-

¹ Такого же мнения придерживается Г. В. Шелковкин, см. «Поддержание государственного обвинения в суде», «Юридическая литература», 1970, стр. 140, 142—143.

² Г. З. Анашкин, Повысить качество рассмотрения уголовных дел судами первой инстанции, «Социалистическая законность» 1966 г. № 1, стр. 153.

мощном состоянии не находилась. Поскольку насилие и угрозы по отношению к ней не применялись, а о половой жизни она знала раньше, Пленум переквалифицировал преступление, совершенное С., на ст. 116 (половое сношение с лицом, не достигшим 16-летнего возраста) и ст. 117 (развращение лица, не достигшего 16-летнего возраста) УК Эстонской ССР.

Представляется необходимым решать вопрос, находилась ли потерпевшая в беспомощном состоянии в силу малолетства с учетом всех обстоятельств дела. Так, по делу Г., вступившего в половую связь с соседской девочкой Б., 12 лет 4 месяца, Пленум Верховного Суда СССР указал: «В деле нет никаких данных, которые указывали бы на то, что Б. проявляла интерес к половой жизни и выражала желание вступить в половую связь с Г. Действия Г., как это видно из всей обстановки происшествия, были совершены внезапно, вопреки воле потерпевшей, с использованием ее малолетнего возраста, из-за которого она не могла правильно реагировать на преступное домогательство»¹. В первую очередь следует учитывать степень общего физического и психического развития потерпевшей, условия ее жизни и воспитания, степень ее осведомленности об отношениях между полами, ее предшествующее поведение. В необходимых случаях следственные и судебные органы могут прибегнуть к помощи психологической экспертизы. По таким делам целесообразно допросить в качестве свидетелей не только лиц из числа близкого окружения потерпевшей (родители, родственники, соседи), но и педагогов, воспитателей соответствующих учебных заведений. Только глубокий и всесторонний анализ личности потерпевшей может послужить основой правильной оценки ее способности и возможности осознавать социально-этическое значение половых отношений.

Так, Г. справедливо был осужден Московским городским судом по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР за то, что он без применения насилия и угроз вступил в половую связь с 15-летней девушкой, страдающей глубокой умственной отсталостью.

По делу было установлено, что Б. в силу особенно-

¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1971 г. № 4, стр. 22.

стей своей психики не могла понимать социального значения совершаемых действий и не была способна к волевым действиям такого характера, как начало половой жизни.

При таких условиях половое сношение с Б., совершенное даже без применения физического воздействия и запугивания, должно рассматриваться как изнасилование.

Помимо малолетства обстоятельством, лишаящим потерпевшую возможности осознавать социально-этическое значение вступления в половую связь, может явиться душевное заболевание или психическое расстройство.

Так, в практике возникает вопрос о том, при каких условиях половое сношение с душевнобольной без применения насилия можно рассматривать как изнасилование?

Некоторые авторы, например А. А. Жижиленко¹, М. Д. Шаргородский², предлагают любую половую связь с заведомо душевнобольной рассматривать как изнасилование. С таким категорическим утверждением нельзя согласиться. Ведь психическое заболевание (даже хроническое) может выражаться в различных формах и протекать по-разному.

При оценке фактов «добровольного» полового сношения с душевнобольной следует определять фактическое состояние психики женщины в момент данного события.

Необходимо установить, что женщина в силу психического расстройства не была способна осознать социальное и нравственное значение совершаемых действий или не могла руководить своими действиями, а следовательно, лишена возможности сознательно и по своей воле определять свою половую жизнь.

Болгарские психиатры И. Петров и Г. Бостанджиев отмечали, что у душевнобольных, особенно при шизофрении (в период обострения) и эпилепсии (перед припадком), наблюдается повышенная сексуальность. «На-

¹ А. А. Жижиленко, Л. Г. Оршанский, указ. работа, стр. 30.

² «Комментарий к уголовному кодексу РСФСР 1960 г.», изд-во Ленинградского университета, 1962, стр. 234.

блюдался «половой голод», — пишут они, — который не мог быть удовлетворен и многократными сношениями. В период между приступами эти больные были твердо сексуально холодны»¹.

Поэтому возможны случаи обвинения в изнасиловании, когда потерпевшая душевнобольная сама была инициатором полового сближения.

Решающее значение для юридической оценки события в этих случаях имеет установление субъективного отношения лица к своим действиям.

Половое сношение с душевнобольной, совершенное без применения насилия, можно рассматривать как изнасилование с использованием беспомощного состояния потерпевшей только в том случае, когда виновный знал о психической болезни потерпевшей и сознательно использовал ее неспособность правильно осознавать или оценивать происходящее в своих целях.

Правильно было прекращено прокуратурой Зубцовского района Калининской области уголовное дело, возбужденное по заявлению гр-ки Ш. об изнасиловании ее Н.

Установлено, что Ш., 1938 года рождения, 11 июня 1961 г. познакомилась с Н. и в этот же день отправилась с ним гулять. Во время прогулки Н. и Ш. неоднократно целовались, а затем Н., не встречая сопротивления, раздел Ш. и совершил с ней половой акт. По заключению судебно-психиатрической экспертизы Ш. страдает органическим заболеванием головного мозга со снижением личности, вследствие чего она не могла отдавать отчет в своих действиях и правильно оценивать действия Н., который объяснил, что не знал о психическом заболевании Ш. и полагал, что половой акт был совершен с ее согласия и по ее воле. Допрошенные в ходе следствия соседи Ш. показали, что в поведении она внешне была вполне нормальна, признаков психической неполноценности не обнаруживала, поведение, речь, уровень развития не противоречат нормальному и о психическом заболевании Ш. можно догадаться только при длительном общении с ней. При таких обстоятельствах прокуратура

¹ И. Петров, Г. Бостанджиев, Вопросы на сексуалната психопатология, София, 1963, стр. 80.

правильно пришла к выводу, что Н. не мог ничего знать о психическом состоянии Ш., чтобы воспользоваться ее недугом, а следовательно, в его действиях отсутствовал умысел на изнасилование. Дело было прекращено за отсутствием в действиях Н. состава преступления.

Следует признавать, что женщина находится в беспомощном состоянии и в тех случаях, когда воля женщины фальсифицирована в результате обмана. Такая ситуация может создаваться весьма редко, например, когда в результате обманных действий женщина считает, что имеет дело с мужем или любовником и допускает половое сношение с иным лицом. Л. А. Андреева справедливо отмечает, что воля женщины в подобных случаях фальсифицирована¹.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 года специально упоминал об использовании путем обмана беспомощного состояния потерпевшей².

В прошлом, когда порядок расторжения брака не представлял никакой сложности, встречались случаи вступления в брак только с целью добиться половой связи с женщиной. В связи с этим Пленум Верховного Суда РСФСР в постановлении от 16 февраля 1928 г. указывал: «Лицо, вступившее в зарегистрированный брак с целью использования женщины в половом отношении и с намерением расторжения после этого брака, подлежит ответственности по ст. 153 УК», т. е. за изнасилование. В настоящее время судебная практика идет по иному пути. Поскольку такие обманные действия, как ложное обещание жениться или даже регистрации брака с намерением его расторгнуть, не приводят женщину в беспомощное состояние и не лишают ее возможности проявить свою волю в отношении вступления в половую связь, подобные действия нельзя считать изнасилованием. Так, за изнасилование был осужден С., который, встречаясь с К., предложил ей вступить с ним в брак. Получив согласие К., они подали заявление в загс о регистрации брака. После этого, воспользовавшись дове-

¹ Л. А. Андреева, указ. работа, стр. 10.

² М. Д. Шаргородский предлагал ввести в УК специальный состав, охватывающий подобные действия, см. «О наказуемости полового сношения путем обмана», «Вестник советской юстиции» 1927 г. № 4, стр. 117.

рием К., С. вступил с ней в половую связь, а затем отказался зарегистрировать брак. К. осталась беременной. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, рассмотрев дело по протесту заместителя Председателя Верховного Суда, приговор отменила и дело прекратила. В определении коллегии говорится: «Суд признал С. виновным в изнасиловании К. путем обмана. Между тем то обстоятельство, что С. после подачи заявления в загс о регистрации брака вступил с К. в половую связь, а затем отказался зарегистрировать с ней брак, не могло служить основанием для привлечения С. к уголовной ответственности. Проступок С. как аморальный может быть осужден общественностью с применением к нему соответствующих мер воздействия»¹.

Советское уголовное право не знает состава обольщения, содержащегося в ряде буржуазных законодательств, например США, где под обольщением понимается вступление в половую связь с женщиной благопристойного поведения в результате совершения таких обманных действий, как ложное обещание жениться или обручение.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 25 марта 1964 г., ориентируя судебные органы по данному вопросу, указывал: «Поскольку ст. 117 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик не предусматривают такого признака, как применение обмана, действия лица, добившегося согласия потерпевшей на совершение полового акта путем злоупотребления доверием, например заведомо ложного обещания вступить с ней в брак, не могут рассматриваться как изнасилование»².

Представляется, что такого рода обманные действия в отношении женщин, как, например, ложное обещание каких-либо выгод или оказания услуг ей, с целью добиться вступления в половую связь, также не могут признаваться преступлением.

В случаях, когда женщина соглашается на вступление в половую связь, предполагая извлечь в результате этого какие-либо выгоды, она действует сознательно и по своей воле.

¹ «Советская юстиция» 1959 г. № 8, стр. 93—94.

² «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1970 гг.», стр. 453—454.

Ее волеизъявление носит свободный характер, так как отсутствует какое-либо физическое или психическое принуждение.

Вместе с тем в этих случаях женщина дает согласие на совершение действий, значение которых она понимает правильно.

Следовательно, обманные действия и ложные обещания, заверения, направленные на склонение женщины к вступлению в половую связь, не лишают ее способности свободного волеизъявления и не приводят в беспомощное состояние.

Беспомощное состояние потерпевшей можно констатировать в случаях, когда она не способна выразить свою волю и оказать сопротивление в силу эмоционального шока, вызванного сильным испугом или каким-либо нервным потрясением, состояния сильного опьянения, болезненного состояния.

Наиболее часто встречаются в практике случаи изнасилования женщины, находящейся в беспомощном состоянии в силу опьянения.

При рассмотрении дел об изнасиловании женщин, находившихся в состоянии опьянения, особенно тщательно необходимо устанавливать степень опьянения потерпевшей, ее фактическое физическое и психическое состояние, обстановку преступления, возможность позвать на помощь и т. д. Возможны случаи, когда женщина, в состоянии опьянения согласившаяся на половой акт или допустившая его совершение, затем подает заявление об изнасиловании.

Рассматривая влияние состояния опьянения на психическое и физическое состояние женщины, Сердюков отмечает: «При опьянении в слабой степени женщина отдает себе отчет в том, что с ней происходит и, следовательно, способна оказать сопротивление. Сильная степень опьянения может лишить ее способности оценивать происходящее и поэтому оказывать сопротивление. Средняя степень опьянения понижает способность ориентировки и ослабляет возможность сопротивления»¹.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 25 марта 1964 г. отмечал: «В частности, при оценке об-

¹ М. Г. Сердюков, Судебная гинекология и судебное акушерство, «Медицина», М., 1964, стр. 95.

стоятельств изнасилования потерпевшей, находившейся в опьяненном состоянии, суды должны исходить из того, что беспомощным состоянием в этих случаях может быть признана лишь такая степень опьянения, которая лишала потерпевшую возможности сознавать окружающую обстановку, понимать значение совершаемых виновным действий или оказывать ему сопротивление»¹. Практически состояние опьянения только тогда может рассматриваться как беспомощное состояние, когда женщина в силу опьянения находится без сознания или в глубоком сне или когда женщина, обессиленная в результате сильного опьянения, физически не может оказать сопротивление насильнику, хотя и выражает свое нежелание совершить половой акт.

Так, Б. был осужден за изнасилование народным судом г. Даугавпилса. Б., воспользовавшись состоянием сильного опьянения М., завел ее в подвал и совершил половое сношение. По показаниям свидетелей, М. после того, как ее обнаружили и на руках внесли в общежитие, металась, бредила, рвала одежду, а потом уснула.

Нельзя согласиться с мнением Я. М. Яковлева, который считает, что «женщина, согласившаяся на совместную выпивку с мужчиной в обстановке, благоприятствующей физическому сближению, тем самым как бы выражает согласие на возможные последствия этого»².

Как и оценка морального облика потерпевшей не решает вопроса об отсутствии или наличии изнасилования, так и предшествующее поведение, даже предосудительное, не дает еще оснований лишать женщину защиты уголовного закона. Тем более, что не исключены случаи, когда женщина, предполагавшая согласиться на половую близость с мужчиной, в дальнейшем в силу каких-либо обстоятельств категорически этому противится.

Согласие находиться в интимной обстановке и пить вино еще не есть согласие на половую связь и не может рассматриваться как некие «конклюдентные» действия.

Если состояние опьянения было таково, что женщина была не способна выразить свою волю или оказать со-

¹ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1970 гг.», стр. 455.

² Я. М. Яковлев, Половые преступления, стр. 139.

противление, значит, она находилась в беспомощном состоянии.

В практике встречаются случаи, когда потерпевшая, прекрасно сознавая характер происходящего и явно выражая свое несогласие на вступление в половую связь с виновным, тем не менее в силу различных причин (физические недостатки, сильный испуг, обстановка) не может оказать насильнику сопротивления и последний совершает половой акт без применения насилия.

В подобных случаях потерпевшая должна признаваться находящейся в беспомощном состоянии.

Так, З., работавший капитаном-инструктором водной станции, пригласил уборщицу Б., инвалида второй группы (парализованы нога и рука), в свою каюту для уборки, повалил на диван, совершил с ней половой акт. Судебно-медицинская экспертиза дала заключение, что Б. не могла оказывать активное сопротивление. З. правильно был осужден Костромским областным судом за изнасилование.

Для определения разновидностей беспомощного состояния представляет интерес дело, по которому приговором Калининского областного суда за групповое изнасилование несовершеннолетней были осуждены по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР М., Б. и Р. По делу установлено, что осужденные по предварительному сговору пригласили 15-летнюю М.-ву гулять в рощу, где М. повалил ее на землю, раздел и изнасиловал, применяя физическое насилие и угрожая убийством. В момент совершения преступления Б. и Р. находились в стороне. Затем Р. и Б. по очереди совершили половой акт с М., причем потерпевшая им сопротивления не оказывала, а только сказала каждому: «От тебя я этого не ожидала». Р. и Б. хотя непосредственно не применяли физического или психического насилия, но использовали беспомощное состояние потерпевшей, которая была сильно потрясена происшедшим, напугана присутствием трех человек, из которых один применил физическое насилие. Поскольку преступление совершалось в безлюдном месте, потерпевшая не могла звать на помощь. Р. и Б. использовали то обстоятельство, что воля потерпевшей была подавлена предыдущим актом насилия со стороны М., и совершили с ней половой акт, сознавая, что она не желает этого, но не в состоянии сопротивляться. Беспомощное положение

потерпевшей по данному делу обуславливалось конкретными обстоятельствами, влияющими на ее физическое и психическое состояние.

Л. А. Андреева приводит пример, когда неудобная поза потерпевшей в момент нападения на нее лишала возможности оказать сопротивление насильнику¹.

В судебной медицине возникал вопрос о возможности изнасилования путем гипнотизирования потерпевшей². Гипнотизирование против воли считается вообще невозможным. Возможны случаи, когда женщина, согласившаяся подвергнуться гипнозу, например для лечения или эксперимента, затем во время гипнотического сна была изнасилована. Однако в практике такие случаи не встречаются.

В отдельных случаях возможно совершение полового сношения с женщиной, находящейся в состоянии глубокого естественного сна³. Однако в подобных случаях требуется проведение судебно-психиатрической экспертизы для установления психического состояния потерпевшей в момент совершения преступления (например, истощение нервной системы, резкое переутомление и т. п.).

Подводя итог сказанному, следует прийти к выводу, что для квалификации изнасилования, совершенного путем использования беспомощного состояния потерпевшей, не имеет значения причина возникновения такого состояния.

Однако для определения степени общественной опасности совершенного преступления необходимо установить: использовал ли виновный беспомощное состояние потерпевшей или сам привел ее в это состояние.

Следует иметь в виду, что когда беспомощное состояние потерпевшей вызывается применением насилия, в том числе и путем применения одурманивающих или отравляющих веществ, совершенное изнасилование должно считаться и с применением насилия, и с использова-

¹ Л. А. Андреева, указ. работа, стр. 108.

² М. И. Райский, Судебная медицина, Медгиз, 1953, стр. 390; М. Г. Сердюков, указ. работа, стр. 94.

³ М. И. Авдеев, Курс судебной медицины, Госюриздат, 1959, стр. 497.

нием беспомощного состояния потерпевшей. На эту особенность правильно указывал Л. Д. Гаухман¹.

Необходимым условием привлечения виновного к ответственности за изнасилование женщины, находящейся в беспомощном состоянии, является сознание субъекта, что он вступает в половую связь с женщиной, неспособной выразить свою волю или оказать сопротивление в силу беспомощного состояния.

Иногда очевидность беспомощного состояния женщины является поводом для возникновения умысла на изнасилование.

Пленум Верховного Суда СССР, разъясняя признаки беспомощного состояния при изнасиловании, указывал: «Изнасилование следует признавать совершенным с использованием беспомощного состояния потерпевшей в тех случаях, когда она в силу своего физического или психического состояния (физические недостатки, малолетний возраст, расстройство душевной деятельности и иное болезненное либо бессознательное состояние и т. п.) не могла понимать характера и значения совершаемых с нею действий или не могла оказать сопротивления виновному и последний, вступая в половое сношение, сознавал, что потерпевшая находится в таком беспомощном состоянии»².

§ 5. Покушение на изнасилование и добровольный отказ от изнасилования

В судебной практике нередко имеют место ошибки при разграничении покушения на изнасилование и оконченного преступления³.

Поэтому определение понятий оконченного изнасилования и покушения на него имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение.

¹ Л. Д. Гаухман, Борьба с насильственными посягательствами, М., 1969, стр. 78.

² «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1970 гг.», стр. 454.

³ См. А. Наумов, Характеристика типичных ошибок в применении уголовного закона, «Советская юстиция» 1973 г. № 15, стр. 13.

По смыслу советского уголовного законодательства изнасилование должно рассматриваться как оконченное преступление в тех случаях, когда имело место насильственное половое сношение, под которым мы понимаем соприкосновение мужских и женских половых органов, при наличии признаков, указанных в ст. 117 УК РСФСР, независимо от того, был ли закончен половой акт или нет. Так, М. И. Райский писал: «Иногда половой акт происходит в преддверии, и половой член не проникает во влагалище. Это неполный coitus. Часто не бывает и заключительной фазы, т. е. эякуляции семени, например при раннем прерывании совокупления. Такие незаконченные или неполные совокупления, если половые органы мужчины и женщины соприкасались, все же есть половое сношение, явно нарушающее половую неприкосновенность»¹.

А. Кинси определяет половой акт как «гетеросексуальные отношения, которые включают в себя соединение мужских и женских половых органов»².

Разделяет наше мнение Ю. К. Сущенко, который пишет: «Изнасилование признается оконченным преступлением с начального момента недобровольного полового сношения, т. е. с момента соединения половых органов лиц мужского и женского пола»³.

Такой позиции придерживается и болгарский криминалист Иван Ненов: «С другой стороны, общепринято, что совокупление является совершенным с проникновением только части полового члена во влагалище потерпевшей вследствие оказания ею сопротивления или вследствие недоразвитости половых органов, когда это касается малолетних». Не является необходимым физиологическое завершение акта⁴.

Обоснованно признала изнасилование оконченным

¹ М. И. Райский, Судебная медицина, Медгиз, 1953, стр. 382.

² A. Kinsey, Sexual Behaviour in the Human Female, Philadelphia, 1953, p. 227.

³ Ю. К. Сущенко, Стадии преступной деятельности в составах половых преступлений, «Ученые записки Саратовского юридического института им. Д. Н. Курского, вып. XVI», Саратов, 1969, стр. 77.

⁴ И. Ненов, Наказательно право. Особена часть, т. 1, «Наука и изкуство», София, 1956.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Латвийской ССР в приговоре от 30 марта 1973 г. по делу Г., когда виновный совершил с потерпевшей П. половые акты «между половыми губами девочки». При этом девственная плева не была повреждена, но потерпевшая забеременела.

Однако некоторые суды считают, что окончанным изнасилование будет являться только с момента совершения полного полового акта. Например, Т. был привлечен к ответственности за трехкратное изнасилование десятилетней падчерицы Г. и осужден Костромским областным судом по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР. Однако Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР определением от 16 ноября 1962 г. переквалифицировала действия Т. на ст. 15 и ч. 3 ст. 117 УК РСФСР, указав, что девственная плева у потерпевшей не нарушена. Между тем в заключении судебно-медицинской экспертизы по данному делу отмечается, что в рассматриваемом случае «возможно половое сношение без повреждения девственной плевы, так как половой акт происходит в преддверии влагалища».

Вопрос о понятии начала полового акта, имеющий большое значение для разграничения изнасилования, покушения на изнасилование и развратных действий, является дискуссионным и в юридической, и в медицинской литературе.

Так, М. И. Авдеев вообще отрицает возможность совершения полового акта в преддверии влагалища, относя эти действия к развратным или покушению на изнасилование¹.

М. Г. Сердюков занимает двойственную позицию. С одной стороны, он считает приставление (прикладывание) полового члена ко входу во влагалище покушением на половой акт и, если это имеет место у малолетних, относит к развратным действиям², с другой стороны, признает, что «у взрослых прикладывание полового члена, если при этом произошла эякуляция и наступила беременность, расценивается в зависимости от ряда об-

¹ М. И. Авдеев, Судебно-медицинская экспертиза живых лиц, стр. 287—288.

² М. Г. Сердюков, Судебная гинекология и судебное акушерство, «Медицина», М., 1964, стр. 67.

стоятельств и других признаков (например, наличия повреждений на теле, обнаружения спермы во влагалище) как половой акт».

В консультативном заключении республиканского судебно-медицинского бюро Латвийской ССР от 13 октября 1966 г. по делу В., обвиняемого в изнасиловании малолетней, не рассматривается как половой акт соприкосновение наружных половых органов.

Разделяет эту позицию Г. Н. Мудьюгин, который пишет: «Одно лишь соприкосновение половых органов мужчины и женщины еще не образует полового сношения, а поэтому и не составляет законченного изнасилования»¹.

Поскольку всякое определение не полно характеризует какое-либо явление, необходимо выделить его главные специфические черты и отразить их в соответствующей дефиниции.

Применительно к понятию половой акт такими специфическими чертами, на наш взгляд, являются: 1) физический контакт (т. е. соприкосновение) мужских и женских половых органов и 2) возможность наступления беременности как следствие полового акта.

Глубина же проникновения полового члена мужчины в женские половые органы ни с биологической, ни с социально-юридической точки зрения принципиального значения не имеет.

Поэтому оконченным изнасилование должно считаться с момента начала насильственного полового сношения, т. е. физического контакта половых органов насильника и потерпевшей независимо от характера и продолжительности полового акта.

Нельзя согласиться с позицией Московского городского суда, квалифицировавшего как покушение на изнасилование действия К., который, как указывается в приговоре от 20 января 1969 г., «начал половой акт, но вынужден был его прекратить, так как подошли люди».

Покушением на изнасилование следует признавать действия, непосредственно направленные на насильст-

¹ Г. Н. Мудьюгин, Ю. А. Шубин, Расследование изнасилований, стр. 22.

венное совершение полового сношения, но не приведшие к этому результату по причинам, не зависящим от воли виновного. Как покушение на изнасилование должно рассматриваться применение физического насилия или угроз с целью преодолеть сопротивление женщины и принудить ее к половому сношению, раздевание женщины, находящейся в беспомощном состоянии, и т. п.

Неоконченное покушение на изнасилование будет в случаях применения насилия или угроз с целью совершения полового акта против воли женщины. Оконченным покушением будет являться непосредственная попытка совершения полового акта с применением насилия или угроз или использованием беспомощного состояния потерпевшей.

В отличие от покушения действия, непосредственно не направленные на совершение полового акта, но создающие условия или обстановку или устраняющие препятствия для последующего изнасилования, должны рассматриваться как приготовление к этому преступлению.

По делу Т. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 26 января 1972 г. указала: «Прибытие Т. к месту преступления с целью изнасилования З. не может рассматриваться как обнаружение умысла, не влекущее уголовной ответственности. Эти действия были направлены на обеспечение возможности совершения изнасилования З., и поэтому их следует расценивать как приготовление к изнасилованию»¹.

В судебной практике дела о приготовлении на изнасилование встречаются очень редко, так как о приготовительных действиях женщина может и не догадываться, а потому и не иметь возможности подать заявление в органы милиции или прокуратуры. Нередко женщины, и зная о готовящемся в отношении их преступлении, не желают подавать заявление о возбуждении дела, поскольку непосредственного нападения на них не было и реального вреда им не причинено. Однако необходимо возбуждение уголовного дела о приготовлении на изнасилование несовершеннолетних, когда, например, преступник завлекает с целью изнасилования малолетних

¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1972 г. № 3, стр. 23.

девочек в безлюдное место или зазывает их к себе домой. В этих случаях решающее значение для квалификации совершенных действий имеет правильное установление умысла виновного.

Покушение на изнасилование может сопровождаться причинением потерпевшей телесных повреждений различной тяжести в результате применения насилия. В этих случаях все совершенное, как уже отмечалось, охватывается квалификацией преступления как покушения на изнасилование, поскольку применение насилия является одним из необходимых признаков состава изнасилования и квалификации по совокупности не требует.

Квалификация по совокупности покушения на изнасилование и нанесение телесных повреждений возможна только в случаях реальной совокупности. Например, З. правильно был осужден Тюменским областным судом по ст. 15, ч. 3 ст. 117 и по ч. 2 ст. 112 УК РСФСР.

З. поздно вечером под предлогом покатать на мотоцикле увез К. (13 лет) в лес и пытался изнасиловать, однако потерпевшая вырвалась и убежала. З. последовал за ней, приехал домой, взял ружье и, встретив К. около дома, ударил ее прикладом, причинив легкие телесные повреждения.

В данном случае покушение на изнасилование и нанесение легких телесных повреждений представляют два самостоятельных преступления, так как причинение телесных повреждений совершено не с целью сломить сопротивление потерпевшей, а из мести.

В тех случаях, когда покушение на изнасилование повлекло наступление особо тяжких последствий, например, смерть потерпевшей или причинение ей тяжких телесных повреждений, преступление должно квалифицироваться по ст. 15 и ч. 3 ст. 117 УК РСФСР.

Так, О. был осужден приговором Московского городского суда от 16 февраля 1963 г. по ст. 15 и ч. 3 ст. 117 УК РСФСР. О. в своей квартире покушался на изнасилование К. Спасаясь от насилия, К. выбросилась из окна пятого этажа и разбилась насмерть.

В тех случаях, когда попытка изнасилования совершается несколькими лицами, преступление должно квалифицироваться как покушение на групповое изнасилование. Военным трибуналом Киевского военного округа Я. и К. были осуждены за покушение на группо-

вое изнасилование по ст. 17 и ч. 3 ст. 117 УК УССР. Они напали на Т. и Б. и, совместно применив насилие и угрозы, пытались изнасиловать их. Преступники прекратили насильственные действия после появления работника милиции.

В определении Военной коллегии Верховного Суда СССР от 29 апреля 1969 г. отмечалось, что данные материалов дела свидетельствуют об общности намерений Я. и К. в покушении на изнасилование потерпевших и согласованности их действий в период совершения преступления. При таких обстоятельствах суд первой инстанции сделал правильный вывод о групповом покушении осужденных на изнасилование¹.

С субъективной стороны приготовление и покушение на изнасилование характеризуются сознанием виновного, что потерпевшая не имеет намерения вступить с ним в половую связь, что половой акт с ней можно совершить только против ее воли и без согласия путем применения насилия или использования ее беспомощного состояния.

Нельзя расценивать как покушение на изнасилование попытку склонить женщину к вступлению в половую связь, даже если эта попытка выражалась в грубой форме.

Так, К. был осужден Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Таджикской ССР за покушение на изнасилование. По делу установлено, что К., потерпевшая Г. и другие лица находились на частной квартире, где пили спиртные напитки. Г. показала, что К. добивался близости с ней, но она сопротивлялась, звала на помощь, а затем вырвалась и убежала. Г. пояснила, что К. не бил ее, не высказывал угроз, а молча домогался осуществления своего намерения.

В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 26 ноября 1970 г., которым дело было прекращено за отсутствием состава преступления, говорится: «Если даже согласиться, что К. совершил те действия, о которых показала Г. в суде, то и в таком случае следует расценить их как домогательство на вступление в половую связь, не образующее состава преступления»².

¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1970 г. № 5, стр. 40.

² «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1971 г. № 3, стр. 31.

В судебной практике встречаются случаи неправильной квалификации как покушения на изнасилование хулиганских действий или преступлений против чести, достоинства и телесной неприкосновенности женщины. Такая оценка вызывается неправильным установлением субъективной стороны преступления, т. е. направленности и содержания умысла. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 25 марта 1964 г. указал: «При разрешении дел о покушении на изнасилование с применением физического насилия суды должны устанавливать, действовал ли подсудимый с целью совершения полового акта и являлось ли примененное им насилие средством к достижению этой цели. Только при наличии этих обстоятельств действия виновного могут рассматриваться как покушение на изнасилование. В связи с этим необходимо отличать покушение на изнасилование от других преступных посягательств, затрагивающих честь, достоинство и неприкосновенность личности женщин (хулиганство, причинение телесных повреждений, оскорбление и др.)»¹.

Например, приговором Ярославского областного суда от 25 сентября 1962 г. Ф. был осужден за покушение на изнасилование гр-ки Ш. По делу установлено, что Ф., встретив трех женщин — Ш., С. и Г., стал к ним приставать, предлагал Ш. вступить в половую связь. Когда Ш. отказалась удовлетворить домогательства Ф., последний схватил ее за пальто, оторвал пуговицу и ударил по лицу. Пленум Верховного Суда СССР постановлением от 18 марта 1963 г. переквалифицировал действия Ф. на ч. 2 ст. 206 УК РСФСР, указав, что «при изложенных обстоятельствах у суда не было достаточных оснований расценивать преступление Ф. как покушение на изнасилование гр-ки Ш., поскольку указанные действия его в данном случае не выходили за пределы преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 206 УК РСФСР, т. е. злого хулиганства, сопряженного с унижением чести и достоинства женщины»².

¹ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1970 гг.», стр. 457.

² См. также Б. В. Даниэльбек, К вопросу о стадиях совершения половых преступлений и их юридической квалификации.

Правильно были оценены как хулиганство действия группы подвыпивших парней, которые подошли к загоравшей в глухом месте парка П. и предложили ей вступить с одним из них в половую связь. Когда она отказалась, виновные сорвали с нее бюстгальтер и убежали. П. подала заявление о покушении на изнасилование.

Следует также отличать покушение на изнасилование от совершения развратных и циничных действий в отношении взрослых женщин. Насильственные развратные действия в отношении взрослых должны рассматриваться как злостное хулиганство и квалифицироваться по ч. 2 ст. 206 УК РСФСР. Например, народным судом Василеостровского района Ленинграда за покушение на изнасилование был осужден А., который догнал на лестнице Е., предварительно погасив свет, сбил ее с ног, навалился на нее, трогал под платьем ноги, пытаясь коснуться половых органов. А. зажал рот Е. и схватил ее за горло, чтобы она не кричала. Раздевать Е. он не пытался и в своих показаниях объяснил, что был пьян и с целью удовлетворения своего полового чувства хотел потрогать женские половые органы.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Ленинградского городского суда от 22 марта 1963 г. преступление А. переквалифицировано на ч. 2 ст. 206 УК РСФСР.

Большое значение для разрешения вопроса об ответственности за покушение на изнасилование имеет правильное определение добровольного отказа от этого преступления.

Установление добровольного отказа от изнасилования представляет известную сложность и вызывает на практике некоторые трудности.

Так, не всегда правильно в судебной практике разграничиваются покушение на изнасилование, когда преступная деятельность была прервана в силу возникших препятствий, и добровольный отказ от изнасилования. Иногда отдельные суды в нарушение действующего законодательства рассматривали добровольный отказ от совершения изнасилования только как обстоятельство, смягчающее ответственность за покушение на это преступление. Отмечая соответствующие ошибки в судебной практике, Пленум Верховного Суда СССР в постановле-

нии от 25-марта 1964 г. разъяснил: «В соответствии со ст. 16 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик добровольный отказ от совершения изнасилования надлежит рассматривать не как смягчающее вину обстоятельство, а как обстоятельство, исключающее ответственность за попытку совершить данное преступление. В подобных случаях лицо не подлежит ответственности за покушение на изнасилование и может отвечать за фактически совершенные им действия лишь в том случае, если они содержат состав иного преступления. Вместе с тем суды должны иметь в виду, что не может быть признан добровольным, следовательно, устраняющим ответственность отказ, который вызван невозможностью дальнейшего продолжения преступных действий вследствие причин, возникших помимо воли виновного»¹.

Прежде всего для признания добровольного отказа от изнасилования необходимо установить, что имело место покушение на изнасилование, т. е. виновный с умыслом совершить насильственный половой акт предпринял конкретные действия для достижения этой цели.

Для признания наличия добровольного отказа от изнасилования необходимо установить, что субъект, имея объективную возможность завершить начатое преступление и сознавая это, по своей воле отказался от доведения данного преступления до конца и прекратил преступную деятельность.

Такое понимание добровольного отказа соответствует общепринятому в советском уголовном праве.

Мотивы, которыми руководствовался субъект, добровольно отказываясь от изнасилования, для решения вопроса об ответственности значения не имеют. Это может быть жалость к потерпевшей, боязнь разоблачения и т. д.

Приговором Новгородского областного суда Л. был осужден за покушение на изнасилование 12-летней К. Будучи в нетрезвом состоянии, Л. обманным путем звал к себе в дом К. Когда девочка оказалась в квар-

¹ См. «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1970 гг.», стр. 457.

тире, Л. пытался ее изнасиловать. Так как потерпевшая закричала и заплакала, он отказался от дальнейшего совершения преступления. Материалами дела установлено, что Л. действительно пытался изнасиловать К., но добровольно оставил эту попытку, хотя ему никто не препятствовал в доведении преступления до конца. Как показала потерпевшая К., Л. отпустил ее и она убежала из его дома.

Президиум Верховного Суда РСФСР, переквалифицировавший преступление Л. на ст. 120 УК РСФСР, указал, что «при таких обстоятельствах, в соответствии со ст. 16 УК РСФСР, Л. не должен нести ответственность за покушение на изнасилование... Он подлежит ответственности за фактически совершенное им, т. е. за развратные действия в отношении несовершеннолетней»¹.

Не следует признавать отказ от совершения преступления вынужденным, если он вызван боязнью разоблачения и ответственности.

Встречаются в практике случаи, когда насильники, совершившие покушение на изнасилование, отказываются от завершения преступления, узнав со слов потерпевшей о том, что она больна венерическим заболеванием. Некоторые потерпевшие таким способом стремятся избежать изнасилования.

Так, по делу Ц. было установлено, что он, применяя физическое насилие, покушался на изнасилование П., Однако когда П. сказала, что она больна венерической болезнью, Ц. от изнасилования отказался.

В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Украинской ССР от 26 октября 1967 г. говорится: «По делу установлено, что Ц. с целью изнасилования применил в отношении П. физическую силу, нанес ей побои, пытался снять шаровары, однако, когда П., будучи уже обессиленной, заявила, что она больна венерической болезнью, Ц. при наличии полной возможности довести преступление до конца отказался от его завершения, боясь заболеть».

¹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1963 г. № 4, стр. 7.

Каких-либо объективных причин, которые помешали бы ему совершить указанное преступление, не было.

Мотивы же, в силу которых Ц. отказался от доведения до конца уже начатого преступления, не имеют никакого значения для признания добровольного отказа».

В тех случаях, когда виновный, покушаясь на изнасилование, в силу каких-либо объективных причин отказывается от совершения полового акта, но продолжает насильственные сексуальные действия в отношении той же потерпевшей, отказ не носит окончательного характера и потому не может устранять ответственность за покушение.

Так, по делу Л., осужденного по ст. 17, ч. 3 ст. 117 и ст. 118 УК РСФСР за то, что он покушался на изнасилование несовершеннолетней И., но, узнав о наличии у нее менструации, насильственно удовлетворил половую потребность в извращенной форме, был принесен протест Председателем Верховного Суда СССР, полагавшим исключить из обвинения Л. ст. 17 и ч. 3 ст. 117 УК УССР в виду добровольного отказа.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 10 сентября 1969 г., отклонившего протест, говорится: «Как установлено по делу Л., стремясь удовлетворить свою половую страсть, пытался с применением физической силы совершить с несовершеннолетней И. половой акт. В ходе осуществления посягательства он под влиянием определенного обстоятельства (менструация) изменил характер своих действий и, по-прежнему применяя насилие, удовлетворил половую страсть в извращенной форме.

Таким образом, Л. не отказался полностью от совершения преступных действий и лишь изменил способ достижения своей цели».

Не будет добровольного отказа и в тех случаях, когда виновный полностью прекратил совершение преступления, так как возникли объективные препятствия, серьезно осложняющие или делающие невозможным окончание преступного деяния. К числу таких обстоятельств можно отнести: активное сопротивление потерпевшей, при котором преступник, утомленный борьбой с потерпевшей, физиологически оказывается не в состоянии совершить половой акт и прекращает свои

действия; задержание виновного в момент совершения преступления и др.¹.

Как реальное объективное препятствие следует считать непосредственную угрозу задержания преступника на месте совершения преступления. Так, правильно был осужден О. за покушение на изнасилование малолетней. О. завел потерпевшую в кусты и пытался изнасиловать, но, услышав, что на крик потерпевшей к месту происшествия спешат люди, оставил ее и скрылся.

В приведенном примере, отказ от изнасилования носит вынужденный характер, так как возникла непосредственная угроза появления на месте преступления посторонних людей и задержания виновного.

При решении вопроса о наличии или отсутствии добровольного отказа от изнасилования необходимо точно установить направленность умысла виновного, тщательно исследовать причины, в силу которых преступление не было доведено до конца, проанализировать мотивы прекращения преступных действий.

При установлении добровольного отказа от изнасилования виновный освобождается от ответственности за покушение на изнасилование и может привлекаться к ответственности только за те фактически совершенные действия, которые образуют самостоятельный состав преступления.

Чаще всего это преступление против личности (развратные действия, побои) или хулиганство.

Так, по делу Х. было установлено, что он напал с целью изнасилования на 15-летнюю Л., с которой ранее не был знаком, повалил ее, порвал юбку и трусы, нанес удары по лицу (от чего у потерпевшей пошла кровь из носа и рта), угрожал убийством. Но, встретив сопротивление, Х. от изнасилования отказался и прекратил преступные действия, объяснив, что ему стало жалко Л. Х. был осужден за злостное хулиганство по ч. 3 ст. 206 УК РСФСР.

При решении вопроса об ответственности Х. возник вопрос, образуют ли совершенные им действия состав

¹ Е. В. Болдырев, В. П. Петрунев, Некоторые вопросы квалификации по делам об изнасиловании, «Научный комментарий судебной практики за 1970 год», «Юридическая литература», 1971.

хулиганства или должны рассматриваться как преступление против личности.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 26 мая 1967 г. говорится: «Такое нападение на незнакомого человека само по себе независимо от мотивов, побудивших совершить преступление, является грубым нарушением общественного порядка, выражающим явное неуважение к обществу. Поэтому суд, правильно признав, что Х. добровольно отказался от изнасилования, усмотрел в фактически совершенных им действиях признаки хулиганства. То обстоятельство, что Х., действуя описанным способом, имел цель изнасилования потерпевшей, не меняет характера его действия как хулиганского нападения».

В тех же случаях, когда добровольному отказу от изнасилования предшествовало посягательство на личность при отсутствии признаков грубого нарушения общественного порядка, содеянное надлежит рассматривать как соответствующее преступление против личности.

Пленум Верховного Суда СССР по делу Ш. и О., добросовестно отказавшихся от изнасилования и осужденных за злостное хулиганство, отметил: «Взаимоотношения между осужденными и потерпевшими имели личный характер и не носили характера нарушения общественного порядка, что является обязательным элементом для состава преступления хулиганства».

Фактически действия, допущенные Ш. и О. в отношении потерпевших (нецензурные выражения, домогательство и пощечина), следует квалифицировать по статьям, предусматривающим ответственность за унижение чести и достоинства личности»¹.

§ 6. Субъект изнасилования

Согласно советскому уголовному закону субъектом изнасилования является только вменяемое лицо мужского пола, достигшее 14-летнего возраста.

Женщина может быть соисполнителем этого преступления.

¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1968 г. № 5, стр. 26.

Потерпевшая от изнасилования — лицо женского пола независимо от возраста.

Лица, осужденные за изнасилование, характеризуются следующими данными (по материалам изучения 800 осужденных).

По возрасту: от 14 до 18 лет	— 33%,
от 18 до 25 лет	— 37%,
от 25 до 30 лет	— 10,8%,
от 30 до 50 лет	— 18,4%,
свыше 50 лет	— 0,8%.

По образованию:

с начальным образованием	— 24%,
с образованием в объеме 7 классов	— 48%,
с неполным средним и средним образованием	— 23%,
с незаконченным высшим и высшим образованием	— 4%.

По нашим данным из лиц, осужденных за изнасилование, ранее судимых оказалось 26,5%, по данным обобщения судебной практики в УССР — 25,8%, причем судимых за половые преступления (специальный рецидив) — 4,5%, а по материалам, собранным в Латвийской ССР, специальный рецидив оказался еще выше — 6,4%.

По данным исследования, проведенного Всесоюзным институтом по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности в одной из областей РСФСР, число ранее судимых из лиц, совершивших изнасилование, составляло 23,6%.

На основании этих данных можно сделать вывод, что доля ранее судимых среди совершивших изнасилование составляет от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$.

Вместе с тем специальный рецидив относительно невелик, что не подтверждает точку зрения проф. Таппана, который считает, что половые преступления имеют тенденцию к рецидивизму¹.

Многие лица, совершившие изнасилование, были ранее судимы за хулиганство. Так, среди насильников-рецидивистов, имеющих первую судимость за хулиганство, оказалось 27,8%².

¹ Таппан, The Habitual Sex Offender, 1950.

² П. А. Бейлинсон, Ю. М. Левшиц, Криминология тяжких преступлений, Таллин, 1970, стр. 19.

Во многих случаях виновные помимо изнасилования совершили и другие преступления, чаще всего хулиганство, кражи, грабежи. По нашим данным, изнасилование сопровождалось совершением других преступлений в 26,5% случаев.

По данным А. А. Герцензона, 44% осужденных совершили помимо изнасилования и другие преступления¹.

Расхождение данных, по-видимому, объясняется тем, что А. А. Герцензон учитывал все случаи реальной совокупности независимо от времени и места совершения преступления, тогда как автор обобщал данные об изнасилованиях, сопровождавшихся совершением иных преступлений.

По нашим данным, в нетрезвом состоянии в момент совершения преступления находилось 85% преступников, по данным исследований, проведенных во Всесоюзном институте по изучению причин и разработке мер предупреждений преступности Ю. А. Шубиным, — 83,6%. По другим данным, от 64% до 84% лиц, совершивших изнасилование, находились в состоянии опьянения².

Высокий процент совершения изнасилований в нетрезвом состоянии объясняется, с одной стороны, тем, что напитки, содержащие алкоголь, возбуждают половое стремление, а, с другой стороны, систематическое употребление алкоголя ведет к снижению моральных качеств человека, к нравственному распаду личности.

По данным исследования одной из областей РСФСР в 1971 году, 52% насильников характеризовались аморальным поведением, нарушениями общественного порядка, систематическим пьянством.

На основании приведенных данных можно прийти к выводу, что лица, осужденные за изнасилование, в большинстве представляют собой людей с невысоким уровнем образования и низким уровнем культуры, имеющих пристрастие к употреблению алкогольных напитков, отрицательно характеризующихся по поведению в быту, допускающих аморальные поступки и нарушения общественного порядка.

Аналогичные качества отмечают у насильников и другие исследователи. Так, проф. В. Н. Кудрявцев пи-

¹ А. А. Герцензон, указ. работа, стр. 80.

² «Криминология», «Юридическая литература», 1968, стр. 420.

шет: «Низкая культура, привычка к пьянству, грубость — характерные черты хулиганов, насильников и других лиц, совершающих преступления против личности»¹.

Среди насильников встречаются совершенно опустившиеся и морально разложившиеся лица, отличающиеся крайней жестокостью и примитивностью интересов, что особенно характерно для лиц, совершивших изнасилование с убийством.

По делам об изнасиловании обращает внимание большая доля несовершеннолетних, участвующих в совершении преступления.

По-видимому, это объясняется все более увеличивающимся разрывом между биологическим и социальным развитием подростков². Поскольку половое созревание наступает значительно ранее социальной зрелости, а половой инстинкт является одной из сильнейших врожденных реакций организма, то при отсутствии правильного полового воспитания и наличии других условий несовершеннолетний может пойти на удовлетворение своей растущей половой потребности преступным путем.

В западной криминологии распространено мнение, что большинство половых преступников психически ненормальны или являются психопатами.

Мы не разделяем мнение о том, что большинство половых преступников страдают психическими заболеваниями, хотя нельзя отрицать, что психопатические расстройства при определенных условиях создают предрасположенность к совершению половых преступлений. Так, исследования правонарушений, совершенных психически больными, показали, что антисоциальные действия совершают только 13,6% из числа всех больных эпилепсией и 7% других психически больных. Из всех преступлений, совершенных эпилептиками, только 2,5% составили половые преступления³.

Дефекты психики, гармональные нарушения могут вызывать усиление полового влечения, снижение контрольно регулирующих функций центральной нервной системы, но у вменяемого лица они не могут явиться не-

¹ В. Н. Кудрявцев, Причинность в криминологии, М., 1968, стр. 34.

² Р. Нойберт, Вопросы пола, Фрунзе, 1960, стр. 78.

³ «Судебно-медицинская экспертиза» 1969 г. № 3, стр. 40.

посредственно причиной совершения полового преступления. Главным регулятором общественного поведения человека остаются его социально обусловленная общая направленность личности, включающая систему ценностных ориентаций и социальных навыков, правосознание и моральные принципы.

§ 7. Процессуальные вопросы возбуждения и рассмотрения дел об изнасиловании

В соответствии с советским уголовным процессуальным законом дела об изнасиловании без отягчающих обстоятельств относятся к категории дел так называемого частного-публичного обвинения (ст. 27 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик).

Это означает, что дела об изнасиловании, предусмотренном ч. 1 ст. 117 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик, возбуждаются только по жалобе потерпевшей, но, будучи возбужденными, прекращению за примирением потерпевшей с обвиняемым не подлежат. Дела об изнасиловании, совершенном при отягчающих обстоятельствах (чч. 2 и 3 ст. 117 УК РСФСР), возбуждаются в обычном порядке, не зависящем от жалобы потерпевшей.

Такой порядок возбуждения уголовных дел об изнасиловании обусловлен тем, что при расследовании и рассмотрении этой категории дел приходится исследовать обстоятельства, связанные с самыми интимными сторонами жизни человека.

Несмотря на то, что изнасилование относится к разряду тяжких преступлений, государство не может безразлично отнестись к нежеланию потерпевшей женщины предавать огласке и исследованию происшедшее событие.

Вместе с тем, учитывая общественную опасность изнасилования, советский уголовно-процессуальный закон устанавливает порядок, в силу которого возбужденное по жалобе потерпевшей дело об изнасиловании не подлежит прекращению за примирением сторон и рассматривается в обычном порядке.

По законодательству многих государств, в том числе

социалистических (Румыния, Венгрия), заключение брака между виновным и потерпевшей рассматривается как обстоятельство, смягчающее или вовсе устраняющее ответственность.

В советском законодательстве этот вопрос не регулируется.

Между тем он имеет большое практическое значение. Нередко совершению изнасилования предшествуют определенные личные отношения между виновным и потерпевшей. Сам факт изнасилования является не результатом половой распущенности и стремления насильственно удовлетворить свои потребности, а порождается иными обстоятельствами и мотивами (эмоциональный взрыв, стремление добиться согласия женщины выйти замуж).

Так, по делу С., осужденного за покушение на изнасилование, повлекшее особо тяжкие последствия, было установлено, что С. встречался с потерпевшей П. около двух лет и неоднократно предлагал ей выйти за него замуж, но получал отказ. Однажды, находясь в нетрезвом состоянии, С. решил изнасиловать П., чтобы таким образом побудить ее выйти за него замуж. Спасаясь от С., потерпевшая выпрыгнула из окна второго этажа, получив при падении тяжелые телесные повреждения (перелом позвоночника с повреждением спинного мозга).

В кассационной жалобе потерпевшая пишет, что вела себя неправильно, причиняя обвиняемому моральные страдания, что она любит его и хочет выйти за него замуж и что ее поступок (прыжок из окна) — следствие необдуманного поведения, нежелания подчиниться чужой воле.

Этот пример свидетельствует о сложности жизненных ситуаций, могущих возникать по делам об изнасиловании.

В советском уголовном праве вряд ли может быть принято положение об автоматическом прекращении дела об изнасиловании в силу вступления в брак обвиняемого с потерпевшей.

При таком решении могли бы иметь место, с одной стороны, различные сделки между обвиняемым и потерпевшей и заключение фиктивного брака, а с другой стороны, это способствовало бы увеличению числа ложных обвинений в изнасиловании.

«Согласие потерпевшей на вступление в брак с лицом, изнасиловавшим ее, не освобождает виновного от уголовной ответственности за содеянное»¹.

Однако не принимать во внимание такое обстоятельство, как заключение брака, было бы неправильным. Г. Н. Мудьюгин и Ю. А. Шубин считают, что в исключительных случаях, когда вследствие изменившихся условий содеянное обвиняемым, а также его личность потеряли общественно опасный характер, дело может быть прекращено в соответствии со ст. 6 УПК РСФСР. Наиболее типичным проявлением такой исключительной ситуации может быть брак между потерпевшей и лицом, привлекаемым к ответственности за изнасилование².

Представляется, что в случае заключения брака между обвиняемым в изнасиловании и потерпевшей или достижения согласия о заключении брака (когда обвиняемый содержится под стражей) закон должен предоставить суду альтернативу: освободить обвиняемого от ответственности и прекратить дело или осудить его по закону.

Решение должно быть принято только судом в результате рассмотрения дела и тщательного исследования как обстоятельств преступления, так и действительных взаимоотношений обвиняемого с потерпевшей, мотивов вступления в брак и т. д.

Поэтому целесообразно включить в уголовно-процессуальный закон оговорку о том, что в случае вступления в брак обвиняемого в изнасиловании и потерпевшей суду предоставляется право освободить обвиняемого от ответственности после выяснения всех обстоятельств дела и истинных причин заключения брака.

В тех случаях, когда потерпевшая от изнасилования является недееспособной, например в силу психического заболевания, дело возбуждается по жалобе ее законных представителей.

Об этом прямо указано в Уголовно-процессуальных кодексах Грузинской ССР (ст. 115), Армянской ССР (ст. 102), Латвийской ССР (ст. 111) и Казахской ССР (ст. 89).

¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1971 г. № 4, стр. 36—37.

² Г. Н. Мудьюгин, Ю. А. Шубин, Расследование изнасилований, стр. 16.

Уголовно-процессуальное законодательство этих республик допускает также возбуждение дела об изнасиловании, совершенном без отягчающих обстоятельств, прокурором и при отсутствии жалобы потерпевшей, если дело имеет особое общественное значение или если потерпевшая не в состоянии защищать свои законные интересы. Так, в ст. 111 УПК Латвийской ССР говорится: «Если потерпевшая по этим делам в силу своих физических или психических недостатков не может сама осуществлять свое право на защиту, прокурор вправе возбудить уголовное дело и без жалобы потерпевшей».

Такую норму представляется желательным ввести и в уголовно-процессуальное законодательство других союзных республик, поскольку в настоящее время в УПК РСФСР и ряда других союзных республик не решен вопрос о возможности возбуждения уголовного дела об изнасиловании при отсутствии жалобы потерпевшей, даже если она не могла быть подана в силу исключительных обстоятельств (смерть, тяжелая травма головного мозга).

Так, на территории РСФСР была изнасилована во время вечеринки гр-ка А., которая там же скончалась от сильного алкогольного отравления. Несмотря на то, что имелись очевидцы изнасилования и другие доказательства совершенного преступления, дело не было возбуждено ввиду отсутствия жалобы потерпевшей.

По сложившейся практике требуется, чтобы в жалобе потерпевшей, которая может быть подана в письменном виде, а также и устно оформлена протоколом, содержалось не только сообщение о факте совершения изнасилования, но и желание привлечения виновного к ответственности.

Не должно возбуждаться уголовное дело об изнасиловании в случаях, когда потерпевшая, хотя и сообщила о факте преступления, например, лицам, оказавшим ей помощь, в том числе и милиции, но не выражала желания о возбуждении уголовного преследования виновного.

Такое понимание содержания жалобы потерпевшей вытекает из духа закона, не допускающего государственного вмешательства в интимную сферу личной жизни женщины без ее выраженного согласия на это. А сообщение о факте насилия еще не означает, что женщина

желает возбуждения уголовного дела и согласна выступать в качестве потерпевшей стороны, т. е. подвергаться допросам, медицинскому освидетельствованию, участвовать в судебном разбирательстве, предать факт совершения изнасилования достаточно широкой огласке.

Поэтому нельзя согласиться с мнением А. Жукова и А. Онишко, что поводом для возбуждения дела служит заявление потерпевшей о совершенном над ней насилии, а вовсе не ее желание привлечь виновного к судебной ответственности¹.

При такой трактовке жалоба потерпевшей носит чисто формальный характер сообщения о событии преступления и не является проявлением воли к возбуждению уголовного преследования.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. обращалось особое внимание «судебных органов на их обязанность строго соблюдать требование закона о порядке возбуждения уголовных дел об изнасиловании, совершенном без отягчающих обстоятельств.

В качестве основания для возбуждения такого уголовного дела при отсутствии письменного заявления потерпевшей может служить лишь ее устное заявление, запротоколированное в порядке, предусмотренном соответствующими статьями УПК союзных республик. При отсутствии жалобы потерпевшей подобные дела могут быть возбуждены непосредственно прокурором только в случаях, специально предусмотренных процессуальным законодательством союзных республик»².

Когда потерпевшая сообщает о факте ее изнасилования, но не желает возбуждения уголовного дела, оперативные и следственные работники должны разъяснить ей, что отказ от подачи соответствующей жалобы препятствует привлечению к ответственности виновного, что порождает у него чувство безнаказанности и может повлечь совершение новых преступлений. Хорошо организованная правовая пропаганда может также способ-

¹ А. Жуков, А. Онишко, Борьба с посягательствами на честь женщины, «Социалистическая законность» 1960 г. № 8, стр. 81.

² «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1970 гг.», стр. 458.

ствовать развитию у женщин чувства ответственности за общественные интересы и вести к снижению числа неподанных жалоб об изнасиловании, а следовательно, к снижению латентной преступности этого вида.

Советское уголовно-процессуальное законодательство не устанавливает никаких формальных требований, относящихся к жалобе потерпевшей (сроки ее подачи, подкрепление ее другими доказательствами и т. д.).

Однако подача жалобы об изнасиловании спустя продолжительное время после прошедшего факта заставляет с особенной тщательностью исследовать все обстоятельства дела, чтобы не допустить ложного обвинения невиновного. «Вряд ли можно привести другую такую область судебных дел, где было бы так много обманов, неправильных обвинений, шантажей, как область половых отношений»¹.

Так, по делу П., осужденного Донецким областным судом за изнасилование К., было установлено, что он и потерпевшая встречались более года и на протяжении этого промежутка времени они неоднократно вступали в половые сношения. В этот период К. писала П. письма, поздравляла его с днем рождения. К. показала, что, невзирая на запреты родителей, встречалась с П. до и после половой близости. При таких обстоятельствах уголовное дело по обвинению П. в изнасиловании К. было возбуждено в результате оговора и Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда УССР дело производством прекратила.

Поскольку по делам об изнасиловании, предусмотренном чч. 2 и 3 ст. 117 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик, уголовное дело возбуждается в обычном порядке независимо от жалобы потерпевшей, возникает вопрос о порядке возбуждения дела о повторном изнасиловании при отсутствии жалоб потерпевших.

Как уже отмечалось, смысл закона, установившего частнопубличный порядок возбуждения уголовного дела об изнасиловании, заключается в строгой охране ин-

¹ Е. Е. Розенблюм, М. Г. Серюков, В. М. Смольяников, Судебно-медицинская акушерско-гинекологическая экспертиза (с дополнениями проф. Н. В. Попова), М., 1935, стр. 10.

тимных интересов потерпевшей. Исключение делается только для случаев изнасилования, представляющих особую общественную опасность. Поэтому отсутствие жалобы потерпевшей, как правило, исключает возможность возбуждения дела.

Так, если следственным органам стало известно, что какой-либо субъект совершил два изнасилования, из которых каждое в отдельности подпадает под признаки ч. 1. ст. 117 УК РСФСР, и ни одна из потерпевших не подала жалобы о привлечении виновного к ответственности, уголовное дело не возбуждается.

В тех случаях, когда лицо совершило два изнасилования и по первому факту подана жалоба потерпевшей, дело в отношении второго преступления возбуждается и при отсутствии жалобы потерпевшей, так как деяние является повторным изнасилованием. Так же без жалобы потерпевшей возбуждается дело об изнасиловании, совершенном лицом, ранее судимым за изнасилование.

Если же лицо совершило два изнасилования без отягчающих обстоятельств и по второму факту подана жалоба потерпевшей, а по первому — нет, то уголовное дело возбуждается только в отношении второго факта изнасилования и преступление следует квалифицировать по ч. 1 ст. 117 УК РСФСР.

Нельзя согласиться с мнением Ю. В. Александрова¹, Б. А. Ахмедова² и Б. А. Блиндера³, которые считают, что изнасилование должно признаваться повторным независимо от того, что по одному или обоим установленным фактам изнасилования отсутствуют жалобы потерпевших. Такое предложение формально противоречит процессуальному закону, поскольку отсутствие жалобы по первому факту преступления исключает возбуждение дела, а следовательно, и установление преступного деяния, что необходимо для признания повторности, и по

¹ Ю. В. Александров, Борьба с изнасилованиями, стр. 10.

² Б. А. Ахмедов, Б. А. Блиндер, Причины и условия, способствующие совершению изнасилования и пути предотвращения этих преступлений, Ташкент, 1964, стр. 72.

³ Б. А. Блиндер, Ответственность за изнасилование по советскому уголовному праву, автореферат канд. дисс., Ташкент, 1966, стр. 24.

существу искажает волю законодателя, установившего специальные гарантии сохранения в тайне глубоко интимных обстоятельств жизни потерпевшей.

Исключительно важное значение по делам об изнасиловании имеет проведение судебно-медицинской экспертизы потерпевшей и подозреваемого.

От того, насколько быстро и качественно проведена судебно-медицинская экспертиза, нередко зависит успех расследования дела.

Поэтому следует признать вполне обоснованным предложение включить судебно-медицинскую экспертизу в число обязательных действий по делам об изнасиловании и других половых преступлений¹.

К сожалению, на практике не изжиты еще серьезные недостатки в назначении, организации и проведении судебно-медицинской экспертизы по делам об изнасиловании. Так, нередко вместо назначения судебно-медицинской экспертизы следователи направляют потерпевшую и подозреваемого на судебно-медицинское освидетельствование, которое является внепроцессуальным действием и заменить экспертизу не может.

По мнению Н. Г. Шалаева, действия врача, проводимые при исследовании живого лица на основании постановления о назначении экспертизы или по отношению следователя, фактически одинаковы, хотя процессуальная сущность их различна².

Однако практика деятельности судебно-медицинских экспертных учреждений свидетельствует о том, что фактически освидетельствование живого лица отличается от экспертного исследования по полноте, глубине анализа, аргументированности выводов и т. д.

Справедливо отмечал Я. М. Яковлев, что «подмена назначения экспертизы направлением потерпевшей на судебно-медицинское обследование объясняется осужденной практикой доследственной проверки обстоятельств,

¹ Я. М. Яковлев, Судебная экспертиза при расследовании основных преступлений, Душанбе, 1966, стр. 8—9. См. также Г. Н. Мудьюгин, Ю. А. Шубин, Расследование изнасилований, стр. 57—58.

² Н. Г. Шалаев, О процессуальной сущности судебно-медицинского освидетельствования, Горький, 1968, стр. 43.

требующих выяснения путем проведения следственных действий»¹.

Обязательное проведение судебно-медицинской экспертизы потерпевшей и подозреваемого в качестве неотложного следственного действия по делам об изнасиловании могло бы содействовать повышению качества расследования и рассмотрения этой сложной категории дел.

Большое значение для дачи полного и качественного заключения судебно-медицинской экспертизы имеют вопросы, поставленные органом следствия или дознания на разрешение эксперта.

Вопросы должны быть сформулированы конкретно, точно, с учетом современных возможностей судебно-медицинской экспертизы.

Как правило, эксперты ограничиваются ответом на вопросы, поставленные в постановлении о назначении судебно-медицинской экспертизы, хотя в соответствии с законом (ст. 191 УПК РСФСР) они вправе указать в своем заключении и на обстоятельства, имеющие значение для дела, по поводу которых им не были поставлены вопросы.

Очень важно, чтобы поставленные эксперту вопросы находились в пределах его компетенции.

Проблема определения пределов компетенции судебно-медицинского эксперта достаточно сложна и вызывает не только практический, но и теоретический интерес.

В юридической и судебно-медицинской литературе развернулась широкая дискуссия по вопросу о праве судебно-медицинского эксперта давать заключение по вопросам, имеющим правовое значение (определение рода насильственной смерти, формы вины и ее содержания, наличия определенного состава преступления и т. д.).

В судебной медицине получила известное распространение точка зрения о необходимости расширения

¹ Я. М. Яковлев, Назначение судебно-медицинской гинекологической экспертизы потерпевшей по делам об изнасиловании, «Вопросы криминалистики и судебной экспертизы», Душанбе, 1966, стр. 65.

компетенции судебно-медицинской экспертизы, поддержанная некоторыми юристами¹.

Однако эта концепция была подвергнута решительной и обоснованной критике как со стороны юристов², так и со стороны судебных медиков³.

Следует согласиться с категорическим утверждением Р. Д. Рахунова, что «никогда и ни при каких обстоятельствах эксперты не могут вторгаться в область права»⁴.

Эта позиция была отражена в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам», в котором давалось следующее руководящее указание: «Судам надлежит учитывать, что вопросы, поставленные перед экспертом, и его заключение по ним не могут выходить за пределы специальных познаний лица, которому поручено проведение экспертизы. Суды не должны допускать постановку перед экспертом правовых вопросов, как не входящих в его компетенцию (например,

¹ М. И. Райский, Ю. С. Сапожников, О правовом положении эксперта. Записки Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко, т. 7, вып. 2, Киев, 1948, стр. 142; В. Ф. Черваков, О самоповреждениях в судебно-медицинском и криминалистическом отношениях, «Проблемы социалистического права» 1939 г. № 2, стр. 120; А. М. Гамбург, Судебно-медицинская экспертиза саморанений, Киев, 1947; Э. Клоблех, Медицинская криминалистика, Прага, 1966, стр. 11—17; Г. Н. Александров, П. И. Скормохов, По поводу одного затянувшегося спора, «Вопросы криминалистики», «Юридическая литература», 1964, стр. 12—24.

² А. В. Дулов, Права и обязанности участников судебной экспертизы, Минск, 1962, стр. 40—47; М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, М., 1962, стр. 182—185; В. М. Никифоров, О пределах компетенции эксперта, «Вопросы советской криминалистики», М., 1951, стр. 16—21; А. И. Винберг, Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе, М., 1956, стр. 111—112; Р. Д. Рахунов, Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе, М., 1953, стр. 16—23; М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, «Наука», 1968, стр. 441; И. Л. Петрухин, Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе, М., 1964, стр. 111—123; В. Вальдман, Компетенция эксперта в советском уголовном процессе, автореферат канд. дисс., Ташкент, 1966, стр. 16.

³ М. И. Авдеев, Курс судебной медицины, М., 1959, стр. 84—94.

⁴ Р. Д. Рахунов, указ. соч., стр. 23.

имело ли место хищение либо недостача, убийство или самоубийство и т. п.)»¹.

Однако несмотря на то, что в юридической литературе господствует точка зрения о недопустимости постановки перед экспертом вопросов правового характера, еще встречаются подобные практические рекомендации.

Так, Я. М. Яковлев, признавая, что «одной из наиболее частых ошибок, допускаемых при постановке вопросов судебно-медицинским экспертам, является их юридический характер»², в то же время сам рекомендует ставить вопросы такого рода. Он пишет, что неправильно формулировать вопрос: «Имело ли место изнасилование?». Его нужно поставить так: «Имеются ли на теле потерпевшего признаки, позволяющие сделать вывод, что имело место насильственное половое сношение?»³.

Аналогичная рекомендация содержится в учебнике «Судебная медицина», под ред. проф. В. И. Прозоровского⁴.

Между тем понятие «насильственное половое сношение» представляет собой раскрытие термина изнасилования, и, следовательно, рекомендованный вопрос носит юридический характер.

Очевидно, следователь и суд должны формулировать вопросы иначе: имеются ли на теле потерпевшей и в ее половых органах следы, свидетельствующие о совершении полового акта, имеются ли на ее теле повреждения, их род и тяжесть, время и механизм нанесения, локализация и т. п.⁵.

¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1971 г. № 2, стр. 9.

² Я. М. Яковлев, Назначение судебно-медицинской гинекологической экспертизы потерпевшей по делам об изнасиловании, «Вопросы криминалистики и судебной экспертизы», Душанбе, 1966, стр. 74.

³ Я. М. Яковлев, Судебная экспертиза при расследовании половых преступлений, Душанбе, 1966, стр. 53.

⁴ «Судебная медицина», «Юридическая литература», 1968, стр. 239.

⁵ Правильные рекомендации по этому вопросу содержатся в работе И. В. Виноградова, Г. И. Кочарова, Н. А. Селиванова «Экспертизы на предварительном следствии», «Юридическая литература», 1967, стр. 122.

Правильно писал А. М. Гольдман, что «заключение об обнаруженных на теле потерпевшей повреждениях носит бесспорно экспертный характер. Однако вывод о причинении их в результате насильственного полового сношения не имеет научного основания и носит правовой характер»¹.

По нашему мнению, судебно-медицинские эксперты не вправе давать заключение: имело ли место половое сношение в извращенной форме, поскольку научно обоснованного определения этого понятия в медицине не существует.

Большое значение для решения вопросов ответственности за изнасилование имеет изучение потерпевших от преступления. По данным исследований Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 39,5% потерпевших от изнасилования составляют несовершеннолетние². По данным изучения 500 уголовных дел, изнасилование несовершеннолетних имело место в 40% случаев; по данным А. А. Герцензона — 49%³.

Особенно велик процент несовершеннолетних потерпевших от изнасилований, совершенных также несовершеннолетними. Так, среди изнасилованных подростками, действовавшими в одиночку, несовершеннолетние потерпевшие составили 54%⁴.

Среди несовершеннолетних потерпевших одну треть составляют малолетние, которые не способны защитить себя или не понимают и не осознают характера совершаемых на них посягательств.

Что же касается несовершеннолетних потерпевших в возрасте от 16 до 18 лет, то они нередко характеризуются отрицательно по своему поведению (легко завязывают знакомства, допускают вольное обращение со стороны мужчин, употребляют алкоголь).

¹ А. М. Гольдман, К вопросу о пределах компетенции судебного эксперта, «Некоторые актуальные вопросы деятельности адвокатуры», Баку, 1968, стр. 41.

² «Личность преступника», «Юридическая литература», 1971, стр. 197.

³ А. А. Герцензон, указ. работа, стр. 83.

⁴ «Личность преступника», стр. 197.

Так, по данным исследования, проведенного автором в Латвийской ССР, из потерпевших от изнасилования в возрасте 14—17 лет 50% жили половой жизнью, а 31% несовершеннолетних потерпевших находились в момент совершения преступления в нетрезвом виде.

Отрицательно характеризуется по поведению и значительное число совершеннолетних потерпевших. По данным А. А. Герцензона, 45% потерпевших находились в состоянии опьянения, а в 25% случаев потерпевшие, познакомившись с осужденными при случайных обстоятельствах, приняли приглашение пойти к ним на квартиру¹.

По другим данным, более 40% потерпевших от изнасилования характеризовались как ведущие себя легкомысленно². По исследованиям в Узбекской ССР 13% потерпевших своим поведением провоцировали виновного на совершение преступления³. В. С. Минская приходит к выводу, что в ряде случаев потерпевшая своим поведением «провоцирует» совершение изнасилования. Так, по ее данным, из группы потерпевших, своим безнравственным поведением способствовавших совершению изнасилования, 55% были в нетрезвом состоянии, 30% пили спиртные напитки вместе с насильниками, 22% имели отрицательную бытовую характеристику, 15% были ранее изнасилованы либо осуждены по данному делу, либо другими лицами⁴.

Поэтому при расследовании и судебном рассмотрении дел этой категории тщательное изучение личности потерпевшей, ее предшествующего поведения, взаимоотношений с виновным должно способствовать выявлению ложных обвинений в изнасиловании.

В тех случаях, когда изнасилование представляется бесспорным, но установлено, что неправильное поведение потерпевшей способствовало возникновению у виновного умысла на преступление, эти обстоятельства долж-

¹ А. А. Герцензон, указ. работа, стр. 84.

² «Криминология», «Юридическая литература», 1968, стр. 421.

³ Б. А. Блиндер, Уголовно-правовая охрана достоинства женщины, Ташкент, 1970, стр. 134.

⁴ В. С. Минская, Опыт виктимологического изучения изнасилования, «Вопросы борьбы с преступностью», вып. 17, «Юридическая литература», 1972, стр. 25—26.

ны учитываться наряду с другими данными при определении степени общественной опасности совершенного преступления.

Специфика дел об изнасиловании, рассмотрение которых связано с анализом глубоко интимных сторон человеческой жизни, заставляет уделять особое внимание этике производства по делу. Закон (ст. 18 УПК РСФСР) содержит указание о допустимости закрытого судебного разбирательства по делам о половых преступлениях в целях предотвращения разглашения сведений об интимных сторонах жизни участвующих в деле лиц.

Воспитательное значение производства по делу об изнасиловании зависит не только от установления истины и обоснованности приговора, но и от тактичности и культуры разбирательства.

В отдельных случаях следствие и суд могут отказаться от получения подробных показаний потерпевшей, если они вызывают у нее сильные душевные страдания и могут быть восполнены другими доказательствами по делу.

Определенные трудности вызывает на практике составление процессуальных документов (протоколы допросов, очных ставок, обвинительное заключение, приговор) по делам об изнасиловании.

С одной стороны, необходимо соблюдать строгую корректную форму изложения материала, с другой — нельзя излагать содержание преступных действий в завуалированном виде, не описывая существенных фактов и ограничиваясь лишь общими формулировками. Так, например, указание в обвинительном заключении или приговоре, что виновный совершил насильственное удовлетворение половой страсти в извращенной форме или совершил изнасилование в извращенной форме, не дает возможности ни понять, какое конкретное действие было совершено, ни оценить, правильно ли было квалифицировано это действие.

КВАЛИФИЦИРОВАННЫЕ ВИДЫ ИЗНАСИЛОВАНИЯ

§ 1. Изнасилование, сопряженное с угрозой убийством или причинением тяжкого телесного повреждения

Наиболее опасным видом угрозы при изнасиловании является угроза смертью или причинением тяжкого телесного повреждения. Применение такого рода угрозы может быстрее парализовать у потерпевшей волю к сопротивлению и потому облегчить совершение изнасилования. Следует отметить, что все уголовные кодексы союзных республик предусматривают ответственность за угрозу убийством или нанесением тяжких телесных повреждений в качестве общего состава (ст. 207 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик).

Два уголовных кодекса союзных республик (РСФСР и Армянской ССР) рассматривают такую угрозу как обстоятельство, квалифицирующее состав изнасилования.

В соответствии с уголовным законодательством других союзных республик угроза смертью или тяжким телесным повреждением на квалификацию изнасилования не влияет.

В общем числе изнасилований, квалифицированных по ч. 2 ст. 117 УК РСФСР, случаи применения угрозы убийством или причинением тяжкого телесного повреждения составляют значительную долю. Так, по данным выборочного исследования Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, такие случаи составляют 84%¹, по данным

¹ А. А. Герцензон, Уголовное право и социология, М., 1970, стр. 79.

Д. О. Хан-Магомедова и Ю. А. Шубина — 78% и приблизительно 79% — по нашим данным.

Угроза убийством или нанесением тяжкого телесного повреждения может быть выражена словесно или вытекать из действий преступника. Например, сжатие шеи потерпевшей, соединенное с требованием полового сношения, представляет угрозу убийством. Угроза оружием (наставление или даже только показ) всегда должна рассматриваться как угроза убийством или нанесением тяжкого телесного повреждения, так как фактическое применение оружия может повлечь смерть или тяжелое ранение потерпевшей. Так, К., осужденный Московским городским судом, совершил изнасилование А. в подъезде дома, угрожая ножом. Потерпевшая сопротивления не оказала.

Под угрозой нанесением тяжкого телесного повреждения следует понимать угрозу причинением увечья, обезображения лица и т. д. Так, С., например, правильно был осужден за изнасилование по ч. 2 ст. 117 УК РСФСР Московским городским судом за то, что, познакомившись с Ш., пригласил ее в кино, а затем, провожая после сеанса, завел во двор и, угрожая выколоть глаза, изнасиловал.

В каждом конкретном случае необходимо принимать во внимание не только оружие, которым угрожал преступник, но также характер и направленность угрозы. Так, угроза порезать бритвой лицо должна рассматриваться как угроза нанесением тяжкого телесного повреждения (повреждение глаз, обезображение лица), а угроза порезать бритвой пальцы рук — нет. В этих случаях орудие, посредством которого осуществлялась угроза, было одинаковым, но характер угрозы разный.

Применение угрозы убийством или нанесением тяжкого телесного поврежденияотягчает ответственность за изнасилование независимо от того, имел ли преступник намерение действительно осуществить свою угрозу или рассчитывал только оказать на потерпевшую психическое воздействие¹. Достаточно того, что по своему ха-

¹ Фактическое осуществление угрозы и нанесение, например, тяжкого телесного повреждения должно рассматриваться как причинение особо тяжкого последствия и квалифицироваться по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР.

рактеру и по обстановке дела примененная угроза заставила потерпевшую опасаться за свою жизнь и здоровье. Поэтому угроза сломанным оружием или макетом оружия, которая в действительности не могла быть осуществлена, должна рассматриваться как угроза убийством или нанесением тяжкого телесного повреждения, так как потерпевшая воспринимает подобные действия как создающие непосредственную опасность ее жизни.

Так, приговором Верховного Суда Латвийской ССР был осужден за изнасилование несовершеннолетней З., который угрожал потерпевшей металлической расческой. В приговоре отмечалось, что «рукоятка осмотренной в суде металлической расчески по своему внешнему виду действительно напоминает длинный острый клинок ножа. Учитывая эти установленные по делу конкретные обстоятельства, а также недостаточное физическое и психическое развитие потерпевшей, судебная коллегия находит, что примененная к З. угроза носила реальный непосредственный характер и была в состоянии парализовать волю потерпевшей к сопротивлению».

В практике возникал вопрос: предусматривает ли ч. 2 ст. 117 УК РСФСР угрозу нанесением тяжкого телесного повреждения или фактическое его причинение?

Так, Н. Кукарский в статье «Некоторые ошибки судебно-следственных органов по делам об изнасиловании»¹ высказал мнение, что ч. 2 ст. 117 УК РСФСР предусматривает ответственность за изнасилование, сопряженное с угрозой убийством или соединенное с фактическим нанесением тяжкого телесного повреждения. Подобное мнение основано только на грамматическом толковании закона, так как редакция ч. 2 ст. 117 УК РСФСР позволяет при прочтении понять ее двояко. Однако если более глубоко вникнуть в смысл закона и использовать при уяснении его содержания систематическое и логическое толкование, то можно убедиться, что приведенное мнение является ошибочным.

Действительно, советский законодатель во многих случаях приравнивает по характеру ответственности угрозу убийством и угрозу нанесением тяжкого телесного повреждения, т. е. признает их общественно опасны-

¹ «Советская юстиция» 1963 г. № 1, стр. 12.

ми в равной степени (ст. ст. 193, 207, 241, УК РСФСР). Вместе с тем законодатель различает по степени общественной опасности, а следовательно, и по характеру ответственности применение угрозы, опасной для жизни и здоровья потерпевшего, и фактическое причинение тяжкого телесного повреждения (ст. ст. 91, 146 УК РСФСР).

Изучение судебной практики показало, что в большинстве случаев изнасилования, совершенного путем запугивания потерпевшей (без применения физического насилия), использовалась угроза убийством или причинением тяжкого телесного повреждения.

Из всех случаев совершения изнасилования с применением психического насилия по ч. 1 ст. 117 УК РСФСР практически квалифицируются только случаи применения неопределенной угрозы, так как использование угрозы нанесением побоев или легких телесных повреждений встречается крайне редко.

Это позволило ряду юристов сделать вывод о нецелесообразности сохранения в законодательстве рассматриваемого квалифицирующего признака¹.

Справедливо отмечает Б. В. Даниэльбек, что «вряд ли можно признать обоснованным, когда лицо, фактически нанесшее менее тяжкое телесное повреждение, несет смягченную ответственность (ч. 1 ст. 117 УК РСФСР) по сравнению с лицом, лишь угрожавшим причинить тяжкое телесное повреждение (ч. 2 ст. 117 УК РСФСР)»².

По нашему мнению, применение особого квалифицирующего изнасилование признака в УК союзных республик себя не оправдало. Изучение судебной практики показало, что во многих случаях изнасилований, квалифицированных по ч. 2 ст. 117 УК РСФСР по признаку применения угрозы смертью или причинением тяжкого телесного повреждения, общественная опасность пре-

¹ Б. А. Блиндер, Ответственность за изнасилование по советскому уголовному праву, стр. 13; П. П. Осипов, Половые преступления, автореферат канд. дисс., Л., 1967, стр. 11—12; М. Н. Хлынцов, Расследование половых преступлений, Саратов, 1965, стр. 9; Я. М. Яковлев, Половые преступления, стр. 148—149.

² Б. В. Даниэльбек, Уголовно-правовая борьба с половыми преступлениями, стр. 11.

ступления не больше, чем в случаях, квалифицируемых ч. 1 ст. 117 УК РСФСР.

Поэтому заслуживает внимания предложение об исключении этого признака из уголовного законодательства. Характер же угрозы, так же как и интенсивность насилия, суд должен учитывать при определении меры наказания виновному.

Б. А. Блиндер предлагает вместо угрозы убийством или нанесением тяжкого телесного повреждения предусмотреть в законе в качестве квалифицирующего изнасилование признака поставление в опасность жизнь потерпевшей¹.

Это предложение представляется недостаточно обоснованным, так как поставление в опасность жизни потерпевшей, если оно выразилось в реальных действиях, совершенных с прямым умыслом и создавших непосредственную угрозу жизни (например, применение оружия), должно рассматриваться, по нашему мнению, как покушение на изнасилование, повлекшее особо тяжкие последствия, а при установлении умысла на убийство и как покушение на убийство. В остальных случаях это будет не что иное, как реальная угроза убийством, выраженная словами или действиями.

§ 2. Повторное изнасилование и совокупность изнасилований

Уголовные кодексы всех союзных республик предусматривают в качестве квалифицирующего изнасилование обстоятельства повторность (ч. 2 ст. 117 УК РСФСР).

При выборочном изучении изнасилований было установлено, что из всего числа преступлений, квалифицированных по ч. 2 ст. 117 УК РСФСР, 16% составляют повторные изнасилования².

Следует иметь в виду, что при совершении изнасилований особо опасным рецидивистом может иметь место повторность преступлений, которая в данном случае не отражается на квалификации.

¹ Б. А. Блиндер, Уголовно-правовая охрана свободы и достоинства женщины, стр. 70—71.

² А. А. Герцензон, Уголовное право и социология, стр. 79.

По нашим данным, из 60 дел об изнасиловании, квалифицированных по ч. 2 ст. 117 УК РСФСР, повторное изнасилование составило 22%.

Повторное совершение любого преступления свидетельствует о большей общественной опасности субъекта, об известном укреплении, укоренении антиобщественных, преступных установок в его психике.

Повторное совершение изнасилования означает, что низменные стремления достаточно прочно укоренились в психике преступника.

Этому нередко способствует безнаказанность за первое преступление, оставшееся нераскрытым.

Так, например, М., 1931 года рождения, в период с сентября 1961 года по 22 февраля 1962 г. на дорогах, ведущих из г. Саранска в поселок Пушкино, в районе кирпичного завода систематически выслеживал в ночное время женщин и насиловал их. Сам М. объясняет, что после совершения первого преступления, оставшегося нераскрытым и безнаказанным, ему понравилось удовлетворять свою половую страсть подобным образом. Только задержание М. при попытке совершения очередного насилия органами милиции пресекло его преступную деятельность. Народным судом г. Саранска М. осужден по ч. 2 ст. 117 УК РСФСР.

В соответствии с общими принципами советского уголовного права повторным следует признавать изнасилование, совершенное лицом, ранее совершившим изнасилование, независимо от того, был ли субъект судим за первое преступление.

Так, он может привлекаться к ответственности одновременно за совершение двух или нескольких изнасилований по соответствующим жалобам потерпевших.

Для признания изнасилования повторным не требуется фактического совершения двух оконченных преступлений. Если субъект, ранее совершивший изнасилование, вновь совершает покушение на это преступление, то оно должно рассматриваться как покушение на повторное изнасилование. Равным образом должно признаваться повторным изнасилование, совершенное после покушения на это преступление.

Признак повторности будет иметь место и при наличии двух покушений. Так, правильно был осужден народным судом г. Совгавань Хабаровского края по ст. 15

и ч. 2 ст. 117 УК РСФСР Е., который дважды покушался совершить изнасилование, напав сначала на гр-ку Р., а затем на гр-ку Б.

Поскольку по советскому уголовному законодательству (ст. 17 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик) соучастие в преступлении влечет ответственность на тех же основаниях, что и совершение этого преступления, повторным изнасилованием следует признавать совершение изнасилования лицом, ранее участвовавшим в совершении такого преступления в качестве соучастника (пособник, подстрекатель). Соучастие в изнасиловании лица, ранее совершившего изнасилование, должно рассматриваться как соучастие в повторном изнасиловании.

Хотя для признания повторности достаточно установить фактическое совершение лицом двух изнасилований, однако, если по первому факту преступления не была подана жалоба потерпевшей и уголовное дело не возбуждалось, вновь совершенное изнасилование нельзя рассматривать как повторное¹.

Следует иметь в виду, что, если судимость за первое изнасилование снята или погашена в установленном законом порядке или истекли сроки давности уголовного преследования за это преступление, оно не может учитываться при квалификации последнего изнасилования. Поэтому если изнасилование совершит субъект, в прошлом судимый за это преступление, но судимость с которого снята, то он должен привлекаться к ответственности как лицо, впервые совершившее изнасилование.

Такое решение вопроса вытекает из общих положений советского уголовного права, в соответствии с которыми истечение сроков давности или снятие и погашение судимости лишает совершенное в прошлом преступление значения квалифицирующего обстоятельства.

В советской юридической литературе получила известное распространение точка зрения о том, что снятие или погашение судимости еще не означает, что факт совершения преступления в прошлом потерял юридическое значение. Ряд авторов предлагает в случаях, когда закон рассматривает в качестве квалифицирующего об-

¹ Подробнее этот вопрос рассмотрен в § 10 настоящей главы.

стоятельства не судимость, а факт совершения преступления в прошлом, считать новое преступление повторным.

Такую точку зрения высказали С. В. Бородин применительно к убийству¹, В. А. Владимиров в отношении преступлений против личной собственности², а Кукарский в отношении изнасилования³. В общей форме эта позиция была определена А. А. Герцензоном, который считал, что преступление может быть признано судом повторным независимо от того, что судимость за первое преступление снята или погашена⁴.

Такая концепция вызвала серьезные возражения, так как она означала фактическое аннулирование института снятия судимости и не была поддержана судебной практикой⁵.

Учитывая споры по вопросу о понимании повторности изнасилования, Пленум Верховного Суда СССР дал судам в постановлении от 25 марта 1964 г. «О судебной практике по делам об изнасиловании» подробное разъяснение этого признака.

«Часть 2 ст. 117 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик, предусматривающая повышенную ответственность за изнасилование, совершенное лицом, ранее совершившим изнасилование, подлежит применению независимо от того, был ли виновный осужден за ранее совершенное изнасилование, было ли окончено изнасилование и являлся ли виновный исполнителем либо иным соучастником этих преступлений.

Изнасилование не может быть признано повторным, если судимость за ранее совершенное изнасилование с виновного снята в порядке амнистии или помилования либо погашена или снята в соответствии со ст. 47 Основ

¹ С. В. Бородин, Квалификация убийства по действующему законодательству, М., 1966, стр. 72—75.

² В. А. Владимиров, Преступления против личной собственности граждан по уголовному законодательству союзных республик, «Советское государство и право» 1962 г. № 8, стр. 73.

³ «Советская юстиция» 1963 г. № 1, стр. 12.

⁴ А. Герцензон, Об основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, М., 1959, стр. 59.

⁵ См. «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1963 г. № 5, стр. 31—32; «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1964 г. № 2, стр. 6.

уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, а также если к моменту совершения второго изнасилования истекли сроки давности уголовного преследования за ранее совершенное преступление, или сроки исполнения обвинительного приговора, указанные в ст. ст. 41 и 42 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик»¹.

По УК союзных республик наличие судимости за изнасилование у лица, вновь совершившего это преступление (специальный рецидив), рассматривается как повторное совершение преступления. Конечно, при назначении наказания наличие судимости должно учитываться, так как рецидив свидетельствует о том, что осуждение лица в прошлом и применение к нему советским судом наказания не оказали на него необходимого воздействия и не исправили его.

При рассмотрении дел о повторных изнасилованиях возникает вопрос, требуется ли квалификация по совокупности каждого преступления в отдельности, если лицо за ранее совершенное преступление не было привлечено к ответственности, или все совершенное охватывается понятием повторного изнасилования.

Вопрос о соотношении понятий совокупности и повторности представляет не только теоретический, но и большой практический интерес, так как его решение влияет на квалификацию преступлений.

Правильно отмечает В. Н. Кудрявцев, что понятия повторности и совокупности преступлений не исключают друг друга, а являются пересекающимися понятиями².

В теории советского уголовного права распространена точка зрения о том, что совокупность возможна только в тех случаях, когда совершены разнородные преступления³. Эта позиция основывается на буквальном толковании ст. 40 УК РСФСР, где говорится о том, что совокупность преступлений имеется в тех случаях, когда ли-

¹ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1970 гг.», стр. 455.

² В. Н. Кудрявцев, Общая теория квалификации преступлений, «Юридическая литература», 1972, стр. 310—311.

³ Н. А. Стручков, Назначение наказания при совокупности преступлений, М., 1957, стр. 15; А. М. Яковлев, Совокупность преступлений по советскому уголовному праву, М., 1960, стр. 42.

цо признано виновным в совершении двух или более преступлений, предусмотренных различными статьями Особенной части Уголовного кодекса.

Однако Уголовный кодекс Грузинской ССР в ст. 40 прямо указывает на возможность совокупности при совершении однородных преступлений, когда «лицо признано виновным в совершении двух или более преступлений, предусмотренных различными статьями или частями статьи уголовного закона».

Представляется, что в тех случаях, когда различные части одной статьи Уголовного кодекса предусматривают составы преступлений, отличающиеся существенными особенностями, помимо признака повторности, при совершении нескольких таких преступлений возможна совокупность. Следует отметить, что описание нескольких составов одного преступления в отдельных статьях или в разных частях одной статьи относится к сфере законодательной техники. Например, различные виды умышленного убийства предусмотрены в УК РСФСР разными статьями (ст.ст. 102, 103, 104), а различные составы изнасилования предусмотрены разными частями одной статьи. По смыслу советского уголовного закона признак повторности охватывает совершение нескольких одинаковых преступлений при равных, с юридической точки зрения, условиях, т. е. в тех случаях, когда каждое из этих преступлений в отдельности было бы квалифицировано по одной и той же статье или части закона, например два умышленных убийства, подпадающих каждое в отдельности под признаки ст. 103 УК РСФСР, два изнасилования без отягчающих обстоятельств, две кражи личного имущества без отягчающих обстоятельств и т. п. Если же одним лицом совершены два или более однородных преступления, из которых каждое в отдельности было бы квалифицировано по разным статьям или частям статьи уголовного закона, то все совершенное необходимо квалифицировать по совокупности, рассматривая в то же время второе преступление как повторное. Если ограничиться в подобном случае применением только признака повторности (в тех случаях, когда он предусмотрен в законе в качестве квалифицирующего обстоятельства), то не получают отражения в квалификации существенные с правовой точки зрения обстоятельства или особенности совершенных преступлений. Не следует забывать, что в

некоторых случаях закон предусматривает в квалифицированных составах обстоятельства более тяжкие, чем повторность, например хищение в крупных размерах, изнасилование несовершеннолетней и т. п. Если же при совершении нескольких однородных преступлений руководствоваться принципом квалификации всего содеянного по наиболее тяжкой статье или части закона, то такая квалификация не будет юридически точно отражать картину совершенных преступлений. Например, если преступник совершил два изнасилования — одно несовершеннолетней, а другое — взрослой женщины, то, квалифицируя все совершенное только по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР, мы оставляем без юридической характеристики изнасилование несовершеннолетней женщины. Это же происходит и в случаях, когда имело место покушение на изнасилование и оконченное преступление или изнасилование и соучастие в изнасиловании. В подобных ситуациях признак повторности не может полностью охватить совершенные преступления и поэтому необходимо квалифицировать содеянное по совокупности.

Из сказанного следует вывод, что действия субъекта, совершившего изнасилование два или более раза и привлеченного к ответственности за все преступления, должны квалифицироваться по ч. 2 ст. 117 УК РСФСР. Однако если в одном из преступных эпизодов имело место покушение на изнасилование или соучастие в данном преступлении, эти действия должны получить отражение в квалификации. Так, Б. покушался на изнасилование К., но не смог совершить преступление, так как на крик потерпевшей прибежали люди. Через несколько дней Б. совершил изнасилование Ч. Действия Б. были квалифицированы Свердловским областным судом по ст. 15 и ч. 1 ст. 117 и по ч. 2 ст. 117 УК РСФСР.

Такая юридическая характеристика наиболее правильно отражает сущность и характер совершенных преступлений. Аналогичное решение должно приниматься и в случаях, когда посягательства совершались в отношении одной потерпевшей. Так, Р. 22 июля 1962 г., пользуясь умственной отсталостью Т. (умеренная дебилность), увел ее в парк и изнасиловал. 10 августа 1962 г. Р., встретив Т. на улице, схватил ее, потащил к сараю и пытался изнасиловать, но был задержан. Куйбышевским областным судом преступление Р. было

квалифицировано по совокупности как оконченное изнасилование и покушение на изнасилование.

Также по совокупности следует квалифицировать несколько фактов изнасилования, если одно из этих преступлений предусмотрено чч. 1 или 2, а другое — ч. 3 ст. 117 УК РСФСР.

Если же преступник совершил два оконченных изнасилования, предусмотренных каждое в отдельности ч. 1 ст. 117 УК РСФСР, то все совершенное должно квалифицироваться по ч. 2 ст. 117 УК РСФСР как повторное изнасилование.

Эта позиция нашла отражение в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г., в котором сказано, что «при совершении двух или более изнасилований, ответственность за которые предусмотрена различными частями ст. 117 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик, а также при совершении в одном случае покушения на изнасилование или соучастия в этом преступлении, а в другом — оконченного изнасилования действия виновного по каждому из указанных преступлений должны квалифицироваться самостоятельно»¹.

В литературе было высказано мнение о целесообразности рассматривать изнасилование повторным и в случае совершения ранее иного полового преступления, однородного с изнасилованием по мотивам и целям, хотя бы и менее тяжкого².

С этой точкой зрения нельзя согласиться, так как понятием «половые преступления» объединяются различные как по степени общественной опасности, так и по юридическим признакам деяния. Например, в отличие от изнасилования половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости или 16 лет, понуждение женщины к вступлению в половую связь и развратные действия в отношении несовершеннолетних не являются насильственными преступлениями.

¹ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1970 гг.», стр. 455.

² Б. А. Блиндер, Уголовно-правовая охрана свободы и достоинства женщин, стр. 67; см. его же, Повторность как обстоятельство, отягчающее изнасилование, «Вопросы уголовного права, уголовного процесса и криминологии», Душанбе, 1966, стр. 111—119.

При таком понимании понятие повторности было бы чрезмерно расширено, что способствовало бы только ужесточению репрессии, но отнюдь не усилению эффективности борьбы с половыми преступлениями.

Вместе с тем заслуживает внимания вопрос о расширении в законе понятия повторности изнасилования путем признания повторным изнасилования, совершенного после насильственного удовлетворения половой страсти. Равным образом и насильственное удовлетворение половой страсти следует считать повторным, если ему предшествовало изнасилование.

§ 3. Изнасилование, совершенное группой лиц, и соучастие в изнасиловании

Совершение изнасилования группой, т. е. двумя или более лицами, представляет повышенную общественную опасность и рассматривается советским законодательством как одно из обстоятельств, особо отягчающих ответственность за изнасилование. За совершение группового изнасилования может быть назначена даже исключительная мера наказания — смертная казнь.

Установление очень суровой санкции за групповое изнасилование свидетельствует о том, что законодатель оценивает такое деяние как представляющее исключительную общественную опасность.

Особая опасность группового изнасилования заключается в том, что, во-первых, усиливается интенсивность физического или психического насилия, парализуется воля женщины к сопротивлению; во-вторых, укрепляется решимость участников совершить преступление; в-третьих, женщине наносится большой моральный ущерб, более грубо и глубоко оскорбляется ее достоинство; в-четвертых, возможно причинение серьезного ущерба здоровью потерпевшей.

Групповые изнасилования занимают довольно значительное место в общем числе совершенных изнасилований.

Так, по данным Ю. А. Шубина, изнасилования, совершенные группой лиц, составляют 16% от общего

числа изнасилований, а групповые изнасилования, совершенные несовершеннолетними,—36,7% от числа изнасилований, совершенных этими лицами¹.

По данным Л. А. Андреевой, процент групповых изнасилований составляет 43,3%².

По изученным автором 500 делам об изнасиловании в 27,5% случаев преступление было совершено группой лиц.

По данным А. А. Герцензона, совершение изнасилования группой лиц было отмечено в 36% случаев преступлений, квалифицированных по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР³.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что доля лиц, совершивших групповые изнасилования, в общей массе осужденных за это преступление остается неизменной на протяжении длительного времени, подвергаясь лишь незначительным колебаниям.

Наиболее часто групповые изнасилования совершают несовершеннолетние или несовершеннолетние, руководимые взрослым или при участии взрослых.

Из всего числа групповых изнасилований преступления, совершенные несовершеннолетними, составляют, по данным Л. А. Андреевой, 76,8%⁴, Я. М. Яковлева — 67,8%⁵, В. А. Яхонтова — 77,7%⁶, М. П. Лашина — 71,5%⁷, по данным автора — 75,9%.

Высокий процент совершения групповых изнасилований несовершеннолетними объясняется в первую очередь особенностями психологии подросткового и юношеского возраста.

При этом сказывается и психологическая неустойчивость, и проявление конформизма, и повышенный интерес к сексуальным отношениям. Подросток, никогда

¹ Г. Н. Мудьюгин, Ю. А. Шубин, Расследование изнасилований, стр. 150.

² Л. А. Андреева, указ. работа.

³ А. А. Герцензон, указ. работа, стр. 80.

⁴ Л. А. Андреева, указ. работа, стр. 201.

⁵ Я. М. Яковлев, Половые преступления, Душанбе, 1969, стр. 159.

⁶ В. А. Яхонтов, Предупреждение половых преступлений несовершеннолетних, Львов, 1966, стр. 47.

⁷ М. П. Лашин, Предупреждение и раскрытие органами милиции преступлений несовершеннолетних, М., 1965, стр. 100.

не решившийся бы на совершение изнасилования в одиночку, принимает участие в групповом преступлении, стремясь не отстать от своих товарищей.

Во многих случаях несовершеннолетние объединяются в группу для совершения изнасилования с целью облегчить совершение преступления.

При групповом изнасиловании два или несколько лиц, применяя физическое или психическое воздействие, совершают половые акты с потерпевшей.

Для признания изнасилования групповым согласно закону не требуется, чтобы участники предварительно договорились о совершении преступления.

По изученным нами 300 делам о групповом изнасиловании в 148 из них имела место предварительная договоренность о совершении преступления.

По данным А. В. Ушакова, из 266 случаев группового изнасилования предварительный сговор имел место в 122 случаях¹.

Отсутствие в законе указания на необходимость предварительного сговора при групповом изнасиловании объясняется тем, что повышенная опасность такого преступного деяния заключается не в предварительной договоренности участников, а, главным образом, в совместном характере действия, в объединении усилий и в применении более интенсивного физического или психического воздействия на потерпевшую².

В советской юридической литературе высказывалось мнение, что при групповом изнасиловании все участники должны совершить половой акт с потерпевшей³. При такой точке зрения понятие группового изнасилования сужается, поскольку возможны случаи, когда отдельные участники группы совершают только попытку полового сношения или вообще не совершают полового

¹ А. В. Ушаков, Основания и пределы ответственности соучастников преступлений по советскому уголовному праву, канд. дисс., М., 1971, стр. 55.

² См. «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1973 г. № 1, стр. 22.

³ А. А. Жижиленко, Половые преступления. М., 1924, стр. 117—118; А. А. Трайнин, В. Д. Меньшагин, З. А. Вышинская, УК РСФСР, Комментарий, 1946, стр. 199; З. А. Вышинская, Преступления против личности, Юриздат НКЮ СССР, М., 1939, стр. 36—37.

акта, ограничивая свое участие в изнасиловании применением физического насилия или угроз.

Действия этих лиц должны рассматриваться и квалифицироваться как оконченное преступление — участие в групповом изнасиловании.

Необходимо отметить, что отдельные суды иногда неправильно квалифицируют действия таких участников группы, которые сами не совершили полового акта. Действия этих лиц в зависимости от обстоятельств дела рассматриваются как покушение на изнасилование или соучастие в этом преступлении. Так, приговором народного суда Кировского района Ленинграда были осуждены за групповое изнасилование Г., В. и П., а за соучастие в групповом изнасиловании Щ. и С. по ст. 17 и ч. 3 ст. 117 УК РСФСР. Щ. и С. помогали завлечь потерпевшую в убежище, повалить и раздеть ее, а Щ., кроме того, сам намеревался совершить половой акт, но был задержан. При подобных обстоятельствах действия Щ. и С. должны быть квалифицированы по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР, без ссылки на ст. 17 УК, так как они являются участниками группы, совершившей изнасилование. В другом случае приговором Московского городского суда были осуждены по ч. 3 ст. 117 УК М., Кос-в и Кор-в, а по ст. 15 и ч. 3 ст. 117 УК — Н-в. По делу установлено, что Н-в, М., Кос-в и Кор-в, спойв потерпевшую Н., привели ее в общежитие и, воспользовавшись ее беспомощным состоянием, по очереди в течение ночи изнасиловали. Н-в также пытался изнасиловать потерпевшую, но в силу опьяненного состояния не мог довести свой преступный умысел до конца. В данном случае действия Н. должны рассматриваться как участие в групповом изнасиловании, а не как покушение на это преступление.

Из дела видно, что в целях изнасилования Н-в совместно с другими лицами непосредственно воздействовал на потерпевшую для приведения ее в беспомощное состояние. Поэтому тот факт, что сам он не совершил полового акта, не может служить основанием для квалификации его действий как покушения¹.

¹ См. также «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1966 г. № 7, стр. 12.

Соисполнителем группового изнасилования может явиться и субъект, физически воздействовавший на потерпевшую и оказавший тем самым содействие другим лицам в изнасиловании, даже если он сам и не имел намерения совершить половой акт.

В этом преступлении закон понимает под групповым изнасилованием соисполнительство. Для уголовной ответственности не требуется, чтобы соисполнители выполняли одинаковую роль в совершении преступления. Особенно это касается соисполнительства в так называемых сложных преступлениях, к которым относится изнасилование, поскольку преступное деяние при изнасиловании складывается из двух действий — применения физического насилия или угроз и совершения полового акта с потерпевшей.

При соисполнительстве в сложном преступлении не обязательно, чтобы все участники полностью совершили действия, образующие состав преступления. Состав преступления может быть выполнен совместными действиями соисполнителей, когда каждый из участников совершает действия, составляющие только часть состава преступления. Например, если при спекуляции одни лица только скупают товары, а другие только перепродают их, то ответственность за оконченное преступление должны нести все участники.

Совершенно верно характеризует эту особенность совершения преступления соисполнителями проф. В. Солнарж, который пишет: «Если непосредственный исполнитель сам причиняет результат, предусмотренный в законе, то исполнители этот результат причиняют совместно, следовательно, этот результат возникает из их совместных действий, совершаемых одновременно или последовательно. Объективная сторона деяния разделена между исполнителями. При этом возможно, что каждый из соисполнителей совершает действие, которое само по себе содержит признаки преступления, о котором идет речь. Однако равным образом возможно, что они распределили обязанности так, что совершаемые ими действия только в совокупности содержат все признаки результата, предусмотренного в законе; в этом случае, стало быть, действия каждого из соисполнителей, рассмотренные отдельно, не содержали бы еще признаков результата, предусмотренного в за-

коне; эти признаки имеются налицо только в соединении с действиями остальных соисполнителей»¹.

Поскольку при изнасиловании преступление заключается в насильственном, помимо воли потерпевшей, совершении полового акта, постольку возможны случаи, когда одни соисполнители применяют насилие к потерпевшей, но не совершают полового акта, а другие совершают половой акт помимо и против воли потерпевшей, но не применяют к ней насилия. Состав преступления в этом случае образуется совокупными действиями соисполнителей.

Все соисполнители отвечают непосредственно по статье закона, предусматривающей совершенное преступление². Нельзя поэтому согласиться с мнением, высказанным по конкретному делу Верховным Судом РСФСР, который, утверждая, что «изнасилование признается групповым не только при наличии нескольких непосредственных исполнителей, но также и при одном исполнителе и пособнике, содействовавшем ему в совершении преступления путем применения насилия к потерпевшей», признавал тем не менее необходимым привлечение в этом случае к ответственности субъекта, совершившего половой акт по статье, предусматривающей групповое изнасилование, а лица, применявшего насилие к потерпевшей, — за соучастие в групповом изнасиловании³. Оценка таких действий Верховным Судом РСФСР как группового изнасилования правильна, однако предложенная квалификация неточна. Оба участника должны отвечать по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР без ссылки на ст. 17 УК РСФСР.

Учитывая имевшиеся в судебной практике ошибки в квалификации группового изнасилования, Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 25 марта 1964 г. дал судам следующее руководящее указание: «Квалификация изнасилования, как совершенного

¹ В. Солнарж, Соучастие по уголовному праву Чехословацкой Социалистической Республики, «Иностранная литература», 1962, стр. 99.

² См. «Советское уголовное право, часть Общая», Госюриздат, 1962, стр. 205; «Курс советского уголовного права», т. II, «Наука», 1970, стр. 470.

³ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1962 г. № 10, стр. 13.

группой лиц, может иметь место в случае, когда лица, принимавшие участие в изнасиловании, действовали согласованно в отношении потерпевшей, причем как групповое изнасилование должны квалифицироваться не только действия лиц, совершивших насильственный половой акт, но и действия лиц, содействовавших им путем применения насилия к потерпевшей¹. При этом действия лиц, лично не совершавших насильственного полового акта, но путем применения насилия к потерпевшей содействовавших другим в ее изнасиловании, должны квалифицироваться по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик как соисполнителей этого преступления, а не как пособников. Действия лиц, организовавших изнасилование группой, следует квалифицировать по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик независимо от того, что другие участники в соответствии со ст. 10 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик не были привлечены к уголовной ответственности»².

Известную сложность для правильной оценки деяния представляют случаи, когда соучастник в изнасиловании применял физическое или психическое насилие к потерпевшей, но не в момент совершения преступления. Так, Л. А. Андреева приводит пример, когда К. по просьбе своего товарища И. помог ему насильно затащить девушку ночью к сараю, после чего ушел. И. при воздействии угроз под утро изнасиловал потерпевшую.

В данном случае действия К. хотя и способствовали совершению изнасилования, но не являлись элементом объективной стороны этого преступления. Поэтому следует согласиться с оценкой этого случая Л. А. Андреевой как изнасилования, совершенного одним лицом при пособничестве другого³.

Иного мнения придерживается Л. Д. Гаухман. Он полагает, что субъект, по предварительному сговору ока-

¹ Аналогичное положение содержалось и в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 2 декабря 1960 г.

² «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1970 гг.», стр. 456—457.

³ Л. А. Андреева, Г. А. Густов, В. Г. Степанов, А. П. Филиппов, указ. работа, стр. 16—17.

завывавший любое содействие в момент совершения преступления, например стоявший на страже, должен рассматриваться не как пособник, а как соисполнитель преступления, даже если его действия не являлись элементом объективной стороны преступления¹.

Принятие такой позиции на практике поведет к чрезмерному расширению понятия «совершение преступления группой лиц». В теории советского уголовного права эта точка зрения не получила достаточно убедительного обоснования.

Поскольку для соисполнительства в изнасиловании не требуется совершения половых актов всеми участниками группы, то соисполнителем группового изнасилования может быть признано лицо, не способное к совершению полового акта с женщиной (импотент, женщина).

В случаях, когда женщина непосредственно оказывала на потерпевшую физическое воздействие в момент совершения преступления, возникают следующие вопросы: 1) можно ли рассматривать как групповое изнасилование совершение этого преступления в соисполнительстве мужчиной и женщиной; 2) необходимо ли всегда квалифицировать действия женщины-соучастника по ст. 17 и соответствующей части ст. 117 УК РСФСР или непосредственно по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР как участие в групповом изнасиловании.

Эти вопросы рассмотрены в юридической литературе. Так, в Комментарий к УК РСФСР говорится: «Женщина может быть соисполнителем, если она нейтрализует сопротивление потерпевшей в момент насильственного совершения полового акта»². Однако как квалифицировать преступление, авторы Комментария не указывают.

Л. А. Андреева более определенно решает этот вопрос, когда пишет: «Хотя наше действующее законодательство построено так, что женщина не может быть исполнителем преступления изнасилования, однако выступать в качестве соучастника, вполне понятно, могут при изнасиловании и лица женского пола, при этом

¹ Л. Гаухман, Соисполнительство и пособничество при разбое, «Советская юстиция» 1973 г. № 2, стр. 18—19.

² «Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г.», стр. 234.

ссылка на ст. 17 УК РСФСР необходима и в случаях соисполнительства, так как женщина не может быть по закону субъектом изнасилования¹.

Позднее Л. А. Андреева изменила свою позицию и стала придерживаться нашей точки зрения.

Высказанное Л. А. Андреевой положение находило подтверждение в отдельных материалах судебной практики. Так, Московским городским судом были осуждены за групповое изнасилование Г., У., А., Т и Н., а за соучастие в групповом изнасиловании—девушки П. и Л. По делу было установлено, что П. и Л. дважды обманным путем приводили на веранду детского сада знакомых девушек, где ожидавшие по предварительному сговору остальные преступники—мужчины насильствовали потерпевших. При этом П. и Л. раздевали и избивали потерпевших. В данном случае они являлись соисполнителями группового изнасилования, так как физически воздействовали на потерпевших в момент совершения преступления и преодолевали их сопротивление.

Нам представляется более правильным квалифицировать действия женщин-соисполнителей изнасилования как участие в групповом изнасиловании, т. е. по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР без применения ст. 17 УК РСФСР. Такой вывод вытекает из сделанной выше юридической оценки действия соисполнителя и основывается на указании Пленума Верховного Суда СССР о том, что как групповое изнасилование должны квалифицироваться «не только действия лиц, совершивших насильственный половой акт, но и действия лиц, содействовавших им путем применения насилия к потерпевшей»². С точки зрения юридической оценки, нет никакой разницы между действиями мужчины, физически принуждавшего потерпевшую к совершению полового акта с другим лицом, и аналогичными действиями женщины. В подобных случаях имеет место соисполнительство с разделением ролей, когда состав преступления выполняется совокупными действиями двух или нескольких лиц. Такого же мнения придерживается Трайтлер в

¹ Л. А. Андреева, указ. канд. дисс., стр. 213.

² «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1970 гг.», стр. 456.

работе «Нормы уголовного кодекса о преступлениях против половой морали»¹.

Приведенное выше указание Пленума Верховного Суда СССР о квалификации подобных случаев не содержит указаний о каких-либо исключениях и относится поэтому также и к женщинам — соисполнительницам изнасилования.

Следует иметь в виду, что подобное решение вопроса о квалификации действий соисполнителей по преступлениям со специальным субъектом возможно лишь в тех случаях, когда закон, устанавливающий ответственность за преступление со специальным субъектом, специально предусматривает состав группового совершения этого преступления.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. получил разрешение и практически важный вопрос о квалификации действий организатора группового изнасилования в случаях, когда остальные участники этого преступления в силу возраста (не достигшие 14 лет) не подлежат уголовной ответственности. Пленум Верховного Суда СССР правильно считает, что организатор должен нести ответственность за групповое изнасилование. Представляется, что в данном случае неприменимы общие положения о соучастии. Не случайно законодатель употребляет термин «изнасилование, совершенное группой лиц», тогда как в других случаях говорит о преступлениях, совершенных «по предварительному сговору группой лиц» (ст. ст. 89, 90, 91, 92, 93, 114, 145, 146, 147 УК РСФСР).

Основанием повышения ответственности за групповое изнасилование является не наличие соучастия в преступлении, а обстоятельства объективной стороны преступления, потому что нападение на женщину и изнасилование ее несколькими лицами всегда представляет объективно большую общественную опасность, чем изнасилование, совершенное одним лицом, так как в этих случаях потерпевшей причиняется больший моральный и физический ущерб, а также более интенсивно подавляется ее сопротивление.

¹ «Обзор венгерского права» 1964 г. № 1, стр. 18.

В тех случаях, когда отдельные участники изнасилования не являются субъектами преступления (невменяемые, не достигшие установленного возраста) и не могут нести уголовную ответственность, объективная общественная опасность совершенного группового изнасилования не уменьшается.

Фактическое применение насилия со стороны нескольких человек всегда представляет большую опасность; наконец, при групповом изнасиловании причиняется больший ущерб женщине.

Организатор такого изнасилования, в котором участвуют лица, не достигшие 14-летнего возраста, сознает, что он использует силы нескольких человек для совершения изнасилования, желает этого, так как таким путем облегчается совершение преступления, и понимает, что организованные им преступные действия представляют повышенную общественную опасность.

Таким образом, в соответствии со ст. 3 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик в подобном случае имеется основание (объективные и субъективные признаки) для привлечения виновного к ответственности по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР как за групповое изнасилование. Остальные участники группы, не являющиеся субъектами преступления, в этом случае уголовной ответственности нести не будут.

Однако организатор группового изнасилования, сам не принявший участия в совершении преступления, т. е. не являющийся соисполнителем, должен привлекаться к ответственности по ст. 17 и ч. 3 ст. 117 УК РСФСР¹.

Нельзя согласиться с мнением о том, что в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. организатор изнасилования, даже не являющийся исполнителем, должен нести ответственность по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР без ссылок на ст. 17 УК².

Постановление Пленума решает совсем другой вопрос о квалификации действий организатора группового

¹ См. «Курс советского уголовного права», т. II, стр. 471.

² А. В. Ушаков, Основания и пределы ответственности соучастников преступления по советскому уголовному праву, М., 1971, канд. дисс., стр. 58.

изнасилования, когда остальные участники группы не являются субъектами уголовной ответственности, и подчеркивает принципиально важное положение, что при таких условиях изнасилование должно признаваться групповым.

Соучастник же изнасилования, в том числе и организатор, не являющийся соисполнителем, всегда должен привлекаться к ответственности со ссылкой на ст. 17 УК РСФСР.

Однако при определении ему наказания суд должен учесть его роль и степень участия в преступлении и может соучастнику-организатору назначить более строгое наказание, чем исполнителю.

Изнасилование следует признавать совершенным группой не только в случаях, когда два или несколько человек применяют физическое или психическое насилие к одной потерпевшей, но и тогда, когда несколько человек одновременно нападают на несколько потерпевших и совместно применяют физическое насилие или угрозы, хотя в дальнейшем каждый из участников группы совершает половой акт только с одной потерпевшей.

В этих случаях преступники действуют совместно и согласованно, объединяя свои усилия, что повышает интенсивность физического и психического насилия, применяемого к потерпевшим.

Потерпевшие также сознают, что на них совершается посягательство группой лиц. Следовательно, общественная опасность такого деяния выше, чем одиночного изнасилования.

Правильно были осуждены за групповое изнасилование С. и К., которые, решив изнасиловать двух девушек Ч. и Б., завели их в глубь ботанического сада, где С. потребовал, чтобы девушки вступили с ними в половую связь. Когда потерпевшие отказались, он стал угрожать им скальпелем, требуя, чтобы они не сопротивлялись. В это время К. сбил с ног Ч., однако она быстро встала и попыталась бежать, но он догнал ее, ударил скальпелем в бок, причинив телесное повреждение с кратковременным расстройством здоровья, а затем, угрожая скальпелем, заставил Ч. раздеться и изнасиловал ее. С., также угрожая скальпелем Б., избил ее, но изнасиловать не смог, так как на крик потерпевшей прибежали посторонние люди.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении по этому делу от 3 декабря 1966 г., отметив, что виновные совместно применяли психическое насилие к обеим потерпевшим, угрожая им убийством, и что потерпевшие восприняли эти угрозы как обращенные к ним обеим, указал: «По смыслу закона групповым изнасилование признается не только в том случае, когда подвергается изнасилованию несколькими лицами одна потерпевшая, но и в тех случаях, когда виновные лица, действуя согласованно, по предварительному сговору совершают изнасилование нескольких потерпевших. При этом не имеет значения то обстоятельство, что каждый из преступников совершает насильственный половой акт лишь с одной потерпевшей, как это было заранее условлено между С. и К.»¹.

Таким образом, одиночное изнасилование отличается от группового тем, что в первом случае виновный действует один и при применении насилия, и при совершении полового акта. При групповом же изнасиловании два или несколько человек оказывают согласованное физическое или психическое воздействие на одну или несколько потерпевших, при этом не имеет значения, кто и с кем совершает половые акты.

Так, по делу М. и С., осужденных за групповое изнасилование, Верховным Судом Латвийской ССР было установлено, что они вместе применяли насилие, а затем совершили половые акты с потерпевшей по очереди, причем один из участников выходил из помещения во время совершения полового акта другим.

Наличие предварительного сговора для группового изнасилования не является обязательным, однако его следует учитывать при определении характера совершаемых преступных действий, их согласованности и направленности умысла виновных.

При изнасиловании возможны случаи, когда преступники не совершают вместе одновременно нападение на потерпевшую, а применяют насилие последовательно один за другим. Если при этом виновные действовали согласованно, по предварительному сговору, преступление следует рассматривать как групповое изнасилова-

¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1967 г. № 2, стр. 39.

ние. Так, приговором Курганского областного суда были осуждены М., К. и Г. Виновные, договорившись о совместном изнасиловании гр-ки Д., стали ожидать ее возвращения из клуба. При появлении Д. М. подошел к потерпевшей, завел с ней разговор, а затем повалил ее и изнасиловал. После этого М. подал условный сигнал, на который сразу же явился К. и также изнасиловал Д. Затем подошел Г. и пытался совершить половой акт с Д., но потерпевшей удалось вырваться и убежать. М. и К. были осуждены по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР, а Г. — по ст. 15 и ч. 3 ст. 117 УК РСФСР. Верховным Судом РСФСР приговор был оставлен в силе. В данном случае суд, правильно оценив преступление как групповое изнасилование (поскольку все преступники действовали согласованно в отношении потерпевшей), необоснованно квалифицировал действия Г. как покушение на изнасилование, так как совершение полового акта каждым из участников не является обязательным элементом состава.

Не может признаваться групповым изнасилование одной женщины разными лицами, действовавшими независимо друг от друга. Например, М., провожая с танцев домой К., завел ее на пустырь и изнасиловал. Во время изнасилования К. заметила проходивших людей и закричала о помощи. М. убежал, а проходившие мимо Сул-в и Сар-в подошли к К., и последняя попросила их отвезти ее домой, назвав адрес. Вместо этого Сул-в и Сар-в отвели К. в сторону и по очереди изнасиловали¹. В данном случае изнасилования, совершенные М., а также Сул-вым и Сар-вым, должны рассматриваться как самостоятельные преступления. М. же не является участником группового изнасилования.

Отсутствие совместного воздействия на потерпевшую и предварительного сговора дает основания не признавать группой несколько лиц, совершивших изнасилование одной потерпевшей.

В практике возникает вопрос об оценке случаев изнасилования одной женщины несколькими лицами, действовавшими независимо друг от друга, но осведомлен-

¹ «Следственная практика, вып. 28», «Юридическая литература», 1956, стр. 96—103.

ными о всем происходящем. Трайтлер рассматривает такие случаи как групповое изнасилование¹.

С таким мнением можно согласиться применительно к случаям, когда участники изнасилования самим фактом своего присутствия оказывают определенное психическое воздействие на потерпевшую и она осознает это обстоятельство. Однако, если виновные не действовали в подобной ситуации совместно и потерпевшая осознавала, что подвергается насилию со стороны только одного лица, совершенное деяние нельзя рассматривать как групповое изнасилование.

Так, вызывает сомнение обоснованность квалификации Иркутским областным судом по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР действий А., М., П. и Г., которые, познакомившись в магазине с М., предложили ей поехать за город на машине. Приехав в лес и распив водку, обвиняемые по очереди входили в машину и пытались вступить в половую связь с М., но ввиду ее сопротивления не смогли этого сделать. Действовавший последним Б. совершил с М. насильственный половой акт, так как она обессилела и не могла оказывать активного сопротивления.

В данном случае, поскольку обвиняемые не угрожали потерпевшей и не действовали совместно (в момент, когда один из участников входил в машину, остальные уходили в лес), нет достаточных оснований рассматривать все совершенное как групповое изнасилование. Обвиняемые не применяли грубого насилия и объяснили, что пытались добиться согласия М. на вступление в половую связь. Предварительный сговор на совершение изнасилования между ними не установлен. Поэтому действия П. следовало бы квалифицировать как простое изнасилование (ч. 1 ст. 117 УК РСФСР), а действия остальных участников — как покушение на изнасилование.

Пособничество изнасилованию заключается в оказании содействия исполнителю преступления предоставлением средств насилия (например, оружия), устранением препятствий (отвлечение посторонних лиц), созданием условий для совершения преступления (заманивание потерпевшей в определенное место, предоставление квартиры для совершения изнасилования) и т. д.

¹ Трайтлер, указ. работа, стр. 19.

Однако как соучастие в изнасиловании в форме пособничества могут рассматриваться лишь те случаи оказания содействия насильнику в совершении преступления, которые не связаны с физическим или психическим воздействием на потерпевшую.

Пособничеством будет применение насилия не к потерпевшей, а к другим лицам, чтобы помешать им предотвратить изнасилование¹.

Наличие предварительного сговора еще не превращает соучастие в изнасиловании в групповое изнасилование. По делу М. и других было установлено, что он, находясь в половой связи с Ш., обещал своим друзьям Г. и Р., работавшему сторожем административного здания, привести в это здание девушку, с которой они все трое вступят в половое сношение. В установленный день М. привел Ш. и по добровольному согласию вступил с ней в половую связь. После этого в комнату вошел Г., представился дружинником, отпустил М., а сам под угрозой доставить в милицию или привести в бессознательное состояние добился вступления с Ш. в половое сношение.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 25 июля 1972 г. указала, что «действия М., организовавшего совершение преступления, и Р., создавшего условия для совершения преступления Г., являются соучастием и подлежат квалификации по ст. 17 и ч. 1 ст. 109 УК Азербайджанской ССР»².

В данном случае имеет место соучастие в изнасиловании по предварительному сговору, однако, поскольку виновные не воздействовали совместно на потерпевшую (Г. изнасиловал Ш. наедине), их действия не образуют состав группового изнасилования.

Соучастие в форме подстрекательства или пособничества в совершении изнасилования одним лицом должно квалифицироваться по ст. 17 и ч. 1 ст. 117 УК РСФСР.

Соучастие в изнасиловании, совершенном группой

¹ См. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1972 г. № 8, стр. 8.

² «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1972 г. № 6, стр. 32.

лиц при условии, что соучастник осознавал групповой характер преступления, должно квалифицироваться по ст. 17 и ч. 3 ст. 117 УК РСФСР.

Так, Московским областным судом осужден по ст. 17 и ч. 3 ст. 117 УК РСФСР Я., который оказал пособничество в групповом изнасиловании П. Я. в момент изнасилования находился возле забора и наблюдал за появлением граждан с целью предупредить об этом остальных преступников.

В тех случаях, когда соучастие имело место в покушении на изнасилование, представляется, что наиболее точным будет квалифицировать действия соучастника по ст.ст. 17, 15 и 117 (соответствующей части в зависимости от обстоятельств дела) УК РСФСР. Такая квалификация правильно отражает юридическую картину совершенного преступления. Рассматривать же действия соучастника как одну из форм приготовления вряд ли возможно, так как фактически имело место покушение на преступление. Кроме того, применение ст. 17 показывает объективный характер действий виновника (соучастие), который сам непосредственно участия в покушении не принимал.

Так, правильно был осужден по ст.ст. 17, 15 и ч. 3 ст. 117 УК РСФСР Московским областным судом Ю., который оказал пособничество Н. и П. в покушении на изнасилование К. Встретив К. на лесной дороге, по которой она шла с восьмилетним мальчиком, Н. и П. напали на нее с целью изнасилования. Ю. в это время не пускал мальчика в сторону дачных домов и тем самым лишал его возможности позвать на помощь. Изнасилование было предотвращено гражданами.

При привлечении к ответственности за соучастие в изнасиловании необходимо обязательно установить, во-первых, что соучастник умышленно оказывал содействие в совершении изнасилования и, во-вторых, его действия были причинно связаны с совершением данного преступления.

Так, в определении Судебной коллегии Верховного Суда СССР от 19 марта 1963 г. по делу А. и Д. говорится: «Неправильно суд усмотрел признаки соучастия в том, что Д. предоставил свою квартиру А. для изнасилования Т. Из материалов дела усматривается, что Д., А., Г-ая и Т. случайно встретились на улице 1 Мая

и в дом Д. пришли с целью отметить праздник и день рождения Г-ой».

Московским областным судом был оправдан по ч. 3 ст. 117 С., который вместе со своим братом и К. совершил нападение на гр-на Б. и участвовал в его избиении. К., воспользовавшись этим, затащил жену Б. в овраг и совместно с братом С. изнасиловал. С. от участия в изнасиловании отказался и только наблюдал за происходящим.

Квалификация действий соучастника в изнасиловании должна основываться на характере совершенного преступления при условии, что фактические обстоятельства, имеющие значение для квалификации, охватывались сознанием соучастника. Так, если пособник сознает, что оказывает помощь в совершении группового изнасилования или в изнасиловании несовершеннолетней, он должен привлекаться к ответственности по ст. 17 и ч. 3 ст. 117 УК РСФСР. Однако если соучастник, предоставивший, например, квартиру для совершения изнасилования, не знал, что была изнасилована несовершеннолетняя, он должен отвечать по ст. 17 и ч. 1 ст. 117 УК РСФСР. Также квалифицируются и действия соучастника, который во время совершения изнасилования «стоял на страже» и не знал, что исполнитель угрожал потерпевшей убийством. В этом случае действия исполнителя квалифицируются по ч. 2 ст. 117 УК РСФСР.

На практике возникает также вопрос, как квалифицировать соучастие в повторном изнасиловании или в изнасиловании, совершенном особо опасным рецидивистом, при условии, что соучастнику было известно об этих обстоятельствах, характеризующих личность исполнителя. Рассматривая этот вопрос в общетеоретическом плане, А. А. Пионтковский совершенно правильно отмечал: «В тех случаях, когда обстоятельства, относящиеся к личности исполнителя, все же характеризуют большую или меньшую степень социальной опасности совершенного им преступления, они подлежат вменению в уголовную ответственность и остальным соучастникам, поскольку они охватывались их предвидением. Те же личные обстоятельства, которые характеризуют лишь исключительно повышенную степень социальной опасности данного конкретного пре-

ступника (рецидив, повторность и т. п.), не могут быть вменены в уголовную ответственность остальным соучастникам»¹.

Совершение преступления повторно (или особо опасным рецидивистом) свидетельствует о повышенной опасности личности преступника, поэтому соучастие в повторном изнасиловании или изнасиловании, совершенном особо опасным рецидивистом, должно квалифицироваться в зависимости от объективных признаков преступления, которые осознавались соучастником.

Так, если изнасилование было совершено особо опасным рецидивистом без отягчающих обстоятельств, соучастник должен отвечать за соучастие в простом изнасиловании (ст. 17 и ч. 1 ст. 117 УК РСФСР), несмотря на то, что исполнитель несет ответственность по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР.

Соучастие в изнасиловании несовершеннолетней или повлекшем особо тяжкие последствия при установлении вины соучастника (знал, что насилуется несовершеннолетняя, мог предвидеть, что изнасилование повлечет особо тяжкие последствия) дает основание квалифицировать его действия по ст. 17 и ч. 3 ст. 117 УК РСФСР.

§ 4. Изнасилование, совершенное особо опасным рецидивистом

В советском уголовном праве различаются общий и специальный рецидивы. Общий рецидив выражается в совершении ранее судимым лицом нового неоднородного преступления (например, кража и изнасилование).

Специальный рецидив характеризуется совершением лицом, имеющим судимость за какое-либо преступление, нового, такого же или однородного, преступления; например, лицо, судимое за изнасилование, вновь совершает это преступление².

¹ «Курс советского уголовного права», т. 2, стр. 482.

² См. А. М. Яковлев, Борьба с рецидивной преступностью, М., 1964, стр. 70; Т. М. Кафаров, Проблемы рецидива в советском уголовном праве, Баку, 1972, стр. 52.

Советское уголовное законодательство в целях более решительной и эффективной борьбы с наиболее опасной рецидивной преступностью устанавливает понятие «особо опасный рецидивист».

Особо опасными рецидивистами признаются опасные преступники, ранее судимые за тяжкие или представляющие значительную общественную опасность преступления и вновь совершившие серьезные умышленные преступления. Определение круга лиц, которые могут быть признаны особо опасными рецидивистами, дается в ст. 24¹ УК РСФСР и соответствующих статьях УК других союзных республик.

Лица, признанные судом особо опасными рецидивистами, могут осуждаться к лишению свободы на срок до 15 лет и отбывают наказание в исправительно-трудовых колониях особого режима. Совершение отдельных тяжких преступлений лицом, признанным особо опасным рецидивистом, рассматривается советским уголовным законодательством в качестве квалифицирующего соответствующий состав преступления обстоятельства. Так, совершение изнасилования особо опасным рецидивистом предусмотрено в качестве особо отягчающего изнасилование обстоятельства (ч. 3 ст. 117 УК РСФСР). В соответствии с законом по этому признаку может быть квалифицировано изнасилование, совершенное лицом, ранее признанным судом особо опасным рецидивистом.

Совершение изнасилований лицами, признанными особо опасными рецидивистами, встречается относительно редко. Так, по данным А. А. Герцензона, из 100 изученных дел об изнасиловании только в одном случае имело место совершение преступления особо опасным рецидивистом¹. При изучении уголовных дел об изнасиловании нам встретилось три случая совершения преступления особо опасным рецидивистом. По данным криминологического исследования, проведенного Всесоюзным институтом по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, совершение изнасилования особо опасными рецидивистами составляет 0,4% из 1000 осужденных в 15 областях РСФСР в 1966 году.

¹ А. А. Герцензон, Уголовное право и социология, стр. 81.

Незначительное число случаев совершения изнасилования особо опасными рецидивистами объясняется не только относительно небольшим числом таких лиц, но и в определенной степени тем, что большинство из них, отбывая длительные сроки наказания в исправительно-трудовых учреждениях, фактически лишены возможности совершить такое преступление.

Однако изученные нами дела об изнасилованиях, совершенных особо опасными рецидивистами, свидетельствуют о том, что преступление в этих случаях носит тяжкий характер, а виновные характеризуются особой жестокостью, бессердечием и аморальной направленностью личности.

Так, признанный особо опасным рецидивистом М. был судим за соучастие в убийстве, за умышленное убийство своей четырехмесячной дочери, после освобождения из мест заключения вел аморальный образ жизни, систематически пьянствовал и, наконец, изнасиловал свою мать.

Ленинградский городской суд признал особо опасным рецидивистом В., ранее судимого за умышленное убийство и кражу, который вновь совершил умышленное убийство, умышленное причинение тяжких телесных повреждений и покушение на изнасилование.

Представляет интерес рассмотрение условий, при которых лицо, совершившее изнасилование, может быть признано особо опасным рецидивистом¹.

В соответствии с законом (ст. 24¹ УК РСФСР) преступник, совершивший изнасилование, может быть признан судом особо опасным рецидивистом в четырех случаях.

1. Когда лицо, ранее осуждавшееся к лишению свободы за особо опасное государственное преступление, бандитизм, разбой с целью завладения государственным, общественным или личным имуществом граждан при отягчающих обстоятельствах, умышленное убийство, предусмотренное ст. ст. 102 и 103 УК РСФСР, изнасило-

¹ По данным Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, были признаны особо опасными рецидивистами 15% лиц, совершивших последним преступлением изнасилование, из общего числа 226 расследованных дел с рецидивистами.

вание при особо отягчающих обстоятельствах, посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника в связи с их служебной или общественной деятельностью по охране общественного порядка, вновь совершит какое-либо из перечисленных преступлений, например, изнасилование, за которое оно осуждается к лишению свободы на срок не менее пяти лет.

2. Когда лицо, ранее два раза в любой последовательности осуждавшееся к лишению свободы за такие опасные преступления, как, например, бандитизм, хищение государственного или общественного имущества при отягчающих обстоятельствах, разбой с целью завладения государственным, общественным или личным имуществом граждан, умышленное убийство (ст.ст. 102 и 103 УК РСФСР), умышленное тяжкое телесное повреждение, изнасилование, кража, грабеж или мошенничество при отягчающих обстоятельствах, посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника в связи с их служебной или общественной деятельностью по охране общественного порядка, особо злостное хулиганство (ч. 3 ст. 206 УК РСФСР), хищение огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ при отягчающих обстоятельствах, изготовление, приобретение или хранение наркотических веществ с целью сбыта, а равно сбыт таких веществ, вновь совершит какое-либо из перечисленных преступлений, например, изнасилование, за которое оно осуждается к лишению свободы на срок свыше трех лет.

3. Когда лицо, ранее три раза или более в любой последовательности осуждавшееся к лишению свободы за злостное хулиганство или за преступления, перечисленные в п. 2 ч. 1 ст. 24¹ УК РСФСР, вновь совершит злостное хулиганство или какое-либо из преступлений, перечисленных в п. 2 ч. 1 ст. 24¹ УК, например изнасилование, за которое оно осуждается к лишению свободы.

4. Когда лицо, отбывающее наказание за любое из названных преступлений, вновь совершит изнасилование, за которое осуждается к лишению свободы на срок не ниже пяти лет.

При специальном рецидиве субъект признается особо опасным рецидивистом уже за второй случай изнасилования, если в первый раз он осужден за изнасилование при особо отягчающих обстоятельствах (изнасилование

несовершеннолетней или повлекшее особо тяжкие последствия или изнасилование группой и вновь совершил преступление при особо отягчающих обстоятельствах.

Если же субъект, судимый за изнасилование без отягчающих обстоятельств, продолжает совершать это преступление, он может быть признан особо опасным рецидивистом при наличии двух судимостей и совершении изнасилования в третий раз.

При признании лица особо опасным рецидивистом учитываются также судимости за покушения на соответствующие преступления и за соучастие в них.

Не учитываются только судимости за преступления, совершенные лицом в возрасте до 18 лет, а также судимости, снятые или погашенные в установленном законом порядке.

Однако наличие указанных условий не означает автоматического признания лица особо опасным рецидивистом.

Как правильно отмечал А. М. Яковлев, признание преступника особо опасным рецидивистом носит факультативный характер¹. Это означает, что суд при наличии указанных в законе условий обязан рассмотреть вопрос о признании лица особо опасным рецидивистом, но может и не признать его таковым с учетом его личности, степени общественной опасности совершенных преступлений и их мотивов, степени осуществления преступных намерений, степени и характера участия в совершении преступлений и других обстоятельств дела.

Согласно закону признание лица особо опасным рецидивистом отменяется при снятии с него судимости.

Лицо, признанное судом особо опасным рецидивистом, в случае совершения любого изнасилования до снятия с него судимости несет ответственность по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР.

Таким образом, практически ч. 3 ст. 117 УК РСФСР применяется по признаку совершения изнасилования особо опасным рецидивистом в трех ситуациях: 1) когда особо опасный рецидивист совершает изнасилование во время отбывания наказания; 2) когда особо опасный рецидивист совершает побег и, находясь на свободе, совершает изнасилование; 3) когда особо опасный рецидивист

¹ А. М. Яковлев, Борьба с рецидивной преступностью, стр. 123.

совершает изнасилование после освобождения из места заключения, но до снятия с него судимости за преступления, в связи с которыми он был признан особо опасным рецидивистом.

Анализ судебной практики показывает, что лица, признанные особо опасными рецидивистами в связи с совершением изнасилования, совершали чаще всего тяжкие преступления против личности: умышленные убийства, причинение телесных повреждений, а также кражи, грабежи, разбои и злостное хулиганство.

Осуществляя борьбу с особо опасным рецидивом, необходимо большое внимание обращать на случаи специального рецидива, т. е. на неоднократное совершение изнасилований лицом, уже судимым за эти преступления, так как такое преступное поведение свидетельствует не только о моральном разложении и половой распущенности, но и выработке у лица стойких навыков насильственного удовлетворения своих потребностей.

§ 5. Изнасилование, повлекшее особо тяжкие последствия

Действующим общесоюзным законодательством в качестве одного из особо отягчающих ответственность за изнасилование обстоятельств предусматривается наступление особо тяжких последствий.

По изученным нами делам в 7,2% всех случаев изнасилования имели место особо тяжкие последствия, что составляет 12% от преступлений, квалифицированных по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР; по данным А. А. Герцензона, наступление особо тяжких последствий зафиксировано в 11% таких случаев изнасилования¹.

Поскольку закон не указал точно, какие именно последствия могут признаваться особо тяжкими, установление их в каждом конкретном случае относится к компетенции следственных и судебных органов. Хотя по смыслу закона суд должен определить наличие особо тяжких последствий изнасилования, исходя из конкрет-

¹ А. А. Герцензон, указ. работа, стр. 80.

ных обстоятельств дела, тем не менее требуется одинаковый подход к оценке особо отягчающих ответственность обстоятельств.

Между тем до сих пор ни в юридической литературе, ни в судебной практике нет единства в определении понятия особо тяжких последствий изнасилования. Применение общесоюзного закона должно быть единообразным на всей территории Советского Союза. Кроме того, представляется недопустимым произвольное толкование таких отягчающих ответственность признаков, установление которых дает право применить исключительную меру наказания — смертную казнь.

Поэтому чрезвычайно важным является разработка научно обоснованных критериев, которые могут быть положены в основу определения понятия особо тяжких последствий изнасилования. В советской юридической литературе круг обстоятельств, относящихся к категории особо тяжких последствий изнасилования, определяется по-разному. Так, Л. А. Андреева к особо тяжким последствиям относил только смерть потерпевшей или причинение ей тяжких телесных повреждений¹.

Однако позднее она пересмотрела свою позицию и включила в число особо тяжких последствий смерть потерпевшей, тяжкие телесные повреждения, повлекшие за собой причинение серьезного вреда здоровью человека, заражение венерической болезнью и беременность потерпевшей в случаях, когда она вынуждена ее прервать в силу заболевания или возраста².

М. Д. Шаргородский признает особо тяжкими последствиями изнасилования «смерть, тяжкие телесные повреждения, душевное заболевание, заражение венерической болезнью или самоубийство потерпевшей»³.

Авторы Научно-практического комментария УК РСФСР (отв. ред. проф. Б. С. Никифоров) считают особо тяжкими последствиями изнасилования «самоубийство потерпевшей, заражение венерической болезнью,

¹ Л. А. Андреева, цит. автореферат, стр. 10.

² Л. А. Андреева, Г. А. Густов, В. Г. Степанов, А. П. Филиппов, Расследование изнасилований (учебное пособие), стр. 20—24.

³ Уголовный кодекс РСФСР.

серьезное расстройство здоровья, душевную болезнь и т. д.»¹.

Б. А. Блиндер относит к особо тяжким последствиям изнасилования смерть, тяжкие телесные повреждения, психическое заболевание, прерывание беременности и заражение венерической болезнью потерпевшей².

А. А. Пионтковский особо тяжкими последствиями изнасилования считал наступление смерти потерпевшей, душевное заболевание, самоубийство, тяжкое телесное повреждение, заражение венерической болезнью и т. д.³.

Таким образом, А. А. Пионтковский, видимо, полагал, что указанный перечень можно еще более расширить. Далее он пишет, что не всякое тяжкое телесное повреждение можно относить к особо тяжким последствиям изнасилования, ссылаясь на судебную практику Верховного Суда СССР⁴.

Таким образом, все авторы признают особо тяжкими последствиями изнасилования смерть потерпевшей, в том числе и в результате самоубийства, и нанесение ей тяжких телесных повреждений. Некоторые криминалисты считают особо тяжким последствием также заражение потерпевшей венерической болезнью. Выделение отдельными авторами душевного заболевания в особый вид последствия не имеет смысла, так как душевная болезнь является разновидностью тяжкого телесного повреждения.

Учитывая серьезные трудности в определении особо тяжких последствий изнасилования, возникшие в судебной практике, Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 25 марта 1964 г. разъяснил, что «особо тяжкими последствиями, дающими основание квалифицировать действия виновного по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик, судом могут быть признаны, например, смерть или самоубийство потерпевшей, либо расстройство душевной деятельности, последовавшие в результате изнаси-

¹ «Комментарий УК РСФСР», «Юридическая литература», 1963, стр. 279.

² Б. А. Блиндер, цит. автореферат канд. дисс., стр. 15.

³ «Курс советского уголовного права», т. V, стр. 159.

⁴ Там же, стр. 160.

лования, а также причинение ей телесных повреждений в процессе изнасилования или покушения на него, повлекшее потерю зрения, слуха, прерывание беременности или иные последствия, предусмотренные ст. 108 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик»¹.

Содержащийся в постановлении Пленума Верховного Суда СССР перечень последствий, которые могут считаться особо тяжкими, является примерным, а не исчерпывающим. Этот вывод основывается прежде всего на формулировке постановления Пленума Верховного Суда СССР.

Кроме того, поскольку законодатель указал лишь на общий признак «особо тяжкие последствия», отнеся, таким образом, решение вопроса о квалификации в каждом конкретном случае к компетенции судебной практики, Пленум Верховного Суда СССР не имел права давать исчерпывающий перечень особо тяжких последствий, так как это явилось бы уточнением и исправлением законодательства.

Несмотря на кажущуюся конкретность и подробность, разъяснение Пленума Верховного Суда СССР не устранило всех сомнений в оценке особо тяжких последствий изнасилования и не внесло полной ясности в определение этого понятия.

Прежде всего недостаток этого разъяснения заключается в отсутствии указания на общие критерии, которым должно соответствовать последствие, признаваемое особо тяжким. Кроме того, постановление содержит юридическую неточность: не включает в число особо тяжких последствий причинение потерпевшей тяжкого телесного повреждения, опасного для жизни.

Толкование уголовного закона позволяет сделать вывод, что под особо тяжким последствием изнасилования следует понимать причинение потерпевшей тяжкого, серьезного вреда, более опасного, чем угроза смертью, так как угроза смертью или тяжким телесным повреждением квалифицируется по ч. 2 ст. 117 УК РСФСР и УК Армянской ССР, а по УК других союзных республик — по ч. 1 соответствующих статей.

¹ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1970 гг.», стр. 455—456.

В основу определения особо тяжких последствий, по нашему мнению, можно положить два обстоятельства: 1) последствия, причиняющие исключительно серьезный вред (особо тяжкие); 2) причиненный вред подлежит точной фиксации (конкретно определяемый и измеряемый).

Особо тяжкими последствиями следует считать последствия, причинно связанные с фактом изнасилования или покушения на него, причинившие тяжелый ущерб личности потерпевшей или другим лицам, в отношении которых имела вина преступника в форме умысла или неосторожности.

Причинение серьезного вреда не потерпевшей, а другим лицам может рассматриваться как особо тяжкое последствие изнасилования в тех случаях, когда этот вред был причинен непосредственно при изнасиловании. Например, субъект, напав на двух девушек, пытался изнасиловать одну из них. Поскольку обе вступили в борьбу с ним, преступник нанес одной удар по голове, причинив тяжкое телесное повреждение, а затем, сломив сопротивление второй, изнасиловал ее. В данном случае причинение тяжкого телесного повреждения, хотя и не самой потерпевшей, но непосредственно связанное с изнасилованием, должно рассматриваться как особо тяжкое последствие этого преступления.

Так как закон рассматривает наступление особо тяжких последствий изнасилования как обстоятельство, свидетельствующее об исключительной опасности совершенного преступления, допуская за такое деяние применение смертной казни, представляется нецелесообразным расширять круг последствий, которые могут признаваться особо тяжкими¹.

Таковыми последствиями следует считать смерть потерпевшей или причинение ей тяжких телесных повреждений. Ранее нами высказывалось мнение о необходимости отнесения к особо тяжким последствиям изнасилования случаев заражения венерическими заболеваниями. Полагаем, что изнасилование, сопряженное с заражением венерическим заболеванием, должно ква-

¹ См. А. Н. Игнатов, Ответственность за преступления против нравственности, «Юридическая литература», 1966, стр. 127.

лифицироваться по совокупности по соответствующим частям ст. 117 и ст. 115 УК РСФСР.

Причинение потерпевшей менее тяжких телесных повреждений или заражение ее венерической болезнью (действующим законодательством эти деяния расцениваются как равнозначные по степени общественной опасности) должно учитываться при назначении меры наказания за изнасилование.

Судебная практика не рассматривает как особо тяжкое последствие изнасилования причинение потерпевшей даже серьезного вреда, но не повлекшее тяжкого телесного повреждения.

Так, К. напав ночью на гр-ку О., зверски избил ее и неоднократно изнасиловал. Преступление продолжалось около четырех часов. В акте судебно-медицинского освидетельствования О. отмечалось следующее: «Все лицо отечно, представляет собой сплошные кровоподтеки, различные, сливающиеся друг с другом, красно-багрового цвета. Нос отечен, на переносье ссадины красного цвета. На лбу, справа на границе с волосистой частью, ссадина овальной формы со следами зубов в виде линейных ссадин. На голове, в теменных и затылочных областях, гематомы в виде тестоватых на ощупь образований. На шее справа и слева кровоподтеки багрового цвета размером 2×2 до 3×3 см. Слизистая твердого неба осаднена, ярко-красного цвета на всем протяжении. На передней поверхности грудной клетки и молочных железах ссадины красного цвета размером 4×2 см и три кровоподтека синего цвета размером 2×3 см». Также обнаружены были ссадины и кровоподтеки у потерпевшей на руках, ногах и спине. По заключению судебно-медицинской экспертизы, О. нанесены легкие телесные повреждения с расстройством здоровья. Кроме этого, судебно-медицинская экспертиза установила, что потерпевшая «после изнасилования обнаруживает невротические реакции, психогенно обусловленные (после перенесенной психической травмы)». Московский городской суд, отметив в приговоре, что преступление совершено с исключительной дерзостью и цинизмом и нанесло потерпевшей психическую травму, осудил К. по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР. Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР изменила приговор, указав, что «психическая травма, вызвавшая невротические реакции, не

относится к особо тяжким последствиям», и пере-
квалифицировало преступление К. с ч. 3 ст. 117 на ч. 2
ст. 117 УК РСФСР (в процессе преступления К. угро-
жал потерпевшей убийством).

Особо тяжким последствием изнасилования призна-
ется наступление смерти потерпевшей, причинно свя-
занной с фактом изнасилования.

Смерть потерпевшей может наступить в результате
умышленного или неосторожного убийства, самоубий-
ства, а также при попытке потерпевшей спастись от из-
насилования опасным для жизни способом.

Умышленное убийство при изнасиловании соверша-
ется чаще всего для преодоления сопротивлений потер-
певшей или для сокрытия совершенного изнасилования.

Встречаются случаи убийства и из садистских по-
буждений. Так, по изученным автором 60 делам об
убийстве, сопряженном с изнасилованием, в 73,3% слу-
чаев убийство совершалось в процессе преодоления соп-
ротивления потерпевшей до и в момент изнасилования,
в 25% случаев — с целью сокрытия уже совершенного
изнасилования и в 1,7% — из садистских побуждений.

Убийство при преодолении сопротивлений потерпевшей
обычно предшествует изнасилованию или совершается
во время изнасилования. Например, в г. Новосибирске
была убита и изнасилована М., студентка 4-го курса
Медицинского института. Убийцей оказался студент это-
го же института В., который ранее ухаживал за М., но
не добился взаимности. Однажды, проходя ночью мимо
дома, где жила М., и увидя в окне ее комнаты свет, В.
пришел к М. и, воспользовавшись отсутствием родных,
пытался изнасиловать ее. Встретив упорное сопротивле-
ние, В. задушил М. и затем изнасиловал.

Зверское убийство 12-летней девочки с целью сок-
рытия изнасилования совершил С. Встретив около леса
потерпевшую, С. напал на нее и изнасиловал, а затем
отпустил, потребовав, чтобы она никому не говорила о
происшедшем. Девочка ответила, что все равно расска-
жет. Тогда С. убил ее ударами топора по голове, за что
был осужден Пермским областным судом к смертной
казни.

Убийство из садистских побуждений может совер-
шаться в процессе изнасилования или взамен полового
акта.

Так, П. совершил ряд тяжких нападения на женщин с целью изнасилования и удовлетворения садистских побуждений. Он причинял потерпевшим различные повреждения, в одном случае приведшие к смерти потерпевшей. В показаниях, данных на предварительном следствии и суде, П. объяснил, что истязание жертвы и нанесение ей ранений вызвало у него половое возбуждение.

По заключению судебно-психиатрической экспертизы, П. психическим заболеванием не страдает, вменяем, склонен к половым извращениям в форме садизма, усиливающимся в состоянии опьянения.

Случай сильно выраженного стремления к причинению повреждений и смерти женщины, к которой имелось половое влечение, ярко описан Эмилем Золя в романе «Человек-зверь».

Рассматривая случаи убийства, сопряженного с изнасилованием, необходимо решить юридически важный вопрос о квалификации такого преступного деяния.

Совершение умышленного убийства в связи с изнасилованием является особо тяжким последствием этого преступления, но, поскольку состав изнасилования не охватывает умышленное убийство, деяние в соответствии с общими теоретическими принципами должно быть квалифицировано по совокупности по п. «е» ст. 102 и ч. 3 ст. 117 УК РСФСР.

Однако Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 3 июля 1963 г. «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике по делам об умышленном убийстве» указал, что «умышленное убийство, сопряженное с изнасилованием, подлежит квалификации по п. «е» ст. 102 УК РСФСР и по соответствующим статьям УК других союзных республик»¹. Таким образом, Пленум Верховного Суда СССР не требует в подобных случаях квалификации преступлений по совокупности.

С такой позицией нельзя согласиться. Умышленное убийство не охватывается составом изнасилования, но и само не может включать в себя изнасилование. В данном случае совершаются два различных (и по объек-

¹ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1970 гг.», стр. 450.

ту, и по направленности умысла, и по характеру действия) преступления.

Правильно считает В. Н. Кудрявцев, что «идеальная совокупность преступлений будет и в случае убийства, сопряженного с изнасилованием, так как половая неприкосновенность лица, не является условием его жизни»¹. Надо, однако отметить, что убийство и изнасилование могут образовать и реальную совокупность в случаях, когда убийство совершается с целью скрыть изнасилование.

Следует иметь в виду, что при квалификации умышленного убийства, сопряженного с изнасилованием, только по п. «е» ст. 102 УК РСФСР в случае неустановления в судебном заседании при кассационном или надзорном рассмотрении дела умысла на убийство и признания убийства неосторожным, совершенное изнасилование остается безнаказанным, поэтому требуется направление дела на предварительное расследование. В то же время при квалификации по совокупности отпадение обвинения по ст. 102 УК РСФСР не устраняет ответственности по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР и влечет изменение приговора без передачи дела на предварительное расследование.

Квалификация по совокупности изнасилования и убийства необходима для того, чтобы дать правильную и полную юридическую характеристику совершенных преступлений. И действительно, ст. 102 УК РСФСР предусматривает ответственность за убийство, сопряженное с изнасилованием, а не за убийство и изнасилование². При этом факт совершения убийства в связи с изнасилованием рассматривается как квалифицирующее состав убийства обстоятельство.

Неясность отмеченного указания Пленума Верховного Суда СССР привела к разнобою в судебной практике, так как многие суды решали этот вопрос иначе. Так, Л. и группа его товарищей решили изнасиловать 18-летнюю К., напали на нее, и в процессе применения насилия Л. задушил К. Убедившись, что потерпевшая мертва, прес-

¹ В. Н. Кудрявцев, Теоретические основы квалификации преступлений, Госюриздат, 1963, стр. 294.

² См. также С. В. Бородин, Квалификация убийств, Высшая школа МООП РСФСР, М., 1963, стр. 63—64.

тупники от совершения половых актов отказались, но учинили циничные действия сексуального характера над трупом. Приговором Ставропольского краевого суда от 17 июля 1970 г. Л. был осужден по ст. 15, ч. 3 ст. 117 и п. «е» ст. 102 УК РСФСР. Приговор был оставлен в силе Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 1 октября 1970 г.

В другом случае О. признали виновным в том, что он, напав на Ф., избил ее, изнасиловал, а затем с целью убийства посадил на кол, стянул шею петлей из чулка и прекратил свои действия, решив, что потерпевшая мертва.

О. был осужден 19 мая 1970 г. Челябинским областным судом по ч. 3 ст. 117 и ст. 15 п. «е» ст. 102 УК РСФСР. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР определением от 4 августа 1970 г. приговор оставила в силе.

Квалификация преступных деяний в приведенных случаях соответствует разработанным советской наукой уголовного права принципам квалификации и содержит четкую и полную характеристику совершенных преступлений¹.

Умышленное убийство может рассматриваться как особо тяжкое последствие изнасилования (в смысле ч. 3 ст. 117 УК РСФСР) только тогда, когда оно непосредственно связано с изнасилованием. В случае когда убийство совершено по прошествии определенного времени после изнасилования, например с целью не допустить сообщения потерпевшей органам власти о совершенном изнасиловании или с целью мести за уже сделанное такое сообщение, оно должно квалифицироваться по п. «е» ст. 102 УК РСФСР, а изнасилование — по соответствующей части ст. 117 УК РСФСР в зависимости от обстоятельств дела, но не по ч. 3 этой статьи².

¹ Разделяет наше мнение по этому вопросу Б. В. Даниэльбек, О квалификации убийства, сопряженного с изнасилованием, «Труды высшей следственной школы МВД СССР», Волгоград, 1972, стр. 135—136.

² Нашу позицию поддерживает Я. М. Яковлев, Спорные вопросы квалификации изнасилования, «Вопросы уголовного права, прокурорского надзора, криминалистики и криминологии», Душанбе, 1971, стр. 69; С. В. Бородин придерживается противоположного мнения. См. указ. работа, стр. 64.

В данном случае умышленное убийство, несомненно связано с изнасилованием, однако, поскольку изнасилование и убийство совершены в разное время и во время изнасилования преступник не имел намерения лишить потерпевшую жизни (умысел на убийство возник позднее), убийство нельзя рассматривать как последствие изнасилования.

Умышленное убийство, сопряженное с изнасилованием, может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом.

Так, за убийство, сопряженное с изнасилованием, совершенное с косвенным умыслом, был осужден Кемеровским областным судом П., который, решив изнасиловать трехлетнюю девочку, завел ее в лес, раздел и стал насиловать, зажимая ей рот рукой. Когда девочка потеряла сознание, П. перенёс ее дальше от места изнасилования, положил полуобнаженную на землю и скрылся. Девочка, не приходя в сознание, скончалась от переохлаждения организма.

Преступление П. было квалифицировано по ч. 3 ст. 117 и по п. «е» ст. 102 УК РСФСР. Приговор был оставлен в силе определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 15 октября 1970 г.

В тех случаях когда изнасилование сопровождается неосторожным убийством потерпевшей, совершенное преступление охватывается квалификацией по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР, и не требуется квалификации по совокупности. Причинение смерти в данном случае является обстоятельством, отягчающим ответственность за изнасилование, прямо предусмотренным законом (особо тяжкое последствие). Следует иметь в виду, что неосторожное убийство (ст. 106 УК) расценивается законом как преступление менее тяжкое, чем изнасилование. Таким образом, неосторожное убийство при изнасиловании должно рассматриваться как составная часть квалифицированного состава изнасилования (ч. 3 ст. 117 УК) также, как это имеет место и в ряде других сложных составов: например, измена Родине в форме бегства за границу (ст. 64 УК РСФСР) включает незаконный выезд из СССР (ст. 83 УК); бандитизм (ст. 77 УК) — незаконное ношение оружия (ст. 218 УК), а также совершение хищений, разбоев и преступлений против личности.

Квалификация изнасилования, повлекшего причинение смерти по неосторожности, по совокупности (ст. 117 и ст. 106 УК) не имеет ни практического смысла, ни теоретических оснований. Поэтому нельзя согласиться с мнением Н. И. Загородникова, который признает необходимость в подобных случаях квалифицировать преступление по совокупности, хотя и не аргументирует свое мнение. Он пишет: «Не исключается возможность неосторожного причинения смерти при изнасиловании. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, рассмотрев 18 января 1958 г. дело К., действия которого судом первой инстанции были квалифицированы по совокупности как изнасилование и неосторожное убийство, нашла такую квалификацию правильной. «Во время изнасилования, — указывается в определении по этому делу, — К. в отношении потерпевшей Л., имевшей искривление позвоночника (горб), крайне неправильное телосложение и слабое физическое развитие, допускал неосторожные действия, вследствие чего от механической асфиксии наступила смерть последней. Из заключения судебно-медицинского эксперта, данного в суде, видно, что смерть Л. наступила не от употребления алкоголя, как утверждает К., а от механической асфиксии, которая могла произойти во время полового акта при прижатии Л. к полу или вследствие закрытия ее дыхательных путей туловищем совершавшего половой акт». Квалификация этих действий К. как изнасилования и неосторожного убийства, с нашей точки зрения, является правильной¹.

Представляется, что квалификация изнасилования и неосторожного убийства по совокупности носит искусственный характер².

Смерть потерпевшей в качестве особо тяжкого последствия при изнасиловании может явиться и результатом не убийства, а следствием иных обстоятельств, причинно связанных с изнасилованием. Например, по

¹ Н. И. Загородников, Преступления против жизни, Госюриздат, 1961, стр. 137—138. См. также А. С. Никифоров, Совокупность преступлений, «Юридическая литература», 1965, стр. 98; Э. Ф. Побегайло, указ. работа, стр. 165.

² Разделяет наше мнение по данному вопросу Ю. В. Александров, указ. автореферат канд. дисс., стр. 12.

делу В., Мед-а, Мал-а и других было установлено, что потерпевшая С. после изнасилования ее тремя преступниками, опасаясь новых насилий и издевательств с их стороны, попыталась выбраться через окно кухни из квартиры, расположенной на седьмом этаже дома, чтобы попасть на карниз пятого этажа. При попытке спуститься на пятый этаж по веревке, связанной с полотенцами, С. сорвалась с подоконника седьмого этажа, упала и разбилась насмерть¹.

Имеют место случаи, когда потерпевшая от изнасилования, потрясенная произошедшим, кончает жизнь самоубийством. Самоубийство потерпевшей в этих случаях должно рассматриваться как особо тяжкое последствие изнасилования. Например, Московским городским судом был осужден по ч. 3 ст. 117 УК М., который обманным путем пригласил к себе в комнату Б., 21 года, изнасиловал ее, лишив девственности, и не выпускал из комнаты до утра. На следующий день, около 12 час., Б. покончила жизнь самоубийством, бросившись под поезд.

Иначе следует рассматривать покушение на самоубийство потерпевшей от изнасилования. Оценка этих случаев должна находиться в зависимости от фактически наступивших последствий. Если в результате покушения на самоубийство потерпевшая получила тяжкие телесные повреждения, то следует признать, что изнасилование повлекло особо тяжкие последствия. Так, правильно был осужден Кировским областным судом по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР Ф., который изнасиловал К., лишив ее девственности. Тяжело переживая случившееся, потерпевшая в целях самоубийства приняла 36 таблеток сильного снотворного, однако, благодаря своевременно оказанной медицинской помощи жизнь ее была спасена.

В приговоре указывалось: «По делу установлено, что К. приняла смертельную дозу люминала и жизнь ее была спасена лишь благодаря быстрому оказанию медицинской помощи. Отравление люминалом, как видно из заключения судебно-медицинской экспертизы, является тяжким, опасным для жизни последствием. Потерпевшая несколько дней была в тяжелом состоянии и более месяца находилась на стационарном лечении.

¹ См. «Вечерняя Москва» от 5 марта 1963 г.

Все это свидетельствует об особо тяжких последствиях, наступивших в результате преступных действий осужденного».

В тех же случаях, когда попытка самоубийства не повлекла причинение потерпевшей тяжких телесных повреждений, совершенное изнасилование должно квалифицироваться по соответствующей части ст. 117 УК РСФСР в зависимости от обстоятельств дела.

Так, приговором народного суда Московского района Ленинграда был осужден по ч. 1 ст. 117 УК РСФСР К., признанный виновным в том, что он изнасиловал свою знакомую Б., которая после изнасилования выбежала на балкон и прыгнула с четвертого этажа, в результате чего получила легкие телесные повреждения с расстройством здоровья (легкое сотрясение мозга, ссадину и гематому лба, ссадины левой голени, бедра и предплечья). В данном случае попытка самоубийства не привела к тяжким последствиям и обстоятельства дела должны учитываться при назначении меры наказания виновному.

Самоубийство потерпевшей от изнасилования может вменяться в вину преступника и являться основанием для квалификации преступления по ч. 3 ст. 117 лишь тогда, когда установлена причинная связь самоубийства с изнасилованием и когда виновник сознавал или хотя бы мог сознавать при совершении изнасилования, что потерпевшая способна покончить жизнь самоубийством.

В советской юридической литературе высказывалось и другое мнение. Так, П. Б. Франк считал, что «требовать неосторожности в отношении самоубийства изнасилованной является логически невозможным, так как этот результат вытекает главным образом из интеллектуальных особенностей потерпевшей»¹.

Однако с точкой зрения Франка нельзя согласиться.

В большинстве случаев изнасилования, повлекшего самоубийство потерпевшей, виновный в момент совершения преступления если и не сознавал, то во всяком случае мог сознавать, что потерпевшая настолько потрясена и психически подавлена насилием, что может

¹ «Вестник советской юстиции» 1928 г. № 2, стр. 38.

лишить себя жизни. В момент совершения изнасилования (даже при нападении на незнакомую женщину) преступник осознает некоторые ее психические особенности (повышенная нервность, возбудимость), понимает, какое психическое воздействие на потерпевшую оказывает факт изнасилования (отчаяние, крайнее психическое потрясение, угнетенность). Иногда потерпевшая, умоляя преступника не трогать ее и оставить в покое, прямо говорит о том, что она покончит с собой, если будет изнасилована.

Поэтому установление неосторожной вины по отношению к факту самоубийства является не только логически, но и практически возможным. Так, Ч. был признан виновным в изнасиловании несовершеннолетней А., повлекшем особо тяжкие последствия. Не вынеся этого тяжкого надругательства, А. сразу же после ее изнасилования покончила жизнь самоубийством, бросившись под проходящий поезд.

Адвокат в кассационной жалобе просил учесть, что Ч. не предвидел и не мог предвидеть гибели потерпевшей. Сам осужденный в кассационной жалобе указывал, что он пытался предотвратить самоубийство А., бежал за ней, но упал и не смог ее удержать. Военная коллегия Верховного Суда СССР нашла, что Ч. не желал возникновения столь тяжких последствий, однако по обстоятельствам дела он должен был и мог их предвидеть¹.

По смыслу закона особо тяжким последствием изнасилования должно также признаваться причинение потерпевшей тяжкого телесного повреждения.

Действительно, соединение в одном деянии признаков двух тяжких преступлений² свидетельствует о его особой общественной опасности. Кроме того, нанесение тяжкого телесного повреждения причиняет серьезный ущерб личности.

Практика Верховного Суда СССР пошла по пути признания особо тяжким последствием изнасилования только отдельных видов тяжкого телесного поврежде-

¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1969 г. № 3, стр. 39—40.

² Советский уголовный закон (примечание II к ст. 24 УК РСФСР) относит к числу тяжких преступлений тяжкое умышленное телесное повреждение и изнасилование.

ния (например, потеря зрения, слуха, какого-либо органа, стойкая утрата трудоспособности не менее чем на одну треть).

В судебной практике не признавалось по ряду конкретных дел особо тяжким последствием изнасилования причинение потерпевшей тяжких телесных повреждений, опасных для жизни в момент нанесения¹.

Тяжкое телесное повреждение, опасное для жизни, характеризуется прежде всего тем, что создается реальная непосредственная угроза жизни потерпевшей, которая как бы ставится на грань жизни и смерти.

Кроме того, опасное для жизни тяжкое телесное повреждение всегда связано с причинением здоровью потерпевшего серьезного ущерба.

Согласно Правилам определения степени тяжести телесных повреждений, предусмотренных УК РСФСР, к опасным для жизни повреждениям относятся: проникающие раны черепа, позвоночника, груди, живота, закрытые трещины и переломы костей черепа, повреждения крупных кровеносных сосудов, открытые переломы длинных трубчатых костей, тяжелая степень сотрясения головного мозга с угрожающими для жизни симптомами, подкожные разрывы внутренних органов грудной или брюшной полостей или ушиб мозга, перелом шейного отдела позвоночника, тяжелая степень шока с угрожающими для жизни симптомами, расстройство мозгового кровообращения с потерей сознания, амнезией, возникшей от сдавления шеи петлей или руками².

Все эти повреждения наносят значительный ущерб организму человека, и вредные последствия их могут сказываться длительное время.

Вопреки распространенному среди юристов мнению, что явления асфиксии, закончившиеся благополучными для потерпевшего последствиями, не вызывают длительного расстройства здоровья, специальные исследования подтверждают обратное.

¹ См. «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1965 г. № 2, стр. 28—29; «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1966 г. № 4, стр. 14; 1967 г. № 7, стр. 9—10.

² См. «Правила судебно-медицинского определения степени тяжести телесных повреждений в Латвийской ССР»; Рига, 1970.

Так, В. В. Козлов пишет: «Как известно, в случаях когда сдавливание шеи было вовремя прекращено, у лиц, оставшихся в живых, наблюдается ряд так называемых постстрангуляционных расстройств, которые могут быть выявлены со стороны как психической, так и соматической сферы. Наиболее характерной является той или иной глубины потеря сознания, иногда по выходе из бессознательного состояния — амнезия. Могут быть расстройства двигательной сферы, судороги, атаксия, менингеальные явления, афония, парез голосовых связок, застойные явления в малом кругу кровообращения, отек легких, гипостатическая пневмония. Наряду с этим возможен и ряд других тяжелых расстройств вплоть до выраженных психозов»¹.

По данным М. И. Федорова, резкое нарушение мозгового кровообращения при асфиксии может вызвать расстройства слуха и зрения, потерю слуха, органические изменения центральной нервной системы². Он отмечает, что наблюдавшиеся после асфиксии расстройства центральной нервной системы «отличались своей стойкостью, а иногда даже нарастанием интенсивности»³.

Очень тяжелые последствия могут наступать в результате странгуляционной асфиксии, например при сдавливании шеи потерпевшей петлей.

«Наблюдение свидетельствует о том, что при длительной тяжелой странгуляционной асфиксии полного восстановления функции центральной нервной системы не происходит. Остаточные явления носят тяжелый и необратимый характер»⁴.

С учетом приведенных данных судебной медицины представляется неубедительным утверждение, что тяжелое телесное повреждение, опасное для жизни, не вы-

¹ В. В. Козлов, Основы экспертной оценки тяжести телесных повреждений, Приволжское книжное изд-во, Саратов, 1968, стр. 71—72.

² М. И. Федоров, Судебно-медицинское и клиническое значение постасфиксических состояний, Казань, 1967, стр. 68—70.

³ См. там же, стр. 163.

⁴ И. И. Мудренко, А. М. Брикман, Отдаленные последствия странгуляционной асфиксии, «Судебно-медицинская экспертиза» 1972 г. № 3.

зывает никаких тяжелых последствий для потерпевшего.

Предложение квалифицировать изнасилование, соединенное с причинением опасного для жизни тяжкого телесного повреждения, по ч. 2 или 1 ст. 117 и по ст. 108 УК РСФСР по совокупности¹ не соответствует содержанию закона и нарушает теоретические принципы квалификации преступлений.

Как уже отмечалось, состав изнасилования является сложным, составным и включает в себя применение различного по степени интенсивности насилия, в том числе и повлекшего причинение телесных повреждений любой тяжести.

Поэтому применение по совокупности статей о нанесении тяжких телесных повреждений не обосновано теоретически и не имеет практического значения, так как изнасилование, сопряженное только с угрозой причинения тяжкого телесного повреждения, карается строже, чем причинение тяжкого телесного повреждения (ст. 108 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик).

Внутренне противоречива позиция Г. В. Шелковкина, который пишет: «Нанесение потерпевшему при изнасиловании тяжких телесных повреждений по признаку опасности для жизни в момент причинения, если они не повлекли последствий, предусмотренных ст. 108 УК, не относится к особо тяжким последствиям, и преступление в этом случае квалифицируется по ч. 2 ст. 117 и ч. 1 ст. 108 УК РСФСР. Квалификация по совокупности в данном случае необходима, так как диспозиция ч. 2 ст. 117 УК предусматривает только угрозу убийством или причинением тяжкого телесного повреждения без применения физического насилия»².

Признав, с одной стороны, что ч. 2 ст. 117 не охва-

¹ См. постановление Пленума Верховного Суда Латвийской ССР от 30 декабря 1965 г. «О выполнении судами Латвийской ССР постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. «О судебной практике по делам об изнасиловании», в котором содержится прямое указание квалифицировать рассматриваемые случаи по совокупности.

² «Поддержание государственного обвинения в суде», «Юридическая литература», 1970, стр. 137.

тывает причинения тяжкого телесного повреждения, автор предлагает устранить возникающее противоречие путем применения ст. 108, санкция которой мягче санкции ч. 2 ст. 117 УК РСФСР.

Анализ действующего уголовного закона (ст. 117 УК РСФСР) позволяет установить следующее соотношение составов изнасилования. Первая часть данной статьи предусматривает ответственность за изнасилование без отягчающих обстоятельств и устанавливает санкцию от трех до семи лет лишения свободы; вторая часть предусматривает ответственность за изнасилование, сопряженное с угрозой убийством или причинением тяжкого телесного повреждения, и имеет санкцию в виде лишения свободы на срок от пяти до десяти лет; третья часть предусматривает ответственность за изнасилование, повлекшее особо тяжкие последствия, в том числе и любое по виду тяжкое телесное повреждение (санкция — лишение свободы от восьми до пятнадцати лет со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки либо смертная казнь)¹. При таком понимании закона имеется логическое соответствие между различными частями ст. 117 УК РСФСР. Вторая часть повышает ответственность за изнасилование, сопряженное с угрозой причинения тяжкого телесного повреждения, третья часть еще более усиливает ответственность за изнасилование, соединенное с фактическим причинением тяжкого телесного повреждения. Следует отметить, что изнасилование, сопряженное с угрозой причинения тяжкого телесного повреждения, карается строже, чем фактическое нанесение тяжкого телесного повреждения, предусмотренное ч. 1 ст. 108 УК РСФСР (лишение свободы до восьми лет).

Если же признать, что не всякое тяжкое телесное повреждение может признаваться особо тяжким последствием изнасилования, то придется изнасилование, соединенное с фактическим причинением тяжкого телесного повреждения, но не сопровождавшееся угрозой нанесения такого повреждения, квалифицировать по ч. 1 ст. 117 УК РСФСР. Таким образом, изнасилование с при-

¹ При анализе закона опущены квалифицирующие признаки, не имеющие отношения к спорному вопросу.

чинением опасного для жизни тяжкого телесного повреждения, например в результате сдавливания шеи, будет квалифицироваться по ч. 1 ст. 117 УК РСФСР, а изнасилование, сопровождавшееся словесной угрозой задушить, — по ч. 2 ст. 117 УК РСФСР, имеющей более строгую санкцию. Такая квалификация представляет очевидный юридический нонсенс.

Так, по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР был осужден Донецким областным судом З., который изнасиловал Х., причинив ей тяжкое телесное повреждение, опасное для жизни, путем сдавливания шеи. Верховным Судом УССР преступление было переквалифицировано на ч. 1 ст. 117 и ч. 1 ст. 104 (тяжкое телесное повреждение) УК РСФСР (определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда УССР от 5 января 1967.).

Попытка найти выход из положения путем признания причинения опасного для жизни тяжкого телесного повреждения угрозой убийством, выраженной посредством действия, представляется неубедительной, так как всегда могут встретиться случаи, когда внезапное нападение на потерпевшую, соединенное с опасным для жизни насилием, повлекло мгновенную потерю сознания и не воспринималось как угроза (оглушающий удар по голове сзади, нападение во время сна и т. п.). Но и при таком решении вопроса угроза причинить тяжкое телесное повреждение и фактическое нанесение такого повреждения будут квалифицированы одинаково, что не соответствует духу и содержанию советского уголовного законодательства.

Анализ ст. 117 УК РСФСР показывает, что, если под особо тяжким последствием изнасилования понимать только некоторые виды тяжкого телесного повреждения, логическое соответствие между частями данной статьи нарушается.

Очевидно, что значительно большую общественную опасность представляет и деяние, и преступник в случаях изнасилования с причинением тяжкого телесного повреждения, когда создается реальная угроза смерти потерпевшей, по сравнению с изнасилованием, сопровождавшимся только психическим насилием, т. е. угрозой убийством или нанесением тяжкого телесного повреждения. Смысл закона, усилившего уголовную ответственность за изнасилование, по нашему мнению, и

закljučается в том, что соединение в одном преступном деянии изнасилования с причинением тяжкого телесного повреждения должно рассматриваться как преступление, представляющее особую тяжесть, особую опасность.

Следует отметить, что суды в ряде случаев рассматривают как особо тяжкое последствие изнасилования причинение тяжкого телесного повреждения, опасного для жизни в момент нанесения.

Так, Московский городской суд приговором от 6 февраля 1969 г. осудил по ст. 15 и ч. 3 ст. 117 УК РСФСР П., который в своей квартире пытался изнасиловать 22-летнюю К. Спасаясь от насильника, потерпевшая выпрыгнула из окна пятого этажа, получив тяжкие телесные повреждения, опасные для жизни (открытый перелом обеих костей левого предплечья и компрессионный перелом первого и второго поясничных позвонков). Приговор был оставлен в силе Верховным Судом РСФСР.

Представляет известные трудности квалификация случаев изнасилования, сопровождавшихся покушением на убийство или на причинение тяжких телесных повреждений.

Например, преступник после совершения изнасилования пытается убить потерпевшую, чтобы скрыть преступление, или выколоть ей глаза, чтобы она не могла опознать его впоследствии.

Представляется правильным квалифицировать случаи изнасилования и покушения на убийство по совокупности по ст. 15, ч. 3 ст. 117 и ст. 15, п. «е» ст. 102 УК РСФСР. Случаи же изнасилования, сопряженные с покушением на нанесение тяжких телесных повреждений, следует рассматривать как покушение на изнасилование, повлекшее особо тяжкие последствия, и квалифицировать по ст. 15 и ч. 3 ст. 117 УК РСФСР.

На первый взгляд может показаться, что оконченное преступление (изнасилование) квалифицируется как покушение, что представляет несообразность. Однако в данном случае менее тяжкое преступление (изнасилование, предусмотренное ч. 1 ст. 117 УК РСФСР) является составной частью более тяжкого преступления — изнасилования, повлекшего особо тяжкие послед-

ствия (ч. 3 ст. 117 УК РСФСР), и поэтому не требует самостоятельной квалификации.

Действительно, состав преступления, предусмотренный ч. 3 ст. 117 УК РСФСР, включает такие объективные признаки, как изнасилование и наступление особо тяжких последствий. Отсутствие одного из этих признаков исключает возможность рассматривать преступление как оконченное. Поэтому как причинение особо тяжких последствий, сопровождавшееся попыткой изнасилования, так и насильственное совершение полового акта, сопряженное с покушением на причинение особо тяжких последствий (убийство; нанесение тяжелого телесного повреждения), должны рассматриваться как единое преступное деяние — покушение на изнасилование, повлекшее особо тяжкие последствия.

Однако не может рассматриваться как покушение на изнасилование, повлекшее особо тяжкие последствия, совершение изнасилования при таких обстоятельствах, когда объективно возникала реальная возможность причинения тяжких последствий в результате изнасилования, но вина преступника по отношению к этим последствиям выражалась в форме неосторожности.

Как известно, по советскому уголовному праву ответственность за неосторожное деяние против личности наступает только при фактическом наступлении вредных последствий. Поэтому не могут вменяться в неосторожную вину преступнику при изнасиловании объективно возможные тяжкие последствия, которые, однако, в данном случае не наступили. Также невозможно привлечение к ответственности за покушение на изнасилование, повлекшее особо тяжкие последствия, в случаях, когда преступник сознательно допускал возможность наступления этих последствий, т. е. действовал с косвенным умыслом, но последние по каким-либо причинам не наступили, так как покушение может иметь место только при наличии прямого умысла.

В литературе и судебной практике возник вопрос: можно ли признавать особо тяжкими последствиями изнасилования наступление беременности потерпевшей или заражение ее венерическим заболеванием?

Так, Г. Н. Мудьюгин и Ю. А. Шубин пишут: «Практика относит к числу таких последствий (особо тяж-

ких.— А. И.), в частности, заражение венерической болезнью, а в отношении лиц, не достигших половой зрелости, также беременность и вызванный ею аборт»¹.

Это мнение разделяют М. И. Авдеев² и А. А. Герцензон³.

Некоторые авторы считают особо тяжким последствием изнасилования заражение потерпевшего тяжкими венерическими заболеваниями (М. Н. Хлынцов⁴, Ю. К. Сущенко⁵, Б. А. Блиндер⁶).

Представляются неубедительными доводы тех авторов, которые относят беременность к числу особо тяжких последствий изнасилования, поскольку беременность и вызванный ею аборт влекут определенный физический вред для потерпевшей, особенно несовершеннолетней, и вызывают у нее тяжелые душевные переживания.

Поскольку беременность является естественным хотя и не обязательным последствием полового акта, рассматривать ее как особое последствие нет оснований. Такого рода последствия, равно как и возможность тяжелых моральных страданий потерпевшей, учтены законодателем при установлении санкции за изнасилование.

Поэтому конкретные обстоятельства дела, в том числе и определенные последствия (легкие или менее тяжкие телесные повреждения, тяжелые душевные переживания потерпевшего, беременность и т. д.), должны учитываться судом только при определении меры наказания, но не влиять на квалификацию преступлений. Такого же мнения придерживается Я. М. Яковлев⁷.

¹ Г. Н. Мудьюгин, Ю. А. Шубин, Расследование изнасилований, стр. 29.

² М. И. Авдеев, Судебно-медицинская экспертиза живых лиц, стр. 313.

³ А. А. Герцензон, Уголовное право и социология, стр. 81.

⁴ М. Н. Хлынцов, Расследование половых преступлений, Приволжское книжное издательство, Саратов, 1965, стр. 11.

⁵ Ю. К. Сущенко, цит. диссертация, стр. 131.

⁶ Б. А. Блиндер, Уголовно-правовая охрана свободы и достоинства женщин, стр. 89.

⁷ Я. М. Яковлев, указ. работа, стр. 188.

Так, Горьковским областным судом был осужден по ч. 2 ст. 117 УК РСФСР З., который изнасиловал ранее ему незнакомую несовершеннолетнюю К., при этом избивал ее, душил и угрожал убийством. Потерпевшая забеременела, и ей был сделан аборт.

Поскольку суд установил, что преступник не знал возраста потерпевшей, деяние его было квалифицировано по ч. 2 ст. 117 УК РСФСР, а беременность потерпевшей не признана особо тяжелым последствием изнасилования.

Заражение венерическим заболеванием, как правило, не вызывает особо тяжкого расстройства здоровья. Следует учесть, что действующее уголовное законодательство приравнивает по степени тяжести заражение венерическим заболеванием к причинению менее тяжкого телесного повреждения, устанавливая за эти преступления одинаковые санкции. Поэтому как и в случае с беременностью нет достаточных оснований признавать заражение потерпевшей венерическим заболеванием особо тяжким последствием изнасилования. Однако если беременность и вызванный ею аборт или заражение венерическим заболеванием привели к такому расстройству здоровья, которое относится к категории тяжкого телесного повреждения, они могут быть признаны особо тяжкими последствиями изнасилования.

В случаях когда изнасилование сопровождалось заражением потерпевшей венерическим заболеванием, преступление следует квалифицировать по совокупности по ст.ст. 115 и 117 УК РСФСР, поскольку состав изнасилования не включает заражение венерическим заболеванием.

В данном случае имеет место так называемая идеальная совокупность преступлений.

Смерть потерпевшей или причинение ей тяжких телесных повреждений могут считаться особо тяжкими последствиями изнасилования только в случаях установления необходимой причинной связи между фактом изнасилования и наступлением тяжелого вреда.

При решении вопроса о вменении в ответственность насильника наступления особо тяжких последствий необходимо устанавливать вину по отношению к этим последствиям в форме умысла или неосторожности.

Действительно основанием ответственности по советскому уголовному праву является состав преступления, т. е. виновное совершение преступления (ст. 3 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик).

При этом понятно, что вина в форме умысла или неосторожности должна иметь место не только в отношении признаков основного состава преступления, но и в отношении объективных квалифицирующих обстоятельств. Отказаться от установления вины по отношению к квалифицирующим состав преступления обстоятельствам значит допустить объективное вменение, что противоречит основным принципам советского уголовного права.

Совершенно правильно указывает В. Н. Кудрявцев, что о вменении лицу в вину отягчающих обстоятельств совершенного им преступления, которых он в силу тех или иных причин не предвидел и не мог или не должен был предвидеть, лишено какого-либо воспитательного и предупредительного значения, является незаконным и несправедливым и означает переход на позиции так называемого «объективного вменения», чуждого нашей теории и практике борьбы с преступностью¹.

Положение о необходимости устанавливать виновное отношение к тяжелым последствиям деяния прямо отражено в УК Грузинской ССР, ст. 11 которого гласит: «Если уголовный закон предусматривает повышение наказания ввиду наступления тяжелого последствия, не охватываемого умыслом виновного, то такое повышение может иметь место лишь в том случае, когда лицо должно было и могло предвидеть наступление этого последствия».

На эти обстоятельства обращал внимание Пленум Верховного Суда СССР, который в постановлении от 18 марта 1963 г. «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел» указал: «Вредные последствия, независимо от их тяжести, могут быть вменены лицу лишь в том случае, если оно действовало

¹ В. Н. Кудрявцев, Теоретические основы квалификации преступлений, Госюриздат, 1963, стр. 190.

в отношении их умышленно или допустило их по неосторожности»¹.

При изнасиловании, повлекшем особо тяжкие последствия, вина по отношению к этим последствиям может быть как умышленной, так и неосторожной.

В юридической литературе было высказано предложение установить в законе исчерпывающий перечень особо тяжких последствий изнасилования.

Так, Б. А. Блиндер считает, что такой перечень должен включать: смерть, самоубийство, тяжкие телесные повреждения, повлекшие последствия, указанные в ст. 108 УК РСФСР, заражение венерической болезнью².

Г. З. Анашкин предлагает более узкий перечень особо тяжких последствий (самоубийство или хроническое тяжкое заболевание потерпевшей, а также умышленное причинение тяжких телесных повреждений, от которых последовала смерть потерпевшей либо повлекших за собой потерю зрения или какого-либо органа, утрату органом его функций или иное расстройство здоровья, соединенное со стойкой утратой трудоспособности не менее чем наполовину³.

Учитывая, что за изнасилование при особо отягчающих обстоятельствах установлено самое суровое наказание (лишение свободы на срок до 15 лет или смертная казнь) и что судебная практика столкнулась с серьезными трудностями при определении особо тяжких последствий, установление в законе исчерпывающего перечня таких последствий способствовало бы единству судебной практики, усилению борьбы с наиболее злостными, тяжкими случаями изнасилования и снижению числа судебных ошибок, порожденных субъективизмом в истолковании закона.

Представляется, что такой перечень не должен быть

¹ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1970 гг.», стр. 258.

² Б. А. Блиндер, Уголовно-правовая охрана свободы и достоинства женщин, стр. 90.

³ Г. З. Анашкин, Законодательство СССР о смертной казни и практика его применения, Высшая школа МВД СССР, М., 1969, стр. 51.

очень широким и может включать только наиболее тяжкие последствия изнасилования.

По нашему мнению, рассматриваемый признак, квалифицирующий состав изнасилования, следовало бы сформулировать следующим образом: изнасилование, повлекшее смерть или самоубийство потерпевшей или причинение ей тяжких телесных повреждений.

ДРУГИЕ ПОЛОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПОСЯГАЮЩИЕ НА ПОЛОВУЮ СВОБОДУ

§ 1. Насильственное удовлетворение половой потребности в извращенной форме и насильственные сексуальные действия

Помимо изнасилования в практике встречаются случаи совершения сексуальных действий и удовлетворения половой потребности не в форме полового сношения, но сопряженное с применением насилия.

Однако только УК трех союзных республик (УССР — ст. 118, Молдавской ССР — ст. 103¹ и Эстонской ССР — ст. 115) предусматривают ответственность за подобные общественно опасные действия специальными статьями.

В других союзных республиках пытаются вести борьбу с такими действиями, квалифицируя их или как изнасилование, расширяя понятия полового сношения (например, в РСФСР), или как хулиганство, отличающееся по своему содержанию исключительным цинизмом (например, в Латвийской ССР).

Авторы статьи «Половые преступления» пишут: «Советское уголовное право не знает известного многим законодательствам состава любострастия — деяния, состоящего в насильственном удовлетворении полового чувства, однако без цели совершения полового акта. Поэтому такие деяния могут караться в зависимости от обстоятельств — как насилие над личностью (ст. 112 УК РСФСР) или хулиганство (ст. 206 УК РСФСР)»¹.

Такой подход к оценке рассматриваемых случаев создает серьезные трудности на практике, поскольку, с одной стороны, подобные деяния представляют значительно большую общественную опасность, чем такие

¹ «Правоведение» 1968 г. № 4, стр. 213.

преступления против личности, как оскорбление и нанесение побоев, а с другой стороны, в них нередко отсутствуют существенные признаки хулиганства, например проявление неуважения к обществу.

Поэтому путь конструирования специальных составов в Уголовных кодексах УССР, Молдавской и Эстонской ССР является единственно правильным, хотя соответствующие статьи в них нуждаются в совершенствовании.

Статья 118 УК УССР сформулирована следующим образом: «Удовлетворение половой страсти в извращенных формах с применением насилия, угрозы или с использованием беспомощного состояния потерпевшей». Редакция этой нормы сходна с определением изнасилования. Различие заключается в том, что при изнасиловании имеет место половое сношение, при преступлении, предусмотренном ст. 118,—удовлетворение половой страсти в извращенной форме. Потерпевшей от данного преступления, как и от изнасилования, может быть только лицо женского пола. Следовательно, ст. 118 УК УССР не охватывает случаи насильственного удовлетворения половой страсти или потребности не в извращенной форме, а также насильственные сексуальные действия в отношении мужчин, но не в форме мужеложства.

Недостатком данной статьи является отсутствие квалифицирующих обстоятельств и слишком мягкая санкция — лишение свободы на срок до пяти лет.

Статья 115¹ УК Эстонской ССР охватывает более широкий круг деяний. Она гласит: «Удовлетворение половой страсти в извращенном виде с применением насилия или угрозы насилием или с использованием беспомощного состояния потерпевшего, при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 118 настоящего Кодекса» (мужеложство. — А. И.).

Статья имеет вторую часть, предусматривающую ответственность за такие же действия, совершенные в отношении лица, заведомо не достигшего 18-летнего возраста.

Санкция первой части статьи — лишение свободы на срок до пяти лет. Санкция второй части — лишение свободы на срок от двух до шести лет с высылкой на срок до трех лет или без таковой.

Как видно из текста статьи, преступное деяние может быть совершено как в отношении лица женского, так и мужского пола, как в отношении взрослого, так и несовершеннолетнего.

Так, по ст. 115¹ и ч. 2 ст. 118 (мужеложство) УК Эстонской ССР был осужден М., который, угрожая ножом, заставил потерпевшего Б. взять в рот его половой член, а затем совершил с ним акт мужеложства.

В статье 115¹ УК Эстонской ССР говорится о извращенной форме сексуальных действий. Между тем в практике встречаются случаи совершения насильственных сексуальных действий и не в извращенной форме. Нельзя согласиться с авторами комментария к УК Эстонской ССР, которые, пытаясь расширить применение рассматриваемой статьи, считают извращением «обнажение и ощупывание тела»¹.

Не предусмотрены ст. 115¹ такие квалифицирующие обстоятельства, как наступление тяжких последствий и совершение преступления группой лиц.

Указом Президиума Верховного Совета Молдавской ССР от 14 августа 1972 г. Уголовный кодекс был дополнен ст. 103¹ (насильственное удовлетворение половой страсти в извращенных формах), которая сформулирована следующим образом: «Удовлетворение половой страсти в извращенных формах с применением физического насилия, угрозы или с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица, при отсутствии признаков, предусмотренных ст. 106 настоящего кодекса (мужеложство.— А. И.), наказывается лишением свободы на срок до пяти лет».

Те же действия, совершенные лицом, ранее совершившим такое же преступление, или группой лиц, или в отношении несовершеннолетнего,—наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет.

Данная статья по редакции ближе к ст. 115¹ УК Эстонской ССР, однако ст. 103¹ УК Молдавской ССР предусматривает такие отсутствующие в законодательстве других республик квалифицирующие обстоятельства, как совершение преступления повторно и группой

¹ «Уголовный кодекс Эстонской ССР. Комментированное издание», Таллин, 1968, стр. 304.

лиц. Кроме того, санкция ст. 103¹ УК Молдавской ССР строже, чем санкции ст. 118 УК УССР и ст. 115¹ УК Эстонской ССР.

Однако и ст. 103¹ УК Молдавской ССР не охватывает совершение насильственных действий сексуального характера, но не связанных с каким-либо извращением.

Применение указанных статей на Украине и в Эстонии показало, что, хотя общее число случаев относительно невелико (в Эстонии в 1967—1970 гг. было рассмотрено судами всего 10 дел по ст. 115, а на Украине дела по ст. 118 составляли в 1969 г. 3,4%, а в 1970 г. — 3,3% от числа всех половых преступлений)¹, тем не менее наличие специальных норм облегчает работу органов юстиции и способствует борьбе с общественно опасными деяниями подобного рода.

В ряде случаев совершение действий, предусмотренных ст. ст. 118 УК РСФСР и 115¹ УК Эстонской ССР, имеет место в совокупности с изнасилованием и в статистических данных отмечается как изнасилование.

Изучение судебной практики УССР и Эстонской ССР показывает, что рассматриваемые статьи применяются в случаях:

а) насильственного совершения действий, имитирующих половой акт (*coitus per os, coitus per anum*);

б) насильственного проникновения рукой в женские половые органы, иногда с повреждением девственной плевы;

в) прикосновение мужским половым органом к женским половым органам (чаще в отношении девочек) с применением насилия.

По делу О., осужденного на Украине в 1969 году, было установлено, что он засовывал во влагалище потерпевшей различные предметы.

По ст. 115¹ УК Эстонской ССР и ст. 103¹ Молдавской ССР квалифицируется также насильственное совершение действий, имитирующих половой акт, с мужчиной. Аналогичные действия судами УССР квалифицируются как злостное хулиганство. Так, Л. был осужден по чч. 2 и 3 ст. 206 УК УССР, будучи признан виновным в том, что

¹ Ввиду короткого срока действия ст. 103¹ УК Молдавской ССР данные о ее применении отсутствуют.

он, находясь в состоянии опьянения, заставил потерпевшего Ж. взять в рот половой член, применив насилие. В дальнейшем Л. неоднократно принуждал Ж. к подобным действиям. В последнем случае после категорического отказа Ж. удовлетворять таким способом половую потребность Л. последний нанес Ж. перочинным ножом 14 ударов в область левой лопатки, причинив легкие телесные повреждения с кратковременным расстройством здоровья.

Совершение же таких действий, как насильственный coitus per os, в отношении мужчин в других союзных республиках одни суды рассматривают как мужеложство, другие квалифицируют как злостное хулиганство, преступления против личности (ст. 112 УК РСФСР), а в случаях, когда потерпевшим оказывается мальчик, квалифицируют как развратные действия.

Таким образом, в судебной практике отсутствует единство в оценке подобных половых преступлений, а в ряде случаев при квалификации их как изнасилование или хулиганство имеет место скрытое применение аналогии.

Нельзя признать правильной сложившаяся в союзных республиках практику квалифицировать по-разному преступления, одинаковые по характеру действий и другим признакам.

Так, в РСФСР и некоторых других союзных республиках насильственное удовлетворение половой потребности с лицом женского пола путем введения полового члена в рот или задний проход потерпевшей квалифицируется как изнасилование. В то же время в Латвийской ССР подобные действия рассматриваются как злостное хулиганство, так как Верховный Суд Латвийской ССР не считает, и, на наш взгляд, вполне обоснованно, указанные действия половым сношением. Случаи, когда умысел виновного был направлен на совершение полового сношения, но фактически введение полового члена во влагалище не имело места, судебные органы Латвии расценивают как покушение на изнасилование.

Так, по делу В. было установлено, что он с целью изнасилования завел шестилетнюю девочку в ванну и пытаясь совершить с ней половое сношение, ввел половой орган в задний проход потерпевшей, причинив ей легкие телесные повреждения с кратковременным расстрой-

ством здоровья. В. был осужден за покушение на изнасилование по ст. 15 и ч. 3 ст. 121 УК Латвийской ССР.

Рассматриваемые действия на Украине, в Молдавии и в Эстонии охватываются соответствующими специальными статьями Уголовного кодекса (ст. 118 УК УССР, ст. 103¹ УК Молдавской ССР и ст. 115¹ УК Эстонской ССР).

В результате различной оценки подобных действий в разных союзных республиках создается положение, при котором общесоюзный закон (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1962 г. «Об усилении ответственности за изнасилование») применяется не одинаково.

Если насильственное совершение с лицом женского пола *coitus per os* или *per anum* имело место в отношении несовершеннолетней или совершено группой лиц, то, например, в РСФСР, оценивая такое деяние как изнасилование при особо отягчающих обстоятельствах, применяют общесоюзный закон (ч. 3 ст. 117 УК РСФСР).

На Украине такое же преступление будет квалифицировано по ст. 118 УК УССР. Например, М., Г., Ч., П. с целью удовлетворения половой потребности в извращенной форме обманным путем заманили в квартиру несовершеннолетнюю М. и с применением физического насилия и угроз совершили с ней *coitus per os*. Все они были осуждены по ст. 118 УК РСФСР и приговорены М. и Г. к четырем годам лишения свободы, а Ч. и П. к пяти годам лишения свободы.

Аналогичные действия, совершенные в Латвии, квалифицируются как злостное хулиганство. Так, Г. и В. были признаны виновными в том, что заведя потерпевшую Ч. в темный подъезд, насильственно совершили с ней несколько раз *coitus per os* и *per anum*. Виновных осудили по ч. 2 ст. 204 УК Латвийской ССР.

Поскольку ответственность за изнасилование при особо отягчающих обстоятельствах предусмотрена общесоюзным законом, понимание изнасилования должно быть одинаковым во всех союзных республиках.

Насильственное совершение действий развратного характера в отношении несовершеннолетних квалифицируется по ст. 120 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик, имеющим санкцию лишение свободы на срок до трех лет, а насильственное со-

вершение аналогичных действий в отношении взрослых лиц, например женщин, квалифицируется обычно как злостное хулиганство и влечет применение наказания в виде лишения свободы на срок до пяти лет.

Таким образом, создается юридический парадокс, когда преступные действия, совершенные в отношении взрослых лиц, караются строже, чем такие же действия, совершенные в отношении несовершеннолетних.

Так, А., предварительно погасив свет, догнал на лестнице дома потерпевшую Е., сбил ее с ног и, навалившись на нее, трогал под платьем ее ноги, пытаясь коснуться половых органов. При этом виновный применил насилие, схватил Е. за горло, но раздевать ее и раздеваться сам не пытался. Установив, что А. не имел умысла на изнасилование, а намеревался совершить только сексуальные действия, суд квалифицировал его действия как злостное хулиганство по ч. 2 ст. 206 УК РСФСР.

По нашему мнению, насильственные развратные действия, совершенные в отношении несовершеннолетних, особенно в общественных местах, должны квалифицироваться по совокупности по ч. 2 ст. 206 и ст. 120 УК РСФСР, чтобы не создавалось смягчение ответственности за деяние, посягающее на несовершеннолетних.

Правильно были квалифицированы как злостное хулиганство преступные действия М., А. и Л., которые встретив на улице несовершеннолетнюю В., набросились на нее, свалили в канаву, ощупывали ее грудные железы, а когда она вырвалась и пыталась убежать, догнали ее и, зажав рот, потащили в строящийся дом, где повалили на спину и совершили в отношении нее циничные сексуальные действия.

Отмеченные трудности в квалификации половых преступлений могли бы быть устранены включением в уголовные кодексы всех союзных республик новой нормы, предусматривающей ответственность за насильственное совершение действий сексуального характера.

По нашему мнению, специальная ответственность должна устанавливаться за любые насильственные действия сексуального характера, а не только за такие, которые связаны с удовлетворением половой страсти в из-

вращенной форме, как это имеет место в настоящее время в УК СССР и Эстонской ССР.

Общественная опасность рассматриваемых деяний заключается прежде всего в применении виновными насилия, а не в извращенном способе удовлетворения половой потребности. Следует отметить, что советское уголовное законодательство не предусматривает ответственности ни за один вид полового извращения, исключая мужеложство.

Надо также иметь в виду, что насильственное совершение сексуальных действий и не в извращенной форме представляет значительную общественную опасность, определяемую в первую очередь характером примененного насилия.

При наличии в уголовном законодательстве такой нормы будет проведена четкая грань между изнасилованием, т. е. насильственным совершением полового сношения, и насильственным совершением любых сексуальных действий не в форме полового сношения.

Предлагаемая норма будет охватывать действия, совершенные в отношении как женщин, так и мужчин, как в извращенной, так и не в извращенной форме.

Субъектами преступления могут быть мужчины или женщины. Однако совершение рассматриваемых преступных действий женщинами встречаются относительно редко. В качестве квалифицированных видов данного преступления следует предусмотреть совершение преступления группой лиц в отношении несовершеннолетних и повлекшего тяжкие последствия.

При этом и насильственное мужеложство, и насильственное совершение развратных действий должны караться по данной статье.

Статья 120 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик (развратные действия) будут применяться только в отношении действий, совершенных без применения насилия.

При введении предлагаемой нормы отпадает необходимость и в расширительном толковании состава хулиганства.

Разумеется, санкция, установленная за совершение рассматриваемого деяния при отягчающих обстоятельствах, должна быть достаточно жестокой и соответствовать степени общественной опасности преступления.

§ 2. Мужеложство с применением насилия либо с использованием зависимого положения потерпевшего

Мужеложство, т. е. половое сношение мужчины с женщиной (педерастия), совершенное с применением насилия или с использованием зависимого положения потерпевшего, рассматривается как квалифицированный вид преступления и квалифицируется по ч. 2 ст. 121 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик. Следует отметить, что Уголовные кодексы Украинской ССР (ст. 122), Молдавской ССР (ст. 106) и Эстонской ССР (ст. 118) не предусматривают зависимое положение потерпевшего в качестве обстоятельства, квалифицирующего состав мужеложства.

Уголовные кодексы РСФСР и большинства союзных республик не приравнивают совершение мужеложства с использованием беспомощного состояния потерпевшего к насильственному совершению данного преступления. Беспомощное состояние потерпевшего рассматривается как квалифицирующий состав мужеложства признак по УК Грузинской ССР (ст. 121), Литовской ССР (ст. 122), Латвийской ССР (ст. 124), Молдавской ССР (ст. 106) и Эстонской ССР (ст. 118). УК Казахской ССР (ст. 104) в качестве квалифицирующих мужеложство обстоятельств наряду с применением насилия и совершением преступления в отношении несовершеннолетнего указывается и на иные отягчающие обстоятельства, относя их определение к компетенции суда.

Применение физического насилия или угроз при мужеложстве следует понимать в том же смысле, как и при изнасиловании.

Угроза как форма психического насилия при мужеложстве выражается в запугивании потерпевшего немедленным применением физического насилия к нему самому или его близким.

Применение угроз иного рода (например, шантаж) и оказание психического давления на другого партнера, но не путем использования зависимого положения потерпевшего, не могут рассматриваться как насильственное мужеложство и должны квалифицироваться по ч. 1 ст. 121 УК РСФСР.

Также не может признаваться насильственным му-

желожеством использование беспомощного состояния потерпевшего, хотя это обстоятельство следует расценивать как отягчающее при назначении наказания.

Нельзя согласиться с авторами Комментария к УК УССР, которые рассматривают использование беспомощного состояния потерпевшего как форму насилия¹. Использование беспомощного состояния потерпевшего означает совершение действий против его воли, но применением насилия не является.

Причинение потерпевшему легких или менее тяжких телесных повреждений в результате применения насилия охватывается составом насильственного мужеложства и квалификации по совокупности по другим статьям о преступлениях против личности не требует.

При причинении в процессе совершения насильственного мужеложства потерпевшему тяжких телесных повреждений преступление должно квалифицироваться по совокупности по ст.ст. 121 и 108 УК РСФСР. Необходимость такой квалификации объясняется тем, что в законе не предусмотрено причинение тяжких последствий при мужеложстве, и потому состав мужеложства не включает в себя причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего.

Следует также заметить, что санкции, установленные за насильственное мужеложство в некоторых союзных республиках, например в УССР, мягче санкции, предусмотренной за нанесение тяжкого телесного повреждения.

Также по совокупности должны квалифицироваться случаи мужеложства, сопровождающиеся убийством потерпевшего. При этом убийство, совершенное в процессе применения насилия к потерпевшему для преодоления его сопротивления, а также с целью сокрытия имевшего место мужеложства, должно квалифицироваться п. «е» ст. 102 УК РСФСР как убийство с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение.

Так, правильно был осужден приговором Московского городского суда по ч. 2 ст. 121 и пп. «г» и «е» ст. 102 УК РСФСР Д., который в своей квартире совершил акт

¹ «Уголовный кодекс Украинской ССР. Научно-практический комментарий», Киев, 1969, стр. 280.

мужеложства с собственным сыном, после чего с целью сокрытия этого преступления умышленно убил его с особой жестокостью путем причинения множественных телесных повреждений ногами, руками, а также ударами ребенка головой об пол и другие предметы.

Квалифицирующим мужеложство обстоятельством признается также использование зависимого положения потерпевшего.

В соответствии с общим смыслом советского уголовного законодательства зависимость потерпевшего от виновного может быть материальной, служебной, основанной на отношениях подчиненности (например, зависимость ученика от учителя, гражданина от представителя власти) или на родственных отношениях.

Использование зависимого положения предполагает совершение каких-либо действий, могущих ухудшить положение потерпевшего (отказ в материальной поддержке и помощи, угроза уволить с работы, совершить какие-либо незаконные действия в отношении потерпевшего).

Обещание каких-либо выгод, предложение материального вознаграждения за совершение мужеложства, хотя бы и в отношении зависимого лица, не образуют квалифицированного состава мужеложства, так как в этом отсутствует элемент принуждения, а имеет место лишь склонение к занятию мужеложством.

Так, Мотовилихинским районным народным судом г. Перми были осуждены по ч. 1 ст. 121 УК РСФСР Т-ин и Т-ов. По делу установили, что Т-ин предложил Т-ову совершить акт мужеложства за вознаграждение, на что Т-ов согласился.

Использованием зависимого положения следует также считать беспомощное состояние потерпевшего со стороны лица, обязанного заботиться о нем.

Потерпевший, к которому применялось насилие или зависимое положение которого использовалось при совершении мужеложства, уголовной ответственности не подлежит.

Представляется весьма желательным включение в диспозицию ч. 2 ст. 121 УК РСФСР указания на использование беспомощного состояния потерпевшего, а также на совершение насильственного мужеложства группой лиц.

§ 3. Понуждение женщины к вступлению в половую связь

Данный состав преступления предусмотрен в уголовных кодексах всех союзных республик, кроме Казахской, Латвийской и Эстонской ССР.

В ст. 118 УК РСФСР преступление определяется как «понуждение женщины к вступлению в половую связь или к удовлетворению половой страсти в иной форме лицом, в отношении которого женщина являлась материально или по службе зависимой».

Примерно такое же определение дают и уголовные кодексы других союзных республик. В УК УССР, Грузинской, Молдавской ССР говорится об удовлетворении половой страсти в иной форме. В УК Грузинской, Азербайджанской, Молдавской и Туркменской ССР указывается на использование виновным не только материальной или служебной, но и иной зависимости женщины.

Общественная опасность рассматриваемого преступления заключается в том, что преступник использует свое служебное или материальное положение как средство оказания психического давления на женщину с целью побудить ее поступиться своей половой свободой. Виновный применяет психическое насилие (в более легких, чем при изнасиловании, формах) для того, чтобы добиться вступления в половую связь против воли женщины.

Данное преступление посягает не только на личные права женщины, но и нарушает принцип равноправия женщины в советском обществе, так как воскрешает буржуазный взгляд на женщину как на существо, принадлежащее только половой сфере и являющееся источником наслаждения. Именно в буржуазном обществе, где мерилom ценности предмета является его стоимость, где все продается и покупается, в том числе и любовь, понуждение женщины к вступлению в половую связь путем использования ее служебной или материальной зависимости не может рассматриваться как преступление.

Анализируемый состав преступления введен в советское уголовное законодательство в 1926 году (УК РСФСР) в тот период времени, когда пережитки старого отношения к женщине еще достаточно серьезно проявлялись в общественной жизни.

Установление уголовной ответственности за понуждение женщины к вступлению в половую связь с использованием ее зависимого положения имело большое политическое и практическое значение.

В современных условиях еще не исключена возможность совершения подобных действий, однако данное преступление в судебной практике встречается очень редко¹.

Понуждение женщины к вступлению в половую связь с объективной стороны выражается в активных действиях, направленных на то, чтобы заставить женщину подчиниться требованиям виновного.

Таким образом, понуждение заключается в оказании давления на женщину, чтобы изменить ее волю.

Закон указывает на специфические формы воздействия на сознание и волю женщины при совершении данного преступления, а именно, использование служебной или материальной (в некоторых УК союзных республик и иной) зависимости потерпевшей. Служебная зависимость определяется подчиненным положением женщины по отношению к виновному по службе. Она имеет место не только в случае непосредственного подчинения (например, работница и начальник цеха, руководитель учреждения и его секретарша), но и когда виновный занимает ответственное положение в вышестоящем учреждении или является работником контролирующих, ревизирующих органов и т. п.

Материальная зависимость признается в тех случаях, когда женщина находится на полном или частичном иждивении виновного, а также, когда от действий виновного зависит серьезное улучшение или ухудшение материального положения женщины, например получение пенсии.

Иная зависимость может основываться на родственных отношениях; отношениях, возникающих между гражданами и работниками госучреждений, между преподавателями и учащимися и т. п.

Указание в ряде УК союзных республик на «иную зависимость» более точно определяет состав рассматриваемого преступления.

¹ См. Я. М. Яковлев, Половые преступления, стр. 219.

лен
ван
фи

при
«ко
под
вий
ны
сети

Г
пону
зова
речь
ложе

Б
на яв
ем ан
По

осуще
факти
жебн
ный м
служб
оплач
гопри
работ
ма Ве
К. пр
престу
зует с
давлен

Пр
за мо
риальн
ее раз
Реа
и иные

¹ «К
Наука,
² «Б

По УК РСФСР случаи понуждения женщины к вступлению в половую связь должностным лицом с использованием «иной зависимости» потерпевшей должны квалифицироваться по ст. 170.

Нельзя согласиться с мнением А. А. Пионтковского, признающего наличие служебной зависимости в случаях, «когда интересы потерпевшей, не являющейся по службе подчиненной данному лицу, зависят от служебных действий должностного лица (например, зависимость женщины от следователя, ее допрашивающего, зависимость посетительницы от должностного лица и т. д.)»¹.

Поскольку закон говорит не об использовании при понуждении своего служебного положения, а об использовании служебной зависимости женщины, очевидно, речь идет о зависимости, вытекающей из служебного положения женщины.

Более широкое толкование этой формулировки закона явилось бы не чем иным, как скрытым восстановлением аналогии.

Понуждение женщины к вступлению в половую связь осуществляется или путем применения угроз, или путем фактического совершения действий, ухудшающих служебное или материальное положение женщины. Виновный может угрожать причинением неприятностей по службе (понижением в должности, переводом на менее оплачиваемую работу, увольнением, составлением неблагоприятного для потерпевшей заключения по проверке работы, акта ревизии и т. п.). В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 26 июня 1970 г. по делу К. правильно отмечается, что «ответственность за данное преступление наступает в случае, если виновный использует служебную зависимость потерпевшей как средство давления в целях достижения преступного результата»².

При использовании материальной зависимости угроза может выражаться в отказе от предоставления материальной помощи, в предупреждении о резком снижении ее размера и т. д.

Реальное осуществление указанных угроз, а также и иные действия, причиняющие существенный ущерб

¹ «Курс советского уголовного права, Особенная часть», т. V, Наука, 1971, стр. 164.

² «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1970 г. № 5, стр. 25.

правам и интересам женщины (например, непредоставление полагающихся льгот, отказ в удовлетворении законных прав и т. п.), могут рассматриваться как «понууждение» в смысле ст. 118 УК РСФСР, осуществляемое конкретными действиями.

Нельзя согласиться с мнением авторов, считающих, что понуждение женщины к вступлению в половую связь также осуществляется путем обещания предоставления в будущем каких-либо выгод¹.

В данном случае имеет место не понуждение женщины, а склонение к вступлению в половую связь.

Если ущемление прав женщины, ухудшение ее положения в какой-то мере ослабляют, парализуют, хотя полностью и не исключают, волю женщины отстаивать свою половую свободу, то при обещании выгод или улучшения положения согласие женщины вступить в половую связь является ее свободным волеизъявлением, результатом сделанного ею выбора. Такого рода действия представляют собой своеобразный торг за тело женщины и являются аморальным поведением как со стороны мужчины, так и со стороны женщины. Женщина в подобных случаях не может рассматриваться как потерпевшая.

Согласно УК РСФСР и других союзных республик преступлением является понуждение женщины не только к вступлению в половую связь, но и к удовлетворению половой страсти в иных формах (например, извращенные формы удовлетворения половой страсти).

Данное преступление является оконченным с момента понуждения, т. е. применения угроз или фактического совершения определенных действий, ухудшающих служебное или материальное положение женщины, соединенных с требованием вступления в половую связь.

Поэтому фактическое вступление в связь с женщиной путем ее понуждения не является признаком состава преступления и учитывается при определении объема ответственности и назначении меры наказания.

Субъект может понуждать женщину к вступлению в

¹ См. А. А. Пионтковский, указ. работа, стр. 163; «Комментарий к уголовному кодексу РСФСР 1960 г.», стр. 236; М. Н. Хлы-
нцов, указ. работа, стр. 88—89.

половую связь не только с собой (что, однако, характерно для данного преступления), но и с другими лицами, например своими родственниками или знакомыми.

Ш. С. Рашковская высказывала мнение, что «исполнителем рассматриваемого преступления может являться только мужчина, от которого женщина находится в материальной или служебной зависимости»¹.

Такое ограничительное толкование не вытекает из закона. Можно представить случаи, когда женщина, от которой другая женщина находится в служебной зависимости, понуждает последнюю к вступлению в половую связь с каким-либо мужчиной.

В указанном случае действия женщины подпадают под признаки состава преступления, предусмотренного ст. 118 УК РСФСР.

Такого рода случаи, однако, не являются типичными.

С субъективной стороны преступление характеризуется прямым умыслом. Виновный сознает, что использует служебную или материальную зависимость женщины, и желает понудить ее к вступлению в половую связь путем использования ее зависимого положения. Поэтому предложение вступить в половую связь или склонение к этому женщины лицом, от которого она зависит по службе или материально, не соединенное с оказанием давления на нее путем угроз или ухудшения положения, не образует состава преступления, а при нарушении принципов коммунистической нравственности может рассматриваться как аморальный поступок.

Так, по делу А., осужденного по ст. 122 УК Таджикской ССР за понуждение к вступлению в половую связь, было установлено, что он, являясь преподавателем педагогического училища, склонил к сожителству студентку этого училища П.

Пленум Верховного Суда СССР постановлением от 21 сентября 1967 г. дело по обвинению А. прекратил, указав, что в данном случае, «хотя А. и являлся преподавателем училища, студенткой которого была потерпевшая, однако по делу не установлено, что это обстоятельство было использовано А. для склонения П. к интимной бли-

¹ Ш. С. Рашковская, Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности, М., 1959, стр. 63.

зости. Сам же факт вступления преподавателя А. в половую связь со студенткой, хотя и является аморальным, однако, состава преступления не содержит»¹.

Понуждение женщины к вступлению в половую связь следует отличать от изнасилования.

При изнасиловании преступник полностью игнорирует волю потерпевшей, при «понуждении» не исключается возможность ее проявления женщиной (отказ от требований виновного, обращение за помощью к органам власти, вышестоящим должностным лицам, общественным организациям).

Поэтому при «понуждении» не может иметь место применение к женщине физического насилия или угрозы применения физического насилия. При «понуждении» женщина не находится и в беспомощном состоянии.

Воздействие на волю женщины при «понуждении» носит значительно менее общественно опасный характер, чем при изнасиловании.

При изнасиловании, осуществляемом путем применения угроз, у потерпевшей не остается другого выхода, как или подчиниться требованиям насильника, или подвергнуться физическому насилию. Такой альтернативы никогда не возникает при понуждении женщины к вступлению в половую связь. Поэтому нельзя согласиться с мнением В. Ф. Кириченко, который считает, что рассматриваемое преступление представляет особый вид приготовления или покушения на изнасилование, выделенный законодателем в самостоятельный состав².

Именно существенные различия и в характере действия, и в степени общественной опасности дали основание законодателю разграничить составы изнасилования и понуждения к вступлению в половую связь.

В тех случаях, когда путем использования материальной зависимости понуждается к вступлению в половую связь лицо, не достигшее половой зрелости, имеет место совокупность преступлений, предусмотренных ст.ст. 118 и 119 УК РСФСР.

В настоящее время, по нашему мнению, состав по-

¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1968 г. № 1, стр. 21—22.

² В. Ф. Кириченко, Виды должностных преступлений по советскому уголовному праву, изд-во АН СССР, 1959, стр. 178.

нуждения женщины к вступлению в половую связь в том виде, в каком он сформулирован в законе, потерял практическое значение.

Те формы понуждения, которые предусмотрены законом, встречаются все реже, но в жизни встречаются случаи, не подпадающие под признаки действующих норм закона.

Поэтому ст. 118 УК РСФСР целесообразно было бы дополнить указанием на использование иной зависимости потерпевшей, а также включением таких форм понуждения женщины к вступлению в половую связь, как угроза применением насилия в будущем, угроза истреблением имущества или разглашением позорящих сведений.

ПОЛОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПОСЯГАЮЩИЕ НА НОРМАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

§ 1. Изнасилование несовершеннолетней

Изнасилование несовершеннолетней рассматривается действующим советским уголовным законодательством как преступление, совершенное при особо отягчающих обстоятельствах. Это объясняется тем, что изнасилование несовершеннолетней, особенно малолетней, причиняет серьезный ущерб ее здоровью, нарушает нормальное физическое развитие, нередко наносит глубокую психическую травму.

Преступник, совершающий жестокое грубое посягательство на юных потерпевших, представляет повышенную общественную опасность.

Необходимость суровой жестокой борьбы с изнасилованиями несовершеннолетних вызывается также и тем, что в структуре изнасилований данный вид преступления занимает значительное место.

Так, в результате изучения 500 уголовных дел об изнасиловании установлено, что изнасилование несовершеннолетних имело место в 36% случаев, что составляет 60% от преступлений, квалифицированных по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР.

По данным Д. О. Хан-Магомедова и Ю. А. Шубина за 1966 год, изнасилование несовершеннолетних составляло 38,4% от общего числа изнасилований в 15 областях РСФСР; по данным Г. М. Резника и Г. Забрянского — 34,3%, а групповое изнасилование несовершеннолетних — 32,8% от общего числа изнасилований, совершенных за четыре года в одном из районов Москвы; по

данным А. А. Герцензона, — 53% от числа преступлений, квалифицированных по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР»¹.

По данным Е. Е. Центрова, 50,2% потерпевших от изнасилования, совершенного при особо отягчающих обстоятельствах (ч. 3 ст. 117 УК РСФСР), приходится на несовершеннолетних².

По изученным нами 180 уголовным делам число потерпевших в возрасте до 12 лет составило 18%; от 12 до 14 лет — 16%; от 14 до 16 — 24%; от 16 до 18 лет — 42% от числа всех изнасилованных несовершеннолетних.

Из общего числа потерпевших от изнасилования несовершеннолетние по различным данным составляли 49%³, 36,6%⁴, 39,5%⁵.

За изнасилование несовершеннолетних осуждено из общего числа осужденных за это преступление по данным Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности 38,4%, а по данным Я. М. Яковлева — 20,7%⁶.

Для характеристики общественной опасности этого вида изнасилования имеет значение изучение возраста потерпевших.

Наибольшую опасность представляет изнасилование малолетних девочек и подростков, не достигших половой зрелости, так как в этих случаях всегда имеют место причинение физического вреда, нередко весьма серьезного (повреждения половых органов) и нарушение нормального развития и формирования женского организма. Эти случаи, как правило, связаны с физическим растлением потерпевшей, что имеет для нее определенное психологическое значение.

Серьезную опасность для организма незрелых в половом отношении потерпевших представляет бере-

¹ А. А. Герцензон, указ. работа, стр. 80.

² Е. Е. Центров, Специфика взаимоотношений преступника и потерпевшей по делам о половых преступлениях, «Вопросы личности преступника», М., 1971, стр. 79.

³ А. А. Герцензон, Уголовное право и социология, стр. 83.

⁴ Г. Н. Мудьюгин, Ю. А. Шубин, Расследование изнасилований, стр. 142.

⁵ «Данные по исследованиям ВНИИППи за 1966—1967 гг.».

⁶ Я. М. Яковлев, Половые преступления, стр. 244.

менность как следствие изнасилования и вызванная ею необходимость аборта.

По данным Я. М. Яковлева, возраст 75% изнасилованных несовершеннолетних не превышал 14 лет¹. По нашим данным, эта доля ниже — 34%. Обобщение судебной практики позволяет сделать вывод, что в значительном числе случаев изнасилования несовершеннолетних преступное посягательство направлено на лиц, не достигших половой зрелости. Изнасилование детей и подростков, не достигших половой зрелости, нередко совершается в семье (отцом, отчимом или другими близкими родственниками).

По результатам анализа изученных автором 180 дел об изнасиловании несовершеннолетних преступление было совершено близкими родственниками в 36% случаев.

При решении вопроса об ответственности за изнасилование несовершеннолетней большое значение имеют установление и правильная оценка субъективной стороны преступления.

Изнасилование является умышленным преступлением. Означает ли это, что, совершая изнасилование несовершеннолетней, преступник должен сознавать, что потерпевшая не достигла 18 лет или для вменения насильнику изнасилования несовершеннолетней достаточно установить, что он по обстоятельствам дела хотя и не предвидел, но мог предвидеть, что потерпевшая не достигла совершеннолетнего возраста?

Этот вопрос вызвал оживленную дискуссию в литературе и значительные трудности в следственной и судебной практике.

Так, авторы «Комментария к УК РСФСР» писали: «Важно, чтобы виновный знал, что она (потерпевшая.— А. И.) не достигла 18 лет, либо хотя точно не знал об этом, но и не задумывался о возрасте потерпевшей или допускал, что она несовершеннолетняя, но безразлично относился к такой возможности»².

Поскольку авторы говорят о знании возраста или безразличном отношении виновного к этому обстоя-

¹ Я. М. Яковлев, Половые преступления, стр. 245.

² «Комментарий к УК РСФСР», «Юридическая литература», 1963, стр. 280.

тельству, можно сделать вывод, что они допускают возможность только умышленной вины при изнасиловании несовершеннолетней.

Некоторые авторы допускали, однако, возможность неосторожной вины при изнасиловании несовершеннолетней по отношению к факту несовершеннолетия потерпевшей¹.

В решениях отдельных судебных органов получила выражение и точка зрения о том, что для уголовной ответственности вообще не имеет значения субъективное отношение виновного к факту несовершеннолетия, достаточно только установить, что потерпевшая фактически не достигла совершеннолетия.

Так, по делу Л., привлеченного к ответственности за покушение на изнасилование несовершеннолетней, в приговоре Ленинградского городского суда говорилось: «То обстоятельство, что потерпевшая заявила при знакомстве с Л., что ей скоро исполнится 19 лет, не может изменить квалификацию действий Л., так как закон охраняет интересы действительно несовершеннолетних лиц, независимо от того, как сами несовершеннолетние относятся к своему возрасту». В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, оставившей приговор в силе, отмечалось: «То обстоятельство, что Л. мог заблуждаться относительно возраста Р., не дает оснований к изменению квалификации его преступных действий».

В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР по делу К., осужденного по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР, говорилось: «Действия осужденного квалифицировали правильно, так как незнание им о том, что потерпевшая являлась несовершеннолетней, не освобождает его от повышенной уголовной ответственности»².

Отказ от установления вины по отношению к квалифицирующим ответственность обстоятельствам представляет не что иное, как объективное вменение.

¹ В. Н. Кудрявцев, Теоретические основы квалификации преступлений, М., 1963, стр. 194—195; «Советская юстиция» 1963 г. № 13, стр. 6; № 8, стр. 15.

² «Сборник постановлений Пленума, Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, 1961—1963 гг.», стр. 260.

Такая судебная практика подверглась острой критике на Пленуме Верховного Суда СССР, обсуждавшем вопросы судебной практики по делам об изнасиловании.

Проанализировав ошибки судебной практики по делам об изнасиловании несовершеннолетних, Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 25 марта 1964 г. дал судам следующее руководящее указание: «Одним из оснований для квалификации изнасилования по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик является несовершеннолетие потерпевшей. Применяя этот закон, суды должны учитывать, что в силу ст. 3 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик уголовной ответственности подлежит лицо, которое знало или допускало, что совершает насильственный половой акт с несовершеннолетней, либо могло и должно было это предвидеть.

При этом суды должны учитывать не только показания самого обвиняемого, но и тщательно проверять их соответствие всем конкретным обстоятельствам дела, не допуская необоснованного освобождения виновных от ответственности за изнасилование несовершеннолетней.

В то же время суды должны иметь в виду, что при наличии доказательств, подтверждающих, что виновный добросовестно заблуждался относительно фактического возраста потерпевшей, несовершеннолетие потерпевшей не может служить основанием для квалификации его действий по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик»¹.

Таким образом, Пленум Верховного Суда СССР признал, что по отношению к факту несовершеннолетия потерпевшей вина преступника может быть как умышленной, так и неосторожной.

После приведенного руководящего указания Пленума Верховного Суда СССР судебные органы стали более тщательно устанавливать субъективное отношение виновного к возрасту потерпевшей. В случаях добросовестного заблуждения насильника в отношении воз-

¹ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1970 гг.», стр. 456.

раста потерпевшей суды не вменяли ему изнасилование несовершеннолетней. Так, в приговоре Московского городского суда по делу К. отмечалось, что преступление было совершено за два месяца до совершеннолетия потерпевшей, что она о своем возрасте не говорила и К. не мог предполагать о том, что она несовершеннолетняя, по ее внешнему виду¹.

По делу Ефимова, осужденного Калининским областным судом по ст. 15 и ч. 3 ст. 117 УК РСФСР за покушение на изнасилование 17-летней М., Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР указала: «О том, что она несовершеннолетняя, потерпевшая Ефимову не говорила. Сам он полагал, что ей 18—19 лет. Из этого следует, что осужденный добросовестно заблуждался относительно фактического возраста потерпевшей, и поэтому его действия надлежит квалифицировать по ст. 15 и ч. 1 ст. 117 УК РСФСР»².

Однако в судебной практике сложилось твердое мнение, что для вменения изнасилования несовершеннолетней не требуется знание виновным ее возраста и осознание факта, что потерпевшая является несовершеннолетней.

Так, по делу Муравьева в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР отмечалось: «При рассмотрении дела судом первой инстанции были отвергнуты доводы адвоката о том, что осужденному не было известно о несовершеннолетии потерпевшей, он добросовестно заблуждался в ее возрасте». Областной суд правильно указал в приговоре: «Внешний вид потерпевшей, ее поведение, заключение экспертизы и другие обстоятельства настоящего дела свидетельствуют о том, что Муравьев мог и должен был предвидеть фактический возраст потерпевшей. Поэтому действия Муравьева, совершившего изнасилование несовершеннолетней, правильно квалифицированы по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР»³.

¹ См. также «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1969 г. № 1, стр. 35—36.

² «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1972 г. № 3, стр. 8; см. также «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1972 г. № 2, стр. 11—12.

³ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1965 г. № 6, стр. 5.

Постановление Пленума Верховного Суда СССР по делу С. опубликовано под заголовком: «Ответственность за изнасилование несовершеннолетней наступает при условии, если обвиняемый знал или допускал, что потерпевшая не достигла 18 лет, либо мог и должен был это предвидеть»¹.

После издания постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. вопрос о значении оценки субъективного отношения виновного к факту несовершеннолетия потерпевшей при изнасиловании был подвергнут детальному рассмотрению в юридической литературе. Большинство авторов, писавших по этому вопросу, не разделило позицию Пленума Верховного Суда СССР и поддержало точку зрения о необходимости умышленной вины по отношению к такому признаку, характеризующему потерпевшую как несовершеннолетнюю.

Так, Б. С. Никифоров считает, что допущение неосторожной вины при изнасиловании несовершеннолетней может привести к превращению умышленного, по замыслу законодателя, преступления в неосторожное².

Рассматривая в теоретическом плане вопрос о так называемой двойной вине, Г. А. Кригер писал: «Что касается возможности вменения при совершении умышленных преступлений таких обстоятельств, о которых лицо не знало, но могло и должно было знать, то, с нашей точки зрения, это не может иметь места и явилось бы не чем иным, как объективным вменением. Поскольку умышленное деяние предполагает сознание лицом общественно опасного характера своих действий, то, видимо, все обстоятельства, влияющие на характер общественной опасности деяния, должны быть известны лицу»³.

Против допущения неосторожной вины по отношению к факту несовершеннолетия потерпевшей выступи-

¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1972 г. № 2, стр. 11.

² Б. С. Никифоров, Об умысле по действующему уголовному законодательству, «Советское государство и право» 1965 г. № 6, стр. 36.

³ Г. Кригер, Еще раз о смешанной форме вины, «Советская юстиция» 1967 г. № 3, стр. 7.

ли также П. П. Осипов¹, Ю. К. Сущенко², Я. М. Яковлев, который писал: «Несовершеннолетие потерпевшей не является обстоятельством, квалифицирующим изнасилование, а характеризует его объективно и должно входить в содержание интеллектуальной стороны умысла виновного»³. Необходимость только умышленной вины при изнасиловании несовершеннолетней признает и Б. А. Блиндер⁴.

Нам представляется, что решение вопроса о характере субъективного отношения виновного к возрасту потерпевшей должно основываться на общих теоретических положениях советского уголовного права об основаниях ответственности и о вине.

Советское уголовное право не знает объективного вменения. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. в ст. 3 устанавливают, что «уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении преступления, т. е. умышленно или по неосторожности совершившее предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние».

В тех случаях, когда преступление является умышленным, преступник должен сознавать как все фактические обстоятельства, относящиеся к объективным признакам состава преступления, так и общественную опасность деяния⁵.

В некоторых составах преступления допускается наличие так называемой двойной или смешанной вины. Например, умышленное тяжкое телесное повреждение, повлекшее смерть потерпевшего (ч. 2 ст. 108 УК РСФСР), предполагает умысел по отношению к причинению тяжкого телесного повреждения и неосторожную вину по отношению к наступлению смерти потерпевшего.

Таким образом, по отношению к тяжким последствиям умышленного деяния в определенных случаях до-

¹ П. П. Осипов, цит. диссертация, стр. 112—115.

² Ю. К. Сущенко, цит. диссертация, стр. 146.

³ Я. М. Яковлев, Половые преступления, стр. 254.

⁴ Б. А. Блиндер, Уголовно-правовая охрана свободы и достоинства женщин, стр. 93.

⁵ «Курс советского уголовного права», т. II, стр. 300.

пускается неосторожная вина. Этот принцип законодательно закреплен в ст. 11 УК Грузинской ССР.

Однако было бы неверным основываться на этом принципе в случаях изнасилования несовершеннолетней. Несовершеннолетие потерпевшей не является последствием изнасилования (как, например, наступление особо тяжких последствий), а представляет собой признак, характеризующий потерпевшую, а следовательно, и объект преступления.

Именно в силу особых свойств потерпевшей деяние представляет повышенную общественную опасность, посягая не только на половую свободу, но и на половую неприкосновенность и нормальное развитие несовершеннолетних.

В отличие от последствий, которые наступают после и по причине совершения преступного деяния, несовершеннолетие потерпевшей как признак особо тяжкого изнасилования наличествует в момент совершения преступления.

Поэтому несовершеннолетие потерпевшей должно охватываться сознанием виновного, так же как и другие признаки простого или квалифицированного изнасилования, не относящиеся к последствиям (беспомощное состояние потерпевшего, характер угрозы, совершение преступления группой лиц). Следует признать ошибочным наше мнение о возможности неосторожной вины по отношению к несовершеннолетию потерпевшей при изнасиловании, высказанной в работе «Отвественность за преступления против нравственности»¹. Изменил свою точку зрения и В. Н. Кудрявцев, который пишет: «Неосторожность в составе, предусмотренном ст. 117, допустима лишь при условии наступления тяжких последствий, а возраст потерпевшей последствием, конечно, не является»².

При этом не обязательно, чтобы виновный желал изнасиловать именно несовершеннолетнюю, он мог и безразлично относиться к возрасту потерпевшей. Для вменения насильнику изнасилования несовершеннолет-

¹ А. Н. Игнатов, Ответственность за преступления против нравственности, «Юридическая литература», 1966, стр. 128—129.

² В. Н. Кудрявцев, Общая теория квалификации преступлений, стр. 129.

ней необходимо установить, что по обстоятельствам дела (разговоры, внешний вид потерпевшей и т.д.) он знал, что потерпевшая несовершеннолетняя, или признавал, что она может оказаться несовершеннолетней.

Конструкция нормы об изнасиловании несовершеннолетней аналогична норме, запрещающей половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости или 16-летнего возраста (ст. 119 УК РСФСР). В юридической литературе общепризнано, что умысел виновного в преступном совершении полового сношения должно охватываться недостижение потерпевшим половой зрелости¹.

Логично считать, что решение вопроса в однородных случаях должно быть одинаковым.

В целях недопущения ошибок в судебной практике, связанных с неправильным пониманием субъективной стороны преступления при изнасиловании несовершеннолетней, представляется необходимым внесение изменения в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г., а именно, в формулировке «уголовной ответственности подлежит лицо, которое знало или допускало, что совершает насильственный половой акт с несовершеннолетней, либо могло и должно было это предвидеть» опустить последнюю часть предложения («либо могло и должно было это предвидеть»)².

В связи с применением нормы уголовного закона об изнасиловании несовершеннолетней в литературе и судебной практике возник вопрос, как квалифицировать изнасилование несовершеннолетней женщины, но достигшей брачного возраста в тех союзных республиках, где этот возраст установлен в 17 лет (в Узбекской, Украинской и Эстонской ССР). Установление определенного брачного возраста означает, что законодатель признает

¹ «Курс советского уголовного права, часть Особенная». «Наука», М., 1971, т. 5, стр. 167; «Советское уголовное право, Особенная часть», изд-во Московского государственного университета, 1971, стр. 190.

² Следует отметить, что юридически однородный вопрос о форме вины преступления посягательства на жизнь работников милиции и народных дружинников решен Пленумом Верховного Суда СССР иначе, чем при изнасиловании несовершеннолетней (см. п. 3 постановления от 3 июля 1963 г., «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1970 гг.», М., 1970, стр. 480).

физическое и психическое развитие женщины по достижении данного возраста достаточным для начала половой жизни и создания семьи. Поэтому особые условия, свидетельствующие о повышенной общественной опасности изнасилования несовершеннолетней, отпадают по достижении женщиной брачного возраста.

Если встать на формальную точку зрения, что под изнасилованием несовершеннолетней во всех случаях понимается совершение преступления в отношении потерпевшей, не достигшей 18 лет¹, то в указанных союзных республиках придется квалифицировать как изнасилование несовершеннолетней случаи изнасилования замужних женщин, даже имеющих детей, что явно не соответствует смыслу закона.

Поэтому представляется обоснованным под изнасилованием несовершеннолетней понимать изнасилование женщины, не достигшей 18 лет или брачного возраста.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 15 октября 1971 г. по делу С., который был признан виновным в изнасиловании 17-летней А., обосновывая неправильность его осуждения, указал, что «из дела видно, что С. было известно, что А. была замужем и недавно прервала беременность»². Таким образом, Пленум Верховного Суда признал, что знание виновным о замужестве потерпевшей является для него достаточным основанием для того, чтобы считать ее совершеннолетней. Как же оценивать деяние лица, совершившего изнасилование женщины, о которой он знал, что она замужем, но 18 лет ей еще не исполнилось? Осуждение такого лица за изнасилование несовершеннолетней представляется явно несправедливым.

Наше мнение разделяют авторы консультации «Половые преступления»³ Л. А. Андреева⁴, М. Д. Шаргородский⁵, Г. П. Мудьюгин⁶.

¹ По советскому законодательству совершеннолетием признается достижение лицом 18-летнего возраста.

² «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1972 г. № 2, стр. 12.

³ «Правоведение» 1969 г. № 4, стр. 109.

⁴ Л. А. Андреева, Г. А. Густов, В. Г. Степанов, А. П. Филиппов, Расследование изнасилований, стр. 24.

⁵ «Советское уголовное право, часть Особенная», Киевская Высшая школа МВД СССР, Киев, 1968, стр. 237.

⁶ Г. Н. Мудьюгин, Ю. А. Шубин, Расследование изнасилований, стр. 30.

Иного мнения придерживаются авторы «Научно-практического комментария к УК УССР»¹ Ш. С. Рашковская², Я. М. Яковлев³. Сторонники этой точки зрения считают, что, поскольку совершеннолетие по советскому законодательству определяется по достижению 18-летнего возраста, нельзя ограничительно толковать термин «несовершеннолетние». По их мнению, понимание изнасилования несовершеннолетней как лица, не достигшего брачного возраста, привело бы к различному применению общесоюзного закона (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1962 г. «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование») в отдельных союзных республиках. Аргументы названных авторов вскрывают несовершенство уголовного закона, подчеркивая, что его форма находится в противоречии с содержанием. Возникает вопрос, является ли удачным включение в закон в качестве особо отягчающего изнасилования признака несовершеннолетия потерпевшей.

Признак несовершеннолетия в 1949 году (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 января «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование») заменил признак недостижения потерпевшей половой зрелости, используемый УК РСФСР 1926 года.

Практика применения закона показала, что в структуре изнасилований наибольшее место занимает изнасилование несовершеннолетних (от 30 до 40%), в то время как изнасилование без отягчающих обстоятельств (простой состав) составляет около 30%. Вызывает сомнение целесообразность конструирования простых и квалифицированных составов таким образом, что основная масса преступных деяний будет приходиться на преступления, совершенные при отягчающих обстоятельствах.

Признак несовершеннолетия применительно к характеристике потерпевших от изнасилования оказывается слишком широким и не отражает специфики деяния.

Наибольшую опасность представляют изнасилования малолетних девочек (до 10—12 лет) и лиц, не достигших

¹ «Уголовный кодекс Украинской ССР», «Научно-практический комментарий», Киев, 1968, стр. 237.

² «Уголовное право, часть Особенная», «Юридическая литература», 1966, стр. 207.

³ Я. М. Яковлев, Половые преступления, стр. 247—248.

половой зрелости (в возрасте до 16 лет), так как потерпевшим причиняется большой физический и моральный вред, нарушается нормальное развитие и формирование организма и личности. Посягательство на несовершеннолетних, достигших половой зрелости (16—17 лет), в большинстве случаев особо высокой степени общественной опасности не представляет.

Изучение судебной практики по делам об изнасиловании позволяет сделать вывод, что в случаях, когда возраст потерпевшей оказывается близким к 18 годам, достижение ею совершеннолетия является формальным моментом, мало или совсем не влияющим на общественную опасность преступления. Поэтому целесообразнее считать изнасилование представляющим повышенную опасность тогда, когда оно было совершено в отношении лица, не достигшего половой зрелости. По изученным нами делам об изнасиловании несовершеннолетних 44% потерпевших достигли половой зрелости. Изменение квалифицирующего признака значительно снизило бы процент изнасилований, совершаемых при особо отягчающих обстоятельствах, и увеличило бы число случаев, квалифицируемых как «простое» изнасилование. Следует иметь в виду, что признак половой зрелости и в настоящее время используется нашим уголовным законодательством (ст. 119 УК РСФСР). Поэтому при рассмотрении уголовных дел приходится сталкиваться с необходимостью установления этого признака и вины субъекта (см. § 2).

Отказ от признака «несовершеннолетие» устранил бы многие противоречия в советском уголовном законодательстве. Так, по УК РСФСР развратные действия, под которыми понимаются различные действия сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних даже без применения насилия, влекут уголовную ответственность (ст. 120), а половое сношение с несовершеннолетним лицом, но достигшим половой зрелости, совершенное по обоюдному согласию, является ненаказуемым (см. ст. 119).

Для устранения неоправданных различий в формулировках отдельных составов половых преступлений и законодательстве союзных республик совершенно необходимо установить единые научно обоснованные критерии определения потерпевших.

По
дер, та
зрелос
В с
пользо
шей в
ательс
тигшег
фицир
лицом,
быть у
Есл

16 лет,
вокупн
шения
ределе

На з
ного С
«В тех
вершен
вершае
виновн
если н
ловой
кации
УК РС

§ 2. П
не дост
или оп

Уго
сношен
РСФС
лицом,
жанско
ской, М

1 См
2 «Б
3 УК
за полов
зрелости.

По нашему мнению, которое разделяет и Б. А. Блиндер, таким критерием может служить признак половой зрелости¹.

В случае признания законодателем необходимости использовать возрастной критерий определения потерпевшей в качестве особо отягчающего изнасилование обстоятельства следует считать изнасилование лица, не достигшего 16 лет. Возраст потерпевшей в составах квалифицированного изнасилования и полового сношения с лицом, не достигшим определенного возраста, должен быть установлен одинаковый.

Если потерпевшая не достигла половой зрелости или 16 лет, то в подобных случаях имеет место реальная совокупность преступления изнасилования и полового сношения с лицом, не достигшим половой зрелости или определенного возраста.

На это совершенно правильно указал Пленум Верховного Суда РСФСР в постановлении от 5 августа 1967 г.: «В тех случаях, когда имело место изнасилование несовершеннолетней, последующие половые акты с ней, совершаемые добровольно, не исключают ответственность виновного по ст. 117 УК РСФСР; в указанных случаях, если несовершеннолетняя потерпевшая не достигла половой зрелости, действия виновного подлежат квалификации по совокупности преступлений по ст.ст. 117 и 119 УК РСФСР»².

§ 2. Половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости или определенного возраста

Уголовная ответственность за совершение полового сношения с лицом, не достигшим половой зрелости (УК РСФСР, Белорусской, Литовской ССР и УССР)³, или с лицом, не достигшим 16-летнего возраста (УК Азербайджанской, Грузинской, Казахской, Киргизской, Латвийской, Молдавской, Таджикской, Туркменской, Узбекской,

¹ См. Б. А. Блиндер, указ. работа, стр. 94—95.

² «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1967 г. № 12, стр. 10.

³ УК Армянской ССР (ст. 114) устанавливает ответственность за половое сношение с лицом, не достигшим 16 лет или половой зрелости.

и Эстонской ССР), установлена потому, что ранняя половая жизнь при полностью несформированном организме всегда наносит ущерб его физическому и моральному развитию.

Лица, не достигшие половой зрелости и определенного возраста, не обладают дееспособностью в полном объеме. Закон обоснованно не предоставляет право этим лицам, не достигшим не только социальной, но и физиологической зрелости, определять свою половую жизнь¹. Поэтому добровольное согласие лица, понимающего характер половых отношений, но не достигшего половой зрелости или установленного возраста, не устраняет уголовной ответственности партнера за общественно опасное деяние, посягающее на нормальное физическое и психическое развитие этого лица.

Добровольное согласие в этом случае исключает только признание преступления насильственным.

Уголовная ответственность не наступает в случаях, когда субъект вступает в половое сношение с лицом, достигшим брачного возраста (например, в Узбекской и Украинской ССР такой возраст для женщин установлен в 17 лет), но не половой зрелости. М. И. Авдеев так описывает это явление: «Позднее половое созревание наблюдается у лиц в возрасте после 18 лет, когда половая зрелость должна была бы наступить. В известной мере это может быть связано с условиями жизни и питанием, а также недостаточностью функции половых желез. В этих случаях происходит задержка и общего развития организма, внутренних половых органов и вторичных половых признаков»². Поскольку советский закон право вступления в брак, а следовательно, и определения своей половой жизни связывает только с достижением определенного возраста, как правило, совершеннолетия, а не с достижением половой зрелости, которая в данном случае презюмируется, фактическое от-

¹ Уголовные кодексы Азербайджанской (ст. 127), Армянской (ст. 117), Казахской (ст. 105), Киргизской (ст. 132), Таджикской (ст. 123), Туркменской (ст. 124) и Узбекской (ст. 98) союзных республик предусматривают ответственность за вступление в фактические брачные отношения с лицом, не достигшим брачного возраста.

² «Судебно-медицинская экспертиза живых лиц», М., «Медицина», 1968, стр. 231.

ставание лица в развитии юридического значения не имеет. При регистрации брака не требуется установление половой зрелости вступающих в брак, а устанавливаются только их возраст, отсутствие близкого родства и недееспособности, признанной судом, т. е. обстоятельств, препятствующих вступлению в брак.

Потерпевшим от данного преступления может быть лицо как женского, так и мужского пола, не достигшее половой зрелости или 16-летнего возраста. Поскольку преждевременная половая жизнь наносит ущерб организму подростка любого пола, не достигшего половой зрелости, предпочтительной представляется позиция уголовных кодексов тех союзных республик, которые не фиксируют пол потерпевших.

В практике, хотя и не часто, встречаются случаи вовлечения взрослыми женщинами в половую связь подростков мужского пола, не достигших половой зрелости или 16 лет.

Так, К. была осуждена по ст. 119 и 120 УК РСФСР за систематическое развращение несовершеннолетних и вступление в половую связь с лицами, не достигшими половой зрелости. В частности, ей вменялось в вину, что она в течение нескольких месяцев состояла в половой связи с К., 14 лет, который не достиг половой зрелости.

Решающее значение для решения вопроса об ответственности по делам данной категории имеет установление половой зрелости лица, определяемой судебно-медицинской экспертизой.

Само понятие половой зрелости представляет известную сложность, и его определение вызвало серьезные споры и разногласия в медицинской и юридической литературе.

Основная проблема, подлежащая решению, — это определение, является ли половая зрелость понятием биологическим, социально-биологическим или же юридическим?

Так, П. П. Осипов утверждал: «Понятие половой зрелости является по своему значению уголовно-правовым и его нельзя рассматривать ни как биологическое, ни как судебно-медицинское понятие»¹.

¹ П. П. Осипов, К вопросу о понятии половой зрелости, «Судебно-медицинская экспертиза» 1966 г. № 3, стр. 30.

Следует отметить, что эта точка зрения не получила поддержки ни в медицинской, ни в юридической литературе.

Долгое время юристы и медики считали, что половая зрелость является социально-биологическим понятием.

М. Г. Сердюков, например, писал, что «состояние половой зрелости характеризуется окончательным формированием организма женщины, т. е. наступлением того периода, когда половая жизнь, зачатие, беременность, роды, вскармливание ребенка являются для жизни женщины совершенно нормальной функцией, когда она отдает себе полный отчет о происходящем с ней и может воспитать ребенка, будучи способна к выполнению материнских обязанностей»¹.

Некоторые авторы включали в число социальных признаков половой зрелости также: степень умственного развития, материальную обеспеченность и подготовленность к уходу за новорожденным², обеспечение развития ребенка³, способность к воспитанию⁴, наличие должного умственного развития, необходимого для нормального воспитания ребенка, а также подготовленность лица к самостоятельному существованию⁵. Попытка расширения понятия половой зрелости путем включения в него социальных признаков подверглась обоснованной критике со стороны многих юристов⁶ и судебных

¹ М. Г. Сердюков, Судебная гинекология и судебное акушерство, «Медицина», 1964, стр. 15.

² В. М. Смольянинов, К. И. Татиев, В. Ф. Черваков, Судебная медицина, «Медгиз», 1961, стр. 34.

³ «Комментарий к уголовному кодексу РСФСР 1960 г.», изд-во Ленинградского университета, 1962, стр. 237.

⁴ А. П. Громов, Курс лекций по судебной медицине, «Медицина», 1970, стр. 263.

⁵ Ш. С. Рашковская, Преступления против жизни, Госюриздат, 1959, стр. 64.

⁶ Г. О. Карнович, М. Г. Коршик, Расследование половых преступлений, Госюриздат, 1958, стр. 94; М. И. Хлынов, Расследование половых преступлений, стр. 108; А. Н. Игнатов, Об уточнении определения половой зрелости, «Материалы 5-й республиканской научной конференции судебных медиков», Рига, 1970, стр. 200—205.

медиков¹, которые отмечали, что установление социальных признаков не входит в компетенцию судебно-медицинских экспертов.

Неприемлемым представляется и предложение о двойном понимании половой зрелости в биологическом и социальном смысле, выдвинутое Г. Д. Чернобородовым, который писал: «Для решения вопроса о достижении половой зрелости с точки зрения социальной не требуется специальных медицинских познаний, и судебно-медицинские эксперты не компетентны решать эту сторону вопроса. Нам кажется, что судебно-медицинский эксперт должен определять только биологическую половую зрелость, предоставив составу суда право окончательного решения этого вопроса с учетом социальных признаков»².

По нашему мнению, осуществление такого предложения на практике могло бы только осложнить решение вопроса о половой зрелости и внести элементы произвола при рассмотрении уголовных дел. Так, получив заключение судебно-медицинской экспертизы о том, что потерпевшая достигла половой зрелости в биологическом смысле, и не оспаривая его, суд мог бы признать ее не достигшей половой зрелости на основе учета неопределенных социальных признаков. Получалось бы, что человек в одно и то же время достиг и не достиг половой зрелости.

Понятие половой зрелости нельзя отождествлять с социальной зрелостью. Мы разделяем мнение тех ученых, которые рассматривают половую зрелость только как биологическое, медицинское понятие.

Так, Н. Г. Шалаев писал: «Половая зрелость — определенное биологическое понятие, характеризующее способность женского организма, без ущерба для своего здоровья, к беременности и родам». И далее: «Поэтому при определении половой зрелости эксперт должен руковод-

¹ О. А. Панфиленко, Установление половой зрелости при проведении судебно-медицинской акушерско-гинекологической экспертизы, «Судебно-медицинская экспертиза» 1965 г. № 1, стр. 15; М. И. Авдеев, Судебно-медицинская экспертиза живых лиц, стр. 223—224.

² Г. Д. Чернобородов, К вопросу определения половой зрелости, «Актуальные вопросы судебной медицины и криминалистики. Труды Лен. ГИДУВа», вып. 49, Л., 1966, стр. 105.

ствоваться лишь биологическими критериями: развитием половых органов, степенью выраженности вторичных половых признаков, антропометрическими данными и общим состоянием организма»¹. М. И. Авдеев определяет половую зрелость как «такое физическое развитие и физиологическое состояние организма, при котором вынашивание плода и родоразрешение совершаются без вреда для здоровья и являются физиологическим актом»².

Признавая половую зрелость биологическим понятием, необходимо определить признаки, на основании которых судебно-медицинские эксперты должны устанавливать это состояние. По вопросу о биологических критериях половой зрелости высказаны различные точки зрения.

Одни авторы определяли понятие половой зрелости слишком широко. Так, А. А. Жижиленко считал, что «признаки наступления половой зрелости определяются у женщин началом месячных очищений, а у мужчин — выделением семени»³, и поэтому полагал, что «наступление беременности само по себе свидетельствует о половой зрелости»⁴.

Практика показывает, что такие критерии для определения половой зрелости оказываются недостаточными, так как беременность может наступить и у подростка, организм которого не подготовлен к нормальному родоразрешению.

Однако другой крайностью было бы отождествление половой зрелости с полным и окончательным формированием человеческого организма в биологическом смысле.

¹ Н. Г. Шалаев. Некоторые замечания к правилам амбулаторного судебно-медицинского акушерско-гинекологического исследования, «Тезисы докладов к одиннадцатой расширенной конференции Ленинградского отделения Всесоюзного научного общества судебных медиков и криминалистов и научной сессии Института судебной медицины Министерства здравоохранения СССР», Л., 1961, стр. 319.

² М. И. Авдеев, Судебно-медицинская экспертиза живых лиц, стр. 224.

³ А. А. Жижиленко, Половые преступления, М., 1924, стр. 12.

⁴ А. А. Жижиленко, Л. Г. Оршанский, Половые преступления, стр. 14.

В. Бехтерев писал, что организм человека достигает своей зрелости у женщин в 21—22 года, а у мужчин в 24—25 лет. Говоря же о возрасте мальчиков 12—14 лет и девушек 14—16, он писал: «Но ведь это только начало полового созревания, первые его проявления, сама же половая сфера далеко еще не может считаться вполне созревшей и окрепшей»¹. А. Г. Станков считает, что полная половая зрелость наступает у мужчин от 22 лет, а у женщин от 20 лет².

Признание таких возрастных критериев половой зрелости неприемлемо в правовом аспекте, так как пришлось бы считать незрелыми в половом отношении многих лиц, достигших брачного возраста, установленного советским законодательством.

Большинство судебных медиков, признавая правильным отказ от социальных признаков половой зрелости, указывали на ряд физиологических признаков, определяющих это понятие, таких, как способность к вынашиванию плода, к родоразрешению, к вскармливанию.

Эта позиция и была воспринята новыми Правилами судебно-медицинской акушерско-гинекологической экспертизы, утвержденными Министерством здравоохранения СССР 7 января 1966 г., которые отмечают, что под состоянием половой зрелости следует понимать окончательное формирование женского организма, когда половая жизнь, зачатие, беременность, роды и вскармливание ребенка являются нормальной функцией, не расстраивающей здоровья, и свидетельствуют о способности к выполнению материнских обязанностей³.

Следует отметить, что в Правилах нашла отражение «старая» концепция социальных критериев половой зрелости. Выполнение материнских обязанностей является социальной функцией и зависит не только от физиологических свойств человека. Женщина, вполне сформировавшаяся и достигшая брачного возраста, по своим психологическим и социальным качествам может быть не способна к выполнению материнских обязанностей.

¹ В. Бехтерев, Значение полового влечения в жизнедеятельности организма, М., 1928, стр. 13.

² А. Г. Станков, Половая жизнь и семья, Киев, 1958, стр. 51.

³ Правила судебно-медицинской акушерско-гинекологической экспертизы, М., 1966, стр. 8—9.

Трудно установить и критерии, на основании которых можно с достоверностью определять, способна ли женщина к выполнению материнских обязанностей.

По-видимому, это осознавалось и авторами Правил, так как в число признаков, совокупность которых должна учитываться при установлении половой зрелости, не включены признаки, определяющие способность к выполнению материнских обязанностей. В Правилах говорится, что при определении половой зрелости необходимо учитывать совокупность следующих признаков: а) общее развитие организма; б) развитие половых органов и способность к совокуплению; в) способность к зачатию; г) способность к вынашиванию плода; д) способность к родоразрешению; е) способность к вскармливанию. Все эти признаки носят биологический характер.

Не относится к понятию половой зрелости и «наличие у нее (женщины. — А. И.) правильного представления о сущности полового акта и его последствиях»¹.

Отсутствие правильного представления о сущности полового акта характеризует психическую сферу личности, а не физиологическое состояние организма. Лицо, например душевнобольная, может быть в половом отношении зрелой, но находиться в беспомощном состоянии из-за отсутствия правильного представления о социальных явлениях.

Представляется, что наиболее полно и правильно описал понятие половой зрелости М. И. Авдеев: «Половая жизнь направлена на производство потомства, следовательно, и половая зрелость есть состояние физической подготовленности к производству потомства... Организм женщины должен быть подготовлен не только к оплодотворению и зачатию, что может наступать значительно раньше половой зрелости, но и к вынашиванию плода и родоразрешению без вреда для здоровья женщины. Следовательно, главным и основным критерием половой зрелости женщины будет подготовленность к вынашиванию плода и родоразрешению без вреда для здоровья. Все остальные признаки, приводимые ранее в качестве признаков половой зрелости, не имеют в этом отноше-

¹ Б. А. Блиндер, Уголовно-правовая охрана свободы и достоинства женщин, стр. 99.

нии никакого значения. Не имеют отношения к установлению половой зрелости и болезненные процессы, изменяющие или исключаящие эти критерии, например узкий таз, инфантильная матка»¹.

М. И. Авдеев также считает, что «способность к вскармливанию не является признаком половой зрелости, а свидетельствует лишь о функциональном состоянии молочных желез»².

Действительно, половая зрелость — это понятие биологическое, которое отражает физиологическую подготовленность организма к половой жизни, и поэтому должно определяться совокупностью физиологических признаков.

Попытка совместить понятия половой и социальной зрелости приводит только к теоретической путанице и по существу бесполезна в практическом отношении, так как определение социальных признаков не требует специальных медицинских познаний и может быть осуществлено органами правосудия при решении правовых вопросов, например установление беспомощного состояния при изнасиловании, когда потерпевшая в силу малолетства не могла осознавать значение половых отношений.

Представляется, что Правила судебно-медицинской акушерско-гинекологической экспертизы 1966 года в основном правильно определяют понятие половой зрелости женщин. Однако включение в определение половой зрелости указания на способность к выполнению материнских обязанностей, сделанное под влиянием старых взглядов, является ненужным, затемняющим смысл нового определения, и поэтому должно быть исключено из «Правил».

Мы полагаем, что при определении, достигло ли лицо женского пола половой зрелости, судебно-медицинские эксперты должны учитывать только биологические признаки. Так, в заключении судебно-медицинской экспертизы по делу О., осужденного Московским городским судом по ст. 119 УК РСФСР, говорится, что потерпевшая

¹ М. И. Авдеев, Судебно-медицинская экспертиза живых лиц, стр. 223.

² Там же, стр. 224.

половой зрелости не достигла ввиду недоразвития организма и половых органов.

Половая зрелость мужчины также определяется на основе физиологических признаков, свидетельствующих о подготовленности организма к половой жизни. Правила судебно-медицинской экспертизы половых состояний мужчин указывают, что «половая зрелость у лиц мужского пола характеризуется таким состоянием общего физического развития и формирования половых желез, при котором половая жизнь является физиологически нормальной функцией, не вызывает расстройства здоровья и не наносит ущерба дальнейшему развитию организма. При освидетельствовании учитывают общее физическое развитие организма, развитие наружных и внутренних половых органов, способность к половому сношению и оплодотворению. Каждый из этих признаков в отдельности не является решающим, только совокупность их дает возможность судебно-медицинскому эксперту правильно ответить на этот вопрос о половой зрелости»¹.

Споры в отношении определения понятия половой зрелости, необходимость установления половой зрелости судебно-медицинской экспертизой породили мнение о необходимости полного отказа от этого понятия в уголовном законодательстве и замене его возрастным критерием.

При принятии новых уголовных кодексов восемь союзных республик (Грузинская, Казахская, Киргизская, Латвийская, Молдавская, Таджикская, Туркменская и Эстонская) установили ответственность за половое сношение с лицом, не достигшим 16-летнего возраста. УК Азербайджанской ССР в момент принятия указывал на недостижение брачного возраста, который был установлен в 16 лет, а теперь он определен в 18 лет. УК Армянской ССР сохранил оба критерия, указав на наказуемость полового сношения с лицом, не достигшим 16-летнего возраста или половой зрелости.

При введении возрастного критерия определения потерпевших исходили из следующих соображений: 1) половая зрелость, как правило, наступает к 16 годам;

¹ «Правила судебно-медицинской экспертизы половых состояний мужчин», М., 1968, стр. 16—17.

2) установление возраста проще, чем половой зрелости, так как проводится по документам и только в исключительных случаях требует проведения судебно-медицинской экспертизы; 3) субъективно легче осознать недостижение лицом определенного возраста, чем половой зрелости, в определении которой затрудняются иногда даже эксперты.

Нам представляется, что все эти аргументы недостаточно убедительны. Прежде всего при таком решении вопроса индивидуальный признак половой зрелости заменяется обобщенным возрастным критерием, который отражает только типически среднее явление. Между тем возрастные колебания достижения половой зрелости имеют место. Так, по данным Г. С. Корейко, в Карелии половая зрелость наступает не ранее 18 лет, позже чем в Москве, Саратове и Ереване¹.

«Данные физического и полового развития девушек в этом возрасте (16 лет.— А. И.) по многим показателям не достигают критериев, принятых для определения половой зрелости»².

Применительно к подросткам мужского пола проф. М. И. Авдеев считает, что организм юноши достигает половой зрелости к 17—18 годам³.

В. С. Семенов, изучая половое созревание мужчин, установил, что «наибольший процент отклонений в половом развитии наблюдается в возрастной группе 15—16 лет. Так, среди подростков 16-летнего возраста у 30,4% предстательная железа была еще недостаточно сформирована. Полученные данные позволили прийти к заключению, что формирование возрастных критериев физического развития и полового созревания не совпадает по времени и неоднородно по интенсивности»⁴.

¹ Г. С. Корейко, Об особенностях физического и полового развития девушек Карелии применительно к экспертизе половой зрелости, «Судебно-медицинская экспертиза» 1966 г. № 3, стр. 13.

² Г. С. Корейко, Судебно-медицинская оценка половой зрелости у девушек, родившихся и живущих в Карелии. Актуальные вопросы судебной медицины и криминалистики, «Труды Лен. ГИДУВа», вып. 49, Л., 1966, стр. 108.

³ М. И. Авдеев, Судебно-медицинская экспертиза живых лиц, стр. 231.

⁴ Б. М. Семенов, О несоответствии полового созревания и возраста у лиц мужского пола, «Судебно-медицинская экспертиза», 1966 г. № 3, стр. 34.

Таким образом, используя возрастной критерий в 16 лет, мы вынуждены будем в ряде случаев признавать ненаказуемым вступление в половую связь с лицом, не достигшим половой зрелости, когда объективно причинение вреда нормальному развитию несовершеннолетнего будет налицо.

Кроме того, при использовании возрастного критерия не учитывается и динамический процесс акселерации, который приводит к более раннему половому созреванию.

«Под акселерацией не следует подразумевать только изменения динамики роста или веса: это и более раннее проявление основных сдвигов, характеризующих зрелость организма, его биологических ритмов и функциональной деятельности, и прежде всего это ускоренное половое созревание как мальчиков, так и девочек, наблюдаемое в СССР, большинстве стран Европы, Азии и Америки»¹.

Этот вывод основан на многочисленных исследованиях, проведенных как в СССР, так и за рубежом. В настоящее время многие специалисты полагают, что за последние 60—80 лет организм человека развивается очень бурно и что половая зрелость у женщин наступает сейчас на 2 года раньше, чем в прошлом веке². Р. Нойберт писал: «Ускорение полового созревания привело к тому, что нынешние 17-летние девушки по своему половому развитию соответствуют 20-летним девушкам 1900 года»³.

Поскольку законодательство должно быть стабильным и создается на долгие годы, использование возрастного критерия определения потерпевших при решении вопроса об уголовной ответственности за вступление в добровольную половую связь приведет в результате процесса акселерации к тому, что потерпевшими будут признаваться лица, достигшие половой зрелости, осознающие характер и значение половой жизни и даже являющиеся инициаторами вступления в половую связь.

¹ Д. К. Соколов, Акселерация — загадка XX века, «Знание», М., 1969, стр. 16; см. также Т. В. Карсаевская, Социальная и биологическая обусловленность изменений в физическом развитии человека, Л., 1970, стр. 78—83.

² «Судебно-медицинская экспертиза» 1968 г. № 1, стр. 25.

³ «Новая книга о супружестве», М., 1967, стр. 226.

Нельзя согласиться с мнением о том, что поскольку рассматриваемое преступление является умышленным, установление умысла виновного на незаконную половую связь легче при использовании возрастного критерия. Сторонники этой точки зрения считают, что, если для определения половой зрелости необходимо проведение судебно-медицинской экспертизы, невозможно требовать от лица, не обладающего специальными знаниями, осознания факта, что лицо, с которым он вступает в половую связь, не достигло половой зрелости¹.

Нам представляется, что определение половой зрелости лица, или, иначе говоря, различие подростка и взрослого по внешнему виду легче, чем определение возраста.

Антропометрические данные, свидетельствующие о половой зрелости, гораздо легче распознаются по внешнему виду, чем возраст².

М. И. Авдеев пишет, что «суждение о возрасте по внешним признакам может быть грубо ошибочным»³.

Не случайно судебно-медицинские эксперты, определяя в необходимых случаях возраст трупа или живого лица, указывают его примерно в определенных интервалах, в то время как половая зрелость устанавливается точно.

Неубедительным и неаргументированным выглядит следующее утверждение Я. М. Яковлева: «Нет сомнения в том, что возрастной критерий в этом отношении гораздо нагляднее. По внешнему виду отличить 16-летнюю девушку от 14-летней и даже 15-летней девочки обычно особых даже затруднений не представляет»⁴.

Что касается необходимости проведения судебно-медицинской экспертизы для определения половой зрелости, то это требуется для установления объективного обстоятельства и вовсе не означает невозможность осознания этого факта виновным.

¹ П. П. Осипов, К вопросу о понятии половой зрелости, «Судебно-медицинская экспертиза» 1966 г. № 3, стр. 31.

² См. М. И. Авдеев, Судебно-медицинская экспертиза живых лиц, стр. 228.

³ Там же, стр. 332.

⁴ Я. М. Яковлев, Половые преступления, стр. 265.

Представляется, что использование понятия «половая зрелость» в уголовном законодательстве является не только полезным, но и необходимым, так как оно отражает индивидуальное состояние потерпевшего и поэтому дает возможность установить реальный вред, причиненный объекту, охраняемому уголовным правом. Именно при использовании критерия половой зрелости будет осуществлена необходимая защита несовершеннолетних от посягательств на их нормальное половое и общее развитие и научно определен круг общественно опасных деяний в сфере половых отношений.

Объективная сторона рассматриваемого преступления заключается в половом сношении, совершенным хотя бы однократно. Продолжительность половой связи с лицом, не достигшим половой зрелости или 16-летнего возраста, не влияет на квалификацию преступления, но может учитываться при назначении наказания виновному.

Не является обязательным признаком данного состава преступления лишение потерпевшей девственности. По смыслу закона преступным является и вступление в половую связь с лицом, не достигшим половой зрелости, которое уже жило половой жизнью.

Поскольку половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости или 16-летнего возраста, образует оконченное преступление, попытка склонить такое лицо к вступлению в половую связь должна рассматриваться как покушение на преступление.

Если это склонение сопровождалось совершением развратных действий, то виновный должен нести ответственность за развращение несовершеннолетних (ст. 120 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик).

Однако нужно отметить, что факты привлечения к уголовной ответственности за покушение на совершение полового сношения с лицом, не достигшим половой зрелости или 16-летнего возраста, в практике почти не встречаются. По-видимому, это объясняется отсутствием реальных последствий и ненасильственным характером действий субъекта.

Вызывает возражение точка зрения Ю. К. Сущенко, который считает, что «объективная сторона названных преступлений (половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости и развратные действия в отношении

несовершеннолетних. — А. И.) такова, что позволяет говорить о приготовлении к этим преступлениям, но отрицает возможность покушения на них»¹. По нашему мнению, отрицать возможность покушения на половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости, нет никаких теоретических оснований.

С субъективной стороны рассматриваемое преступление характеризуется умышленной виной. Виновный должен сознавать, что вступает в половую связь с лицом, не достигшим половой зрелости или 16-летнего возраста. Уголовные кодексы Грузинской (ст. 119) и Эстонской (ст. 116) союзных республик, определяя преступление как половое сношение с лицом, заведомо для виновного не достигшим 16-летнего возраста, требуют наличия прямого умысла.

Законодательство других республик допускает возможность косвенного умысла, т. е. виновный должен сознавать, что лицо, с которым он вступает в половую связь, не достигло половой зрелости или 16 лет и безразлично относится к этому обстоятельству.

Нельзя согласиться с мнением некоторых практических работников, что по отношению к факту недостижения потерпевшей половой зрелости возможна неосторожная вина.

Так, в приговоре Московского городского суда от 7 августа 1969 г. по делу П. отмечается, что внешний вид потерпевшей соответствует ее 16-летнему возрасту и что по заявлению П. он в момент совершения полового акта не задумывался о ее возрасте. И далее: «При наличии таких данных П. мог и должен был сознавать, что потерпевшая не достигла половой зрелости».

Допущение неосторожной вины по отношению к факту недостижения половой зрелости на практике может привести только к объективному вменению.

Субъект рассматриваемого преступления характеризуется по результатам изучения 100 дел следующими данными.

¹ Ю. К. Сущенко, Стадии преступной деятельности в составах половых преступлений (по УК РСФСР), «Учение записки Саратовского юридического института им. Д. И. Курского», вып. XVI, Саратов, 1969, стр. 89.

По возрасту: от 16 до 18 лет	— 4%,
от 18 до 25 лет	— 18%,
от 25 до 40 лет	— 46%,
свыше 40 лет	— 32%.

По образованию: менее 7 классов	— 28%,
в объеме 7 классов	— 32%,
неполное среднее и среднее	— 35%,
незаконченное высшее и высшее	— 5%.

Ранее судимых оказалось 20%, из них за половые преступления — 8%.

В состоянии опьянения преступление совершили 30% осужденных.

Из этих данных видно, что более половины осужденных имеют образование не свыше 7 классов, что характерно также и для изнасилования.

Значительно меньший по сравнению с изнасилованием удельный вес несовершеннолетних объясняется тем, что многие случаи вступления их в половую связь с девочками, не достигшими половой зрелости, не становятся предметом судебного разбирательства.

Так, по данным Н. Д. Николина, девочки-подростки, помещаемые в специальные профессионально-технические училища за половую распущенность, чаще всего начинали половую жизнь при случайных беспорядочных встречах с юношами¹.

В 30% случаев вступление в половую связь с девушкой, не достигшей 16 лет или половой зрелости, совершалось с ведома ее родителей или других близких родственников. В 65% случаев половая связь продолжалась более или менее длительное время и уголовное дело возбуждалось в связи с беременностью потерпевшей или обращением к органам власти со стороны учителей или представителей общественности.

Это свидетельствует о том, что в большинстве случаев вступлению в половую связь предшествуют определен-

¹ Н. Д. Никол ин, Изучение и предупреждение правонарушений (преступлений) и антиобщественных проявлений среди девочек-подростков, автореферат канд. дисс., М., 1972, стр. 11.

ные личные отношения между виновным и потерпевшей, основанные на чувствах любви или сильной симпатии и привязанности.

Вместе с тем вступление лица в половую связь с незрелой еще девушкой, к которой он испытывает влечение, является показателем его низкой культуры и недостаточного нравственного воспитания.

Большинство уголовных кодексов союзных республик предусматривают квалифицирующие данный состав преступления обстоятельства¹.

Таковыми обстоятельствами кодексы называют растление (Казахская и Узбекская ССР) и совершение полового сношения, сопряженного с удовлетворением половой страсти в извращенных формах (РСФСР, Азербайджанская, Армянская, Белорусская, Грузинская, Казахская, Киргизская, Туркменская, Узбекская союзные республики).

По смыслу уголовного закона под растлением следует понимать лишение девственности лица женского пола.

«Нарушение целостности девственной плевы, происшедшее при первом половом сношении, определяется как растление»².

В юридической литературе высказывалось и мнение о необходимости трактовать понятие «растление» не в физическом, а в моральном смысле³. «Будет неправильным толкование, — писал В. Натансон, — что под растлением подразумевается физическое повреждение девственной плевы лица женского пола, не достигшего половой зрелости, так как при таком толковании объектом данного преступления будут лишь лица женского пола, с одной стороны, а с другой — медицине известны случаи врожденного отсутствия девственной плевы, наконец, возможно и механическое повреждение ее целостности до случая полового сношения...» И далее: «Признак растления создает вообще всякое первое половое сноше-

¹ Не предусматривают квалифицированный состав данного преступления Уголовные кодексы Латвийской, Литовской, Молдавской, Таджикской, Украинской и Эстонской союзных республик.

² М. И. Авдеев, Судебно-медицинская экспертиза живых лиц, стр. 255.

³ Б. Н. Змиев, Уголовное право, часть Особенная, вып. I, Казань, 1923, стр. 26.

ние как в отношении лиц женского пола, не достигших половой зрелости (независимо от того, сопровождалось ли оно указанными физическими последствиями или не сопровождалось), так и не достигших половой зрелости лиц мужского пола»¹. М. И. Авдеев приходит к выводу, что «растление является понятием не медицинским, а юридическим»².

Представляется, что выделение признака растления в качестве квалифицирующего рассматриваемый состав преступления обстоятельства оказалось неоправданным.

Как уже отмечалось выше, нарушение целостности девственной плевы само по себе не свидетельствует о повышенной общественной опасности деяния. Следует иметь в виду, что в зависимости от анатомических особенностей женщины во многих случаях половые сношения возможны без повреждения девственной плевы.

Если согласиться с пониманием растления в широком смысле как первого полового сношения, то окажется, что анализируемый состав преступления в жизни встречается только в квалифицированном виде, так как случаи половых сношений с лицом, не достигшим половой зрелости, уже живущим половой жизнью, относительно редки. В следственной и судебной практике наблюдается привлечение к ответственности субъектов, вступивших в половую связь с лицом, не достигшим половой зрелости или 16-летнего возраста, и ранее не жившим половой жизнью.

Именно вовлечение в раннюю половую жизнь и представляет общественную опасность, дающую основание признать подобные действия уголовно наказуемыми.

Поэтому позиция тех уголовных кодексов союзных республик, которые не выделяют растление потерпевшей в качестве отягчающего обстоятельства, представляется более обоснованной.

Девять уголовных кодексов союзных республик в качестве квалифицирующего данный состав преступления обстоятельства указывают на совершение полового сношения, сопряженного с удовлетворением половой страсти, в извращенной форме.

¹ В. Натансон, Половые преступления по Уголовным кодексам УССР и РСФСР, Харьков, 1928, стр. 13—14.

² М. И. Авдеев, указ. работа, стр. 255.

В юридической литературе нет единства в толковании этого признака. Так, одни авторы считают, что «удовлетворением половой страсти в извращенных формах является половое общение противоестественным путем»¹, другие же полагают, что закон имеет в виду «случай полового сношения с лицом, не достигшим половой зрелости, соединенные с действиями, направленными на удовлетворение половой страсти в извращенной форме»².

Поскольку закон говорит в ч. 2 ст. 119 УК РСФСР «те же действия», а в ч. 1 речь идет о половом сношении, то, следовательно, необходимым условием применения второй части является совершение полового сношения. Поскольку закон употребляет термин «сопряженные», что значит соединенные, то, следовательно, половое сношение должно быть соединено с удовлетворением половой страсти в извращенных формах. Таким образом, при квалифицированном составе данного преступления помимо полового сношения должны иметь место действия, направленные на удовлетворение половой страсти в извращенной форме, например проявления садизма. Такого же мнения придерживается П. П. Осипов, который пишет: «Речь здесь идет о двух взаимосвязанных и дополняющих (но не заменяющих) друг друга действиях — совокуплении и каком-либо извращении биологического или социального характера (садизм, совершение полового акта группой лиц и пр.)»³.

Если же имело место добровольное удовлетворение половой потребности в извращенной форме, но не соединенное с половым сношением с лицом, не достигшим половой зрелости, то такое деяние следует рассматривать как совершение развратных действий в отношении несовершеннолетних и квалифицировать по ст. 120 УК РСФСР⁴.

¹ «Комментарий к Уголовному кодексу Белорусской ССР», Минск, 1966, стр. 249.

² «Уголовное право, часть Особенная», «Юридическая литература», 1968, стр. 235.

³ П. П. Осипов, Квалификация половых преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних (по УК РСФСР), «Вестник Ленинградского государственного университета» 1966 г. № 5, стр. 153.

⁴ См. там же.

Поскольку закон охраняет определенную категорию несовершеннолетних от раннего начала половой жизни и запрещает вступление в половую связь с ними или в фактические брачные отношения, характер взаимоотношений между виновным и потерпевшей (взаимное влечение, длительная дружба, случайная встреча) не имеет решающего значения для квалификации преступления и может приниматься во внимание только при определении меры наказания.

Только в исключительных случаях, когда со времени совершения преступления до момента возбуждения дела прошло много времени, между обвиняемым и потерпевшей сложились прочные отношения (заключен брак, родились или ожидаются дети), привлечение к ответственности может оказаться нецелесообразным¹.

Этот вопрос должен решаться судом на основании тщательного анализа всех обстоятельств дела, личности обвиняемого и потерпевшей.

Половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости, отличается от изнасилования несовершеннолетней тем, что половой акт является добровольным и потерпевшая достигла такого уровня развития, когда она вполне осознает характер и значение половых отношений.

В том случае, когда потерпевшая в силу малолетства не способна осознать значение половых отношений, она признается находящейся в беспомощном состоянии.

Так, С. был признан виновным в том, что он с августа по декабрь 1967 года неоднократно вступал в половые сношения с 13-летней Д., предварительно рассказав ей о половой жизни, беременности и применении противозачаточных средств, которыми она пользовалась. Д. заявила, что она любит С. и по достижении брачного возраста намерена вступить с ним в брак. По заключению судебно-медицинской экспертизы, потерпевшая по своему физическому развитию соответствует возрасту 13—

¹ Аналогичное мнение высказывал и Б. В. Даниэльбек, К вопросу о стадиях совершения половых преступлений и их юридической квалификации, «Труды научно-исследовательского института правовой защиты», Баку, 1969, стр. 403.

15 лет и половой зрелости не достигла. С. был осужден за изнасилование несовершеннолетней Верховным Судом Эстонской ССР. Протест Председателя Верховного Суда Эстонской ССР о переквалификации действий С. был отклонен Пленумом Верховного Суда Эстонской ССР, который в своем постановлении указал: «Судебная коллегия пришла к правильному выводу о том, что Д. по своему физическому и психическому развитию не отдавала отчета о последствиях полового акта и это беспомощное состояние потерпевшей использовал осужденный С.».

По данному делу Председателем Верховного Суда СССР был внесен протест в Пленум Верховного Суда СССР, который постановлением от 26 июня 1969 г. протест удовлетворил и квалифицировал преступления, совершенные С., как развратные действия и половое сношение с лицом, не достигшим 16-летнего возраста (ст.ст. 116, 117 УК Эстонской ССР), признав, что потерпевшая не находилась в беспомощном состоянии, знала о половой жизни раньше и что ни насилия, ни угроз по отношению к ней не применялось.

От совершения развратных действий с целью удовлетворения полового влечения рассматриваемое преступление отличается по характеру действий. Развратные действия могут быть самыми разнообразными, в том числе и имитирующими половой акт, но они не выражаются в форме полового сношения.

Если вступлению в половую связь с лицом, не достигшим половой зрелости, предшествовало развращение этого лица, то все совершенное должно квалифицироваться по совокупности по ст. ст. 119 и 120 УК РСФСР.

§ 3. Развратные действия

Уголовная ответственность за совершение развратных действий в отношении несовершеннолетних предусмотрена уголовными кодексами всех союзных республик.

Общественная опасность данного преступления заключается в нарушении нормального физического и психического развития несовершеннолетних, в их мораль-

ном развращении, в пробуждении у них раннего полового влечения, в развитии у них неправильного, с нравственной точки зрения, представления о половых отношениях, а иногда и отклонений от естественных норм половой жизни (гомосексуальные, мазохистские и т. п. тенденции).

При обследовании девочек с отклоняющимся от норм социалистической морали поведением, а также молодых женщин, вставших на путь проституции, во многих случаях устанавливалось, что эти лица подвергались еще в детстве развращающему воздействию взрослых.

Особая забота об охране подрастающего поколения заставляла наше государство рассматривать развращение несовершеннолетних как преступное деяние.

Так, еще УК РСФСР 1922 года в ст. 168 устанавливал, что «развращение малолетних или несовершеннолетних, совершенное путем развратных действий в отношении их, карается лишением свободы на срок до пяти лет». Эта норма была сохранена и в УК РСФСР 1926 года (ст. 152).

По действующему законодательству совершение развратных действий наказывается лишением свободы на срок до трех лет.

В общей массе половых преступлений развратные действия занимают относительно небольшое место. Так, по результатам нашего изучения динамики половых преступлений в Латвийской ССР за ряд лет развратные действия составляют в среднем 12,3% от общего числа половых преступлений. По данным Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, удельный вес осужденных составляет 13% от общего числа осужденных за половые преступления¹. По данным Г. М. Резника и Г. Забрянского, изучавших динамику половых преступлений в одном из районов Москвы, за четыре года развратные действия составили 14,9% от всех половых преступлений.

Диспозиции статей УК союзных республик определяют состав данного преступления неодинаково.

¹ А. А. Герцензон, Уголовное право и социология, стр. 78.

Так, УК РСФСР в ст. 120 предусматривает «развратные действия в отношении несовершеннолетних». Аналогично сформулированы соответствующие статьи в УК Белорусской (ст. 118), Азербайджанской (ст. 112), Латвийской (ст. 123) и Армянской (ст. 115) союзных республик.

Уголовные кодексы Украинской (ст. 121), Грузинской (ст. 120), Литовской (ст. 104), Таджикской (ст. 124), Туркменской (ст. 125) и Эстонской (ст. 117) союзных республик устанавливают ответственность за совершение развратных действий в отношении лиц, не достигших 16-летнего возраста.

Уголовные кодексы Узбекской (ст. 96), Казахской (ст. 103) и Киргизской (ст. 111) союзных республик предусматривают ответственность за совершение развратных действий в отношении малолетних. Поскольку термин «малолетние» в достаточной мере не определен, по-видимому, под малолетними следует понимать таких лиц, половое сношение с которыми могло бы рассматриваться как изнасилование с использованием беспомощного состояния потерпевшей. Такой вывод вытекает из следующих соображений: уголовные кодексы Казахской, Киргизской и Узбекской ССР предусматривают ответственность за половое сношение с лицом, не достигшим 16-летнего возраста, поэтому под малолетними в смысле указанных кодексов следует понимать лиц значительно моложе 16 лет, иначе законодателю не требовалось бы употреблять различные термины при описании однородных составов преступлений.

Таким образом, мы видим, что уголовные кодексы различных союзных республик не одинаково решают вопрос о потерпевшем от совершения развратных действий. Круг лиц, которые могут быть потерпевшими от этого преступления, очерчен или слишком узко (малолетние), или слишком широко (несовершеннолетние).

При этом следует обратить внимание на то, что в уголовных кодексах ряда союзных республик используются различные критерии при определении потерпевших от таких преступлений, как совершение развратных действий и незаконное половое сношение.

Так, по УК РСФСР, БССР, Армянской и Латвийской

СССР потерпевшими от развратных действий признаются несовершеннолетние лица, а потерпевшими от совершения незаконного полового сношения — лица, не достигшие половой зрелости или 16 лет.

Использование в уголовных кодексах различных критериев при определении потерпевших от половых преступлений создает серьезные затруднения для судебной практики.

Представляется, что было бы целесообразным определить потерпевшего от развратных действий, так же как и при незаконном половом сношении, как лицо, не достигшее половой зрелости или 16-летнего возраста.

Изучение судебной практики показывает, что факты осуждения за развращение несовершеннолетних в возрасте от 16 до 18 лет встречаются редко.

Так, по данным Я. М. Яковлева, все потерпевшие были в возрасте до 14 лет, а именно: от 5 до 6 лет — 11,1%; от 6 до 10 лет — 33,4%, от 10 до 12 лет — 33,3% и от 12 до 14 лет — 22,2%¹.

По нашим данным (100 изученных дел), потерпевших в возрасте до 14 лет оказалось 95%, от 14 до 16 — 4% и только в одном случае потерпевшей было около 17 лет.

Потерпевшими при совершении рассматриваемого преступления могут быть лица как женского, так и мужского пола. Чаще потерпевшими оказываются девочки малолетние или подросткового возраста.

В отношении мальчиков развратные действия могут совершаться как женщинами, так и мужчинами. В последнем случае в отличие от мужеложства не должен иметь место акт педерастии.

Так, по делу Р. было установлено, что он завел 7-летнего Олега В. в подвал дома, где обнажил его, щупал тело, обнимал и, обнажившись сам, вводил половой член в рот мальчику. Народным судом Советского района г. Минска Р. был осужден за совершение развратных действий по ст. 118 УК БССР. Также по ст. 118 УК БССР был осужден Р., который неоднократно совершал разв-

¹ Я. М. Яковлев, Половые преступления, стр. 289.

ратные действия как в отношении мальчиков, так и девочек.

С объективной стороны данное преступление характеризуется совершением физического воздействия сексуального характера в отношении несовершеннолетних или совершением действий, способных вызвать преждевременное возникновение полового чувства подростков, раскрывающих перед ними половые отношения в циничной, грубой, опошленной форме.

В литературе по-разному трактовались развратные действия. Одни авторы считали, что состав данного преступления образуют только физические действия сексуального характера в отношении несовершеннолетних¹, другие полагали, что понятием развратных действий охватывается и интеллектуальное развращение².

С точки зрения охраны интересов несовершеннолетних и укрепления принципов социалистической половой морали, необходимо понимать развратные действия в широком смысле и как физическое, и как интеллектуальное развращение несовершеннолетних.

Термин «развратные действия», используемый советским уголовным законодательством, не совсем удачный, так как он может породить мнение о том, что подразумеваются только физические сексуальные действия. Термин «развращение» нам кажется более емким и точным. Поэтому замена формулировки «развратные действия в отношении несовершеннолетних» другой «развращение несовершеннолетних» способствовала бы единообразному пониманию и применению закона.

Физические действия сексуального характера (в русском дореволюционном праве именовавшиеся любо-страстными) могут быть самыми разнообразными, совершаемыми с целью удовлетворения половой потребности виновного или потерпевшего, но не в форме полового сношения.

¹ Ю. К. Сущенко, указ. автореферат канд. дисс., стр. 12—13; «Курс советского уголовного права», «Наука», М., 1971, стр. 174.

² «Советское уголовное право, часть Особенная», М., 1965, стр. 165; «Комментарий к УК РСФСР», под ред. Б. С. Никифорова, М., 1964, стр. 281; «Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР», «Юридическая литература», 1971, стр. 285; Я. М. Яковлев, указ. работа, стр. 290—291.

М. И. Ковалев высказывает мнение, что в случаях, «когда взрослые женщины совершают половой акт с малолетними мальчиками, такие действия следует квалифицировать как развращение малолетних, так как подобные действия нельзя назвать половым сношением в буквальном смысле этого слова»¹.

С этой точкой зрения нельзя согласиться. Автор проявляет непоследовательность, называя, с одной стороны, рассматриваемые действия половым актом, а с другой — не признавая их таковыми. Если совершен половой акт с малолетним, независимо от физиологических особенностей (глубина проникновения во влагалище, наступление оргазма и эякуляции), то такие действия следует рассматривать как половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости.

Развратными могут признаваться только такие способы удовлетворения половой потребности, которые не связаны с совершением полового сношения.

«Практически развратным действием является такое поведение лиц, принадлежащих к разным полам, которое направлено на удовлетворение половой потребности без полового сношения... Такое действие часто является подготовкой к половому сношению, служит его интенсивности или является его спутником. В то же время не всякое поведение, вызывающее половое раздражение, является развратным действием — например, поцелуй»².

Наиболее распространенными формами развратных действий являются обнажение и ощупывание тела потерпевшего, проникновение в женские половые органы рукой, прикосновение мужским половым членом к телу другого человека. Так, М. был осужден Московским городским судом по ст. 120 УК РСФСР за то, что он, подойдя на улице к девятилетней девочке, трогал пальцем ее половые органы и повредил девственную плеву.

К. был осужден народным судом Заводского района г. Минска по ст. 118 УК БССР за то, что он раздевал

¹ «Уголовный кодекс РСФСР, Особенная часть», Свердловск, 1962, стр. 182.

² Э. Грайтлер, Нормы уголовного кодекса о преступлениях против половой морали, «Обзор венгерского права» 1964 г. № 1, стр. 21.

шестилетнюю девочку, трогал руками ее половые органы, разделся сам и заставил ее взять в руки свой половой член.

Развратные действия могут выражаться и в показе подросткам порнографических изображений, циничных рассказах на сексуальные темы. Так, М. был признан виновным в том, что он неоднократно обнажал свои половые органы в присутствии девятилетней дочери и ее восьмилетней подруги, а когда они убегали в другую комнату, рисовал и подсовывал им под дверь изображения половых органов с циничными и похабными надписями. М. был осужден за совершение развратных действий.

Следует расценивать как развратные действия и совершение половых актов и различных сексуальных действий в присутствии малолетних и подростков, что является формой интеллектуального развращения.

Правильно был осужден за совершение развратных действий Б., который в присутствии двух подростков, 15 и 12 лет, совершал сексуальные действия с женщиной, обнажал ее, показывал подросткам ее половые органы, а затем вступил с ней в половую связь.

При совершении физических развратных действий потерпевшим может причиняться тот или иной физический вред, а иногда и телесные повреждения различной тяжести.

Правила судебно-медицинской акушерско-гинекологической экспертизы 1966 года к признакам развратных действий относят: «Покраснение слизистой оболочки, надрывы и разрывы девственной плевы; кровоизлияния в толщу, по краю или у основания ее, трещины, надрывы, царапины и кровоизлияния на слизистой оболочке наружных половых органов, в частности в области малых губ, клитора, наружного отверстия мочеиспускательного канала, различные повреждения в области лобка, промежности, заднего прохода и т. д.»¹.

М. Г. Сердюков также отмечает, что «следы развратных действий иногда могут быть в виде повреждений полости рта (надрывы губ, губных спаек, издечки, язы-

¹ См. «Правила судебно-медицинской акушерско-гинекологической экспертизы», стр. 14.

ка), иногда в виде наличия шикерной язвы и эскориаций вокруг заднего прохода»¹.

Поскольку причинение легких телесных повреждений при совершении определенных физических развратных действий является типическим явлением, присущим этим действиям, оно не требует квалификации по совокупности. Причинение же в процессе совершения развратных действий менее тяжких или тяжких телесных повреждений данным составом не охватывается и требует квалификации всего содеянного по совокупности.

Также по совокупности должно быть квалифицировано причинение телесных повреждений в результате применения насилия, которым сопровождались развратные действия.

Что же касается самого факта применения насилия физического или психического, то, поскольку в законодательстве союзных республик не выделяется квалифицированный состав совершения развратных действий, судебная практика идет по пути квалификации их по ст. 120 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

Это приводит к необоснованному мягкому осуждению лиц, совершающих преступления повышенной общественной опасности.

Так, Б., совершая развратные действия в отношении малолетнего мальчика и заставляя его брать в рот половой член, бил его по губам, щипал за щеки. Б. был осужден за совершение развратных действий к двум годам лишения свободы.

С субъективной стороны развратные действия характеризуются умышленной виной. Виновный сознает, что совершает развратные сексуальные действия в отношении несовершеннолетних. Цель развращения несовершеннолетних может и отсутствовать, если преступник преследует цель удовлетворения своей половой страсти.

Другое мнение высказывают авторы Комментария к УК РСФСР, которые пишут: «С субъективной стороны ст. 120 предполагает, что виновный сознавал, что совершает развратные действия в отношении несовершенно-

¹ М. Г. Сердюков, Судебная гинекология и судебное акушерство, Медгиз, М., 1964, стр. 84.

летнего, и желал либо сознательно допускал подобный характер своих действий»¹.

М. Д. Шаргородский, комментируя УК РСФСР, приходит к выводу, что данное «преступление предполагает наличие прямого умысла»².

Представляется, что субъективное отношение виновного к возрасту потерпевшего может выражаться в форме как прямого, так и косвенного умысла³, т. е. он должен или знать, что потерпевший несовершеннолетний, или, допуская такую возможность, безразлично относиться к возрасту потерпевшего.

С учетом высказанных выше соображений о несоответствии критериев при определении потерпевших от половых преступлений в уголовных кодексах различных союзных республик представляется желательным заменить признак несовершеннолетия недостижением половой зрелости или возрастом в 16 лет.

Субъектом совершения развратных действий могут быть как мужчины, так и женщины, хотя последние совершают это преступление значительно реже. Из 50 лиц, осужденных за совершение развратных действий, женщины составляли только 10%.

Лица, совершившие развратные действия, характеризуются следующими данными.

По возрасту: до 18 лет	— 40%,
от 18 до 25 лет	— 20%,
от 25 до 40 лет	— 28%,
свыше 40 лет	— 48%.

По образованию:

с образованием ниже 7 классов	— 30%,
с образованием в объеме 7 классов	— 28%,
с неполным средним и средним образованием	— 38%,
с незаконченным высшим и высшим образованием	— 4%.

¹ «Научно-практической комментарий Уголовного кодекса РСФСР (издание второе)», «Юридическая литература», 1964, стр. 281.

² «Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий», ЛГУ, 1962, стр. 238.

³ Такого же мнения придерживаются авторы Комментария к УК РСФСР. См. «Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР», «Юридическая литература», 1971, стр. 255.

В нетрезвом состоянии преступление совершили 40% осужденных.

20% лиц, совершивших развратные действия, были ранее судимы, в том числе 8% за половые преступления.

Отрицательно характеризовались по поведению в быту 80% осужденных за развратные действия.

У 40% этих лиц имелись различные отклонения в психической и половой сфере.

По данным Я. М. Яковлева, 57,5% осужденных за развратные действия совершили преступление в возрасте старше 40 лет¹.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что развратные действия в основном совершают мужчины, отрицательно характеризующиеся по предшествующему поведению. Половина этих лиц — люди пожилого возраста.

Среди совершающих развратные действия значительно больший процент лиц, страдающих психическими и половыми отклонениями (импотенция различной степени), по сравнению с виновными в других половых преступлениях.

Известные трудности в судебной практике вызывает отграничение случаев совершения развратных действий в отношении несовершеннолетних, особенно малолетних, от покушения на изнасилование.

При установлении различий в составах данных преступлений необходимо учитывать и характер действий, и особенно направленность умысла виновного. С объективной стороны преступление, предусмотренное ст. 120 УК РСФСР, охватывает более широкий круг действий, чем покушение на изнасилование. Однако по объективным признакам некоторые действия при развращении и покушении на изнасилование внешне могут казаться одинаковыми, например обнажение и ощупывание тела потерпевшей. В этом случае главное значение имеют точное определение субъективной стороны преступления, установление содержания и направленности умысла виновного.

При покушении на изнасилование преступник желает совершить половое сношение с потерпевшей и его

¹ Я. М. Яковлев, Половые преступления, стр. 294.

умыслом охватывается совершение таких действий, которые обеспечивают возможность полового акта против воли потерпевшей.

При совершении развратных действий виновный намерен удовлетворить свою половую страсть или добиться полового возбуждения иными способами, помимо полового сношения. Поэтому в данном случае умысел виновного не направлен на совершение полового акта. Приговором Ставропольского краевого суда Д. был осужден за изнасилование несовершеннолетней. По делу установлено, что Д., находясь в нетрезвом состоянии, завел к себе в комнату девочку Таню пяти с половиной лет и, закрыв дверь на ключ, раздел ее, намазал промежность вазелином, прикасался к ее половому органу пальцем и половым членом. Затем Д. вытер промежность девочки тряпкой, одел ее и стал развлекать. Пришедшая мать девочки забрала ее домой. В заключении судебно-медицинской экспертизы по делу отмечается, что девственная плева не нарушена, в преддверии влагалища три кровоподтека и одна ссадина. Пленум Верховного Суда СССР переквалифицировал преступление, совершенное Д., на ст. 120 УК РСФСР, указав, что действия Д. квалифицированы как изнасилование без достаточных оснований и что он виновен только в совершении развратных действий.

Одним из серьезных доказательств направленности умысла виновного только на развращение несовершеннолетней является несовершение полового акта с ней при наличии объективной к тому возможности.

Например, Костромским областным судом С. был осужден по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР за изнасилование своей падчерицы восьми лет. Судебно-медицинской экспертизой по делу установлено, что у потерпевшей имеются точечные ссадины на девственной плеве, покраснение слизистой преддверия влагалища, мелкие свежие разрывы в области заднепроходного отверстия. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР переквалифицировала преступление на ст. 120 УК РСФСР, указав, что, поскольку девственная плева у С. не нарушена, а имеются только ссадины, нельзя признать половой акт совершенным. Вместе с тем, поскольку при совершении преступления не было близости других лиц, С. мог довести до конца изнасилова-

ние, однако этого не сделал. Верховный Суд РСФСР признал, что по делу не имеется достаточных данных, подтверждающих попытку к изнасилованию.

Следует также иметь в виду, что, когда преступник совершил развратные действия в отношении несовершеннолетней, напоминая покушение на изнасилование, но данных, с достоверностью устанавливающих его намерение совершить насильственный половой акт, не имеется, виновный должен привлекаться к ответственности по ст. 120 УК РСФСР. При недоказанности умысла на совершение более тяжкого преступления, в данном случае покушения на изнасилование, ответственность должна наступать за действия, образующие состав самостоятельного менее тяжкого преступления, в данном случае развратные действия.

Так, З. был признан виновным в том, что он с применением силы затащил в свою комнату 15-летнюю соседку, страдавшую умственной отсталостью, разделся сам и раздел девочку, ложился на нее, водил половым членом по ее телу. После этого З. просил потерпевшую никому не говорить о случившемся и обещал купить конфет и сводить в ресторан.

Действия З. напоминали покушение на изнасилование, однако умысла на совершение этого преступления не установлено.

Отличая развратные действия от покушения на изнасилование, вместе с тем необходимо иметь в виду, что в практике встречаются случаи, когда изнасилованию несовершеннолетней предшествует развращение ее. Такие случаи должны рассматриваться как реальная совокупность развратных действий и изнасилования и квалифицироваться по ст.ст. 120 и 117 УК РСФСР. Например, Краснодарским краевым судом был осужден по ст. 120 и ч. 3 ст. 117 УК РСФСР П., который в течение нескольких лет занимался развратными действиями в отношении несовершеннолетней дочери своей сожительницы К., а затем несколько раз с применением физического насилия вступал с ней в половые сношения. Таким образом, по данному делу видно, что развратные действия и изнасилование, совершенные в разное время, образуют самостоятельные преступления.

Когда развратные действия непосредственно предшествуют акту изнасилования и являются пригото-

нием
тивн
лифи
О
совер
шенн
бую
ления
вания
дейст
ским
несов
призн
С., ис
В да
деяни

§ 4. М
несов

По
ловств
ется
ния. С
ответс
ся, го
сметр
Ос
ношен
го в м
гомосе
серьез
Так
ного в
развит
кает ос
И.
ствие
изврац

1 Е.
2 И.
состояни

нием к этому преступлению, они охватываются объективной стороной изнасилования и дополнительной квалификации по ст. 120 УК РСФСР не требуют.

Однако возможны случаи, когда изнасилование и совершение развратных действий в отношении несовершеннолетних могут образовать так называемую идеальную совокупность. Такая оценка совершенного преступления будет иметь место тогда, когда сам акт изнасилования одного лица рассматривается как развратные действия в отношении других лиц. Например, Костромским областным судом был осужден за изнасилование несовершеннолетней и развратные действия М., который признан виновным в том, что изнасиловал 12-летнюю С., используя ее слабоумие, в присутствии других детей. В данном случае суд правильно расценил совершенное деяние как идеальную совокупность преступления.

§ 4. Мужеложство в отношении несовершеннолетних

По уголовным кодексам союзных республик мужеложство в отношении несовершеннолетних рассматривается как квалифицированный вид данного преступления. Следует отметить, что в тех странах, где уголовная ответственность за гомосексуализм не предусматривается, гомосексуальные связи с несовершеннолетними рассматриваются как преступление.

Особая опасность мужеложства, совершаемого в отношении несовершеннолетних, заключается прежде всего в моральном развращении юношей, привитии им гомосексуальных влечений, а также в причинении им серьезного физического вреда.

Так, Кноблех писал, что если в результате преступного воздействия происходит нарушение нормального развития, то вместо гетеросексуального чувства возникает основа для развития гомосексуализма¹.

И. Г. Блюмин считает, что гомосексуальное воздействие в период полового созревания может привести к извращению полового чувства².

¹ Е. Кноблех, Душа и преступление, 1948.

² И. Г. Блюмин, Судебно-медицинская экспертиза половых состояний мужчин, М., 1967.

Изучение практики показывает, что чаще всего мужеложство совершается в отношении несовершеннолетних. Из 100 дел о мужеложстве, изученных автором, в 82 случаях преступление совершалось в отношении несовершеннолетних. По данным Я. М. Яковлева, мужеложство в отношении несовершеннолетних имело место в 94,5% случаев¹.

Поскольку под мужеложством понимается только определенная форма полового общения мужчины с мужчиной (педерастия), иные контакты гомосексуального характера взрослого мужчины с несовершеннолетним должны рассматриваться как совершение развратных действий.

Так, по делу Л. было установлено, что он в вагонах поездов и на улицах городов Бологое, Ржева, Нелидова, Торжка, Конакова завязывал знакомства с мальчиками и подростками, а затем в номерах гостиниц или укромных местах совершал в отношении них развратные действия, выражавшиеся в том, что Л. возбуждал свои половые органы, вводя их в соприкосновение с телом потерпевшего, и при этом пытался вызвать соответствующую реакцию и у потерпевшего. Эти действия Л. были правильно квалифицированы по ст. 120 УК РСФСР.

Иногда акту мужеложства в отношении несовершеннолетнего предшествует совершение развратных действий, носящих характер подготовки к последующему акту. Все содеянное в этих случаях должно рассматриваться как единое преступление — квалифицированное мужеложство. Неправильно было бы также оценивать сам факт мужеложства как идеальную совокупность мужеложства и развратных действий. Так, нельзя согласиться с квалификацией народным судом г. Ржева Калининской области действий Л., который совершил несколько раз акты мужеложства со своим пасынком восьми лет, как мужеложства и развратных действий. В приговоре суд указал, что, «совершив неоднократно, с использованием насилия и беспомощности ребенка, мужеложство с ним и одновременно тем самым развращая ребенка, Л. совершил одновременно два преступления».

¹ Я. М. Яковлев, Половые преступления, стр. 329.

Элемент развращения несовершеннолетних имеется при совершении в отношении них любых половых преступлений, в том числе изнасилования и мужеложства, однако это последствие, органически присущее самому характеру совершаемых действий, охватывается составом соответствующих преступлений и учитывается законодателем при установлении санкции за их совершение.

Квалификация по совокупности мужеложства (ст. 121 УК РСФСР) и развратных действий (ст. 120 УК РСФСР) возможна как в случаях реальной совокупности, т. е. когда виновный, помимо мужеложства, совершил еще и развратные действия, в отношении того же потерпевшего или других лиц, так и при идеальной совокупности, когда, например, виновный совершил акт мужеложства на глазах несовершеннолетних.

По делу Л. было установлено, что он, помимо совершения развратных действий с мальчиками, с одним из них совершал также несколько раз акты мужеложства. Л. был правильно осужден по ст. 120 и ч. 2 ст. 121 УК РСФСР (реальная совокупность).

С субъективной стороны данное преступление, как и изнасилование несовершеннолетней, может быть совершено только умышленно.

В содержании умысла включается сознание виновным, что акт мужеложства совершается в отношении несовершеннолетнего. Если из обстоятельства дела видно, что субъект, совершая акт мужеложства с несовершеннолетним, добросовестно заблуждался относительно его возраста, полагая, что имеет дело с совершеннолетним лицом, виновный не может нести ответственность по ч. 2 ст. 121 УК РСФСР.

Поскольку закон говорит: «Мужеложство в отношении несовершеннолетнего», а не «мужеложство с несовершеннолетним», логично будет полагать, что по смыслу закона повышенная ответственность за мужеложство наступает только в тех случаях, когда несовершеннолетний используется как пассивный партнер мужеложства. Поэтому, если несовершеннолетний совершает по добровольному согласию акт мужеложства с совершеннолетним в качестве активного партнера, пассивный взрослый участник не должен привлекаться к ответственности по ч. 2 ст. 121 УК РСФСР.

В тех случаях, когда несовершеннолетние в возрасте от 16 до 18 лет совершают акты мужеложства в отношении малолетних мальчиков в соответствии с законом (ст. 10 УК РСФСР), они могут быть привлечены к ответственности по ч. 2 ст. 121 УК РСФСР. Нельзя согласиться с мнением Я. М. Яковлева о том, что в тех случаях, когда несовершеннолетний выполняет роль активного партнера, он подлежит ответственности на общих основаниях. Пассивный же партнер, не достигший 18-летнего возраста, к ответственности привлечен быть не может, независимо от того, дал ли он согласие на мужеложство или нет¹.

При решении вопроса об ответственности надо учитывать соотношение возрастов несовершеннолетних и инициативу в организации гомосексуальной связи, а не характер действий при гомосексуальных отношениях. Однако нужно отметить, что уголовно-правовая репрессия должна служить далеко не главным средством в борьбе с проявлением гомосексуализма у несовершеннолетних. Как правило, мы считаем нецелесообразным привлечение несовершеннолетних к уголовной ответственности за мужеложство. В отношении несовершеннолетних, уличенных в мужеложстве, должны в первую очередь применяться меры медицинского и воспитательного характера.

§ 5. Вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией

Вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией нарушает основные нравственные принципы социалистического общества в области половых отношений и посягает на нормальное физическое и моральное развитие несовершеннолетних, поскольку начало и беспорядочное ведение половой жизни наносит существенный вред здоровью несовершеннолетней, ведет к ее моральному разложению.

Вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией является глубоко аморальным явлением и сущест-

¹ Я. М. Яковлев, Ответственность за мужеложство по советскому уголовному праву, «Вопросы криминалистики и криминологии», Душанбе, 1966, стр. 55.

венно
по в
совер
Со
чение
весьм
Та
миссия
вала
ности
престу
нение
враще
По
летних
рованн
ции (ч.
ностью
летних
апреля
несовер
валось
занятию
на срок
В бо
республ
проститу
и иную
специали
Тольк
и Эстон
ответств
нятие пр
(ст. 224)
ние несо
В отл
проститу
ни¹ и, по с
социальн

венно нарушает интересы социалистического общества по воспитанию физически здорового и нравственно совершенного молодого поколения.

Советское государство всегда рассматривало вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией как весьма общественно опасное деяние.

Так, уже в 1920 году была издана Инструкция комиссиям по делам несовершеннолетних, которая обязывала эти комиссии привлекать к судебной ответственности взрослых за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность, а также за сводничество, склонение несовершеннолетних к проституции и половым извращениям.

По УК РСФСР 1922 года вовлечение несовершеннолетних в проституцию рассматривалось как квалифицированный состав вербовки женщин для целей проституции (ч. 2 ст. 171). Большое значение в борьбе с преступностью и антиобщественным поведением несовершеннолетних имело постановление ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних». В ст. 2 постановления рекомендовалось уличенных в понуждении несовершеннолетних к занятию проституцией карать тюремным заключением на срок не ниже пяти лет.

В большинстве новых уголовных кодексов союзных республик вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией, так же как и вовлечение их в преступную и иную антиобщественную деятельность, предусмотрено специальной статьей (ст. 210 УК РСФСР).

Только Уголовные кодексы Армянской, Латвийской и Эстонской союзных республик не предусматривают ответственности за вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией. Уголовный кодекс Молдавской ССР (ст. 224) предусматривает ответственность за вовлечение несовершеннолетних в разврат.

В отличие от буржуазного общества, для которого проституция является необходимой частью образа жизни¹ и, по словам Августа Бебеля, является «необходимым социальным учреждением, подобно полиции, постоянно-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 337, 443—444.

му войску, церкви, предпринимательству»¹, в Советском Союзе массовая проституция ликвидирована.

Однако факты проституирования со стороны отдельных женщин, как правило, морально опустившихся, злоупотребляющих алкоголем, еще полностью не изжиты.

Борьба с этими антиобщественными и аморальными проявлениями ведется мерами административного и общественного воздействия. Уголовной ответственности за проституцию советское право не предусматривает.

Уголовная ответственность установлена только за действия, способствующие развитию проституции, а именно за вовлечение несовершеннолетних в занятия проституцией, за сводничество с корыстной целью и за содержание притонов разврата.

Для правильного понимания состава вовлечения несовершеннолетних в занятие проституцией необходимо определить само понятие проституции.

В литературе проституция чаще всего определяется как торговля женским телом, например: «проституция, т. е. торговля своим телом, как объектом удовлетворения полового инстинкта»².

Броннер и Елистратов указывают, что «для определения понятия проституции необходимо установить следующие ее признаки: элемент открытой купли и продажи женского тела, отсутствие у женщины свободного полового выбора и доступность ее всякому желающему обладать ею за материальное вознаграждение»³. Критерии, выдвинутые Броннером и Елистратовым, представляются слишком жесткими. При проституции может быть и завуалированная продажа женского тела: женщина, занимающаяся проституцией, может быть доступной не каждому и допускать известный выбор партнеров.

Существенными признаками проституции являются беспорядочность половых связей и материальное вознаграждение.

¹ А. Бебель, Женщина и социализм, Госполитиздат, 1959, стр. 227.

² «Энциклопедия государства и права, под ред. П. Стучки», т. 3, М., 1925—1927 гг., стр. 441.

³ В. М. Броннер, А. И. Елистратов, Проституция в России, М., 1927, стр. 85.

Американский исследователь Клиффорд признает проституткой женщину, которая активно продает себя для половых сношений более или менее неразборчиво.

При исследовании проституции были сделаны попытки и более широкого определения. Так, Уолстон считает проституткой женщину, которая практикует беспорядочное распутство за вознаграждение.

Мы считаем, что женщина совершает акт проституции, если она соглашается удовлетворить половую потребность мужчины путем полового сношения или иных сексуальных действий за обусловленное вознаграждение.

Занятие проституцией представляет собой систематическое вступление в половые отношения с различными мужчинами за обусловленное вознаграждение.

Этим проституция отличается от аморального поведения, когда женщина ведет беспорядочную половую жизнь, часто меняя партнеров и получая материальную выгоду в виде угощения и подарков.

Е. А. Худяков пишет, что «проституция означает предоставление женщиной своего тела за вознаграждение лицам, ищущим удовлетворения полового влечения. Признаком, отличающим проституцию от других видов разврата, от беспорядочных половых связей и т. п., является получаемое проституткой вознаграждение. Отсутствие этого признака означает отсутствие проституции»¹.

Он делает акцент в определении проституции на признак вознаграждения. Представляется, что это не совсем верно. Действительно, без вознаграждения не может быть проституции, но получение женщиной вознаграждения за половую связь с мужчиной еще не дает основания признавать ее проституткой. Женщина, поддерживающая интимные отношения с несколькими мужчинами и получающая от них подарки и иные материальные выгоды (Худяков допускает, что вознаграждение не обязательно должно выражаться в денежной форме) или часто меняющая партнеров и имеющая от половых связей материальную выгоду, еще не проститутка.

¹ Е. Я. Худяков, Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность, автореферат канд. дисс., М., 1967, стр. 9.

Основным признаком проституции является то, что женщина вступает в половую связь или иные сексуальные отношения с мужчиной под условием получения материального вознаграждения. Характерным для проституции является и беспорядочная смена партнеров, исключающая проявления эмоционального отношения. Согласие проститутки на половые сношения определяет не половое влечение, а материальное вознаграждение.

Вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией заключается в склонении или принуждении девушки, не достигшей 18-летнего возраста, к занятию проституцией.

Склонение несовершеннолетней к занятию проституцией может выражаться в уговорах, обещаниях каких-либо выгод. Нередко вовлечению несовершеннолетней в занятия проституцией предшествует ее моральное разращение виновным. Так, П., познакомившись с несовершеннолетней Л., оставшейся без родителей и необходимого надзора со стороны взрослых (жила с братом, который не уделял ей внимания, школу бросила), стал приглашать ее на вечеринки с танцами и выпивкой, затем стал с ней сожительствовать. Позднее, когда Л. сообщила П., что очень нуждается в деньгах, он предложил ей вступить в половую связь за вознаграждение со своим знакомым Б. На протяжении двух лет П. систематически водил в компанию своих знакомых мужчин несовершеннолетнюю К., пытался вовлечь ее в половую связь с мужчинами, обещая за это денежное вознаграждение. П. говорил К., что если она хочет быть хорошо одетой, то ей следует быть в компании, где за беспорядочные половые связи платят деньги. Затем П. познакомился с Т. и систематически возил ее в разные компании своих знакомых мужчин, где Т. за денежную плату вступала с мужчинами в половые отношения. П. был осужден по ст. 210 УК РСФСР.

Вовлечение несовершеннолетней в занятие проституцией путем принуждения выражается в запугивании потерпевшей, дурном и жестоком с ней обращении, отказе в материальной помощи и других действиях, ухудшающих ее положение.

При вовлечении несовершеннолетней в занятие проституцией путем принуждения виновный использует ма-

териальную или иную зависимость потерпевшей или родственные с ней отношения.

Состав вовлечения несовершеннолетних в занятие проституцией будет иметь место и в том случае, когда виновный способствует в занятии проституцией несовершеннолетней девушке, уже ставшей на этот путь. Так, шофер такси О. вовлек в занятие проституцией несовершеннолетнюю С. После увольнения с работы О. познакомил С. со своим приятелем — шофером такси Ф. для того, чтобы обеспечить С. возможность продолжать заниматься проституцией. Ф. подыскивал для С. мужчин и предоставлял автомашину для совершения половых актов. Ф. обоснованно был привлечен к ответственности по ст. 210 УК РСФСР.

С субъективной стороны рассматриваемое преступление характеризуется виной в форме прямого умысла. Виновный должен сознавать, что вовлекает в занятие проституцией несовершеннолетнюю девушку, и желать, чтобы она стала заниматься проституцией.

Если виновный объективно способствовал тому, что несовершеннолетняя стала на путь проституции, но не имел намерения вовлечь ее в занятие проституцией и не предпринимал с этой целью конкретных действий, состав анализируемого преступления отсутствует.

Например, субъект сожительствовал с несовершеннолетней, морально развращал ее, а затем бросил и последняя стала заниматься проституцией. В этом случае лицо может нести ответственность за фактически совершенные действия, образующие состав самостоятельного преступления, например за половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости, или за развратные действия в отношении несовершеннолетних.

Вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией большей частью совершается по корыстным мотивам, когда виновный стремится извлекать материальную выгоду, подыскивая девушкам, занимающимся проституцией, клиентов или создавая условия для половых сношений, как, например, в деле шофера такси Ф., который предоставлял автомашину для занятия развратом.

Однако корыстная цель не является обязательным элементом состава данного преступления.

Субъектом вовлечения несовершеннолетних в занятие проституцией могут быть совершеннолетние мужчины и

женщины. По нашему мнению, склонение несовершеннолетней к занятию проституцией со стороны несовершеннолетнего лица следует рассматривать как аморальное поведение, а не уголовное преступление.

По нашим данным, число осужденных за данное преступление мужчин и женщин распределяется поровну.

Все эти лица характеризуются отрицательным поведением.

Женщины в большинстве случаев сами занимаются или занимались в прошлом проституцией, а мужчины вели аморальный, развратный образ жизни. Встречались случаи, когда вовлекали несовершеннолетних в занятие проституцией содержатели притонов разврата.

Вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией нередко сопровождается совершением других преступлений против половой нравственности (половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости, развратные действия в отношении несовершеннолетних, содержание притона разврата или сводничество с корыстной целью).

В этих случаях совершенные преступные деяния необходимо квалифицировать по совокупности.

Так, по делу Б. было установлено, что он неоднократно совершал развратные действия в отношении двух несовершеннолетних девушек Н. и Р., а затем вступил с ними в половую связь, причем Н. оказалась не достигшей половой зрелости. Позднее Б. начал знакомить Н. и Р. с мужчинами, предлагая вступать с ними в половые связи за вознаграждение. Б. был осужден по ст. ст. 119, 120 и 210 УК РСФСР.

ПОЛОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, НАРУШАЮЩИЕ ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПОЛОВОЙ МОРАЛИ

§ 1. Мужеложство

Мужеложство является одной из форм мужского гомосексуализма. Термин «гомосексуализм» означает половое влечение к лицу того же пола и происходит от греческого «гомо» (одинаковый) и латинского «секус» (пол).

Гомосексуализм как явление был известен еще в глубокой древности и встречался у различных народов. Гомосексуализм имеет известное распространение и в настоящее время. Так, по данным А. Кинси, более 6 млн., т. е. 37%, одиноких мужчин в США имеют гомосексуальные контакты¹ и около 20% женщин в возрасте до 45 лет имеют гомосексуальный опыт².

Конечно, не все эти лица являются гомосексуалистами, многие из них только случайно и редко допускали гомосексуальные контакты, некоторые были бисексуальны, и только некоторая часть представляет гомосексуалистов в своей основе.

По данным различных исследований, от 2% до 5% населения являются гомосексуалистами³.

Это составляет значительное число лиц, поэтому неподкрепленное никакими данными утверждение Я. М.

¹ A. Kinsey, op. cit., p. 663.

² Ibid., p. 452.

³ «Большая Советская Энциклопедия», М., 1930, стр. 594.
Ninth international congress on penal law Proceedings, The Hague, 1964, p. 208.

Яковлева о почти полном исчезновении гомосексуализма в нашей стране¹ вызывает серьезные сомнения.

Вопрос о наказуемости гомосексуальных отношений решался по-разному в различных странах², что объяснялось в первую очередь различными религиозными и морально-этическими воззрениями.

Вопросу изучения природы гомосексуализма в советской медицине и социологии до последнего времени уделялось недостаточно внимания. Нужно отметить, что в зарубежных странах эта проблема исследовалась очень интенсивно и имеется обширная литература по теме.

По поводу происхождения гомосексуализма имеются две основные концепции. Одна рассматривает это половое извращение как носящее врожденный, наследственный характер (Крафт-Эбинг, 1898; Шарко, 1882; С. Вестфаль, 1876; А. Моль, 1893; Г. Эллис, 1909; Тарновский, 1885), другая — как имеющие условно-рефлекторную природу (В. М. Бехтерев, 1915; С. С. Корсаков, 1901; Н. В. Иванов, 1966 и др.).

В настоящее время можно считать установленным, что определенное число людей страдает прирожденным извращением полового чувства. Среди них встречаются так называемые транссексуалисты, т. е. лица, которые, обладая анатомическим строением определенного пола, имеют психический склад другого пола и рассматривают себя как лицо другого пола. При определенных условиях таким лицам производились хирургические операции с целью анатомического изменения пола. Такие факты имели место и у нас, и в Чехословакии³, и в других странах.

В значительной части развитие гомосексуальных наклонностей носит социально обусловленный характер и связано с гомосексуальным воздействием в периоде полового созревания и с условиями воспитания.

Представляется правильным утверждение Е. А. По-

¹ Я. М. Яковлев, Половые преступления, стр. 320.

² См. об истории ответственности гомосексуализма Я. М. Яковлев, Половые преступления, стр. 305—310.

³ Р. Клужак, Хирургическая трансформация пола при женском транссексуализме, *Acta chirurgiae plastical*, 1968, № 10, стр. 175—184.

пова, считающего, что гомосексуализм может быть и прирожденной аберацией и приобретенным уклонением¹. Однако, по-видимому, более предрасположены к гомосексуальному воздействию лица с некоторыми психическими отклонениями.

Так, исследования Е. М. Деривинской свидетельствуют о том, что «гомосексуалисты в большинстве случаев являются психопатическими личностями»².

И. Г. Блюмин отмечает, что «среди гомосексуалистов значительно чаще, чем в населении, встречаются больные шизофренией»³.

Проявления гомосексуальных тенденций могут явиться и результатом половой пресыщенности, разврата, свидетельством крайнего морального разложения.

Действующее советское уголовное законодательство устанавливает ответственность только за мужеложство (термин введен Воинскими артикулами Петра I). В советском уголовном праве ответственность за мужеложство была установлена в 1934 году.

Женский гомосексуализм, так называемая лесбийская любовь, не рассматривается как преступление.

Вопрос о наказуемости гомосексуализма является дискуссионным. Если не вызывает сомнений, что насильственный гомосексуализм, гомосексуальная связь с несовершеннолетними, гомосексуальные акты, совершаемые в общественных местах или при других обстоятельствах, оскорбляющих общественную нравственность, должны влечь уголовную ответственность, то вызывает большие сомнения целесообразность наказуемости добровольной гомосексуальной связи взрослых людей.

В обширной медицинской и юридической литературе, как отечественной, так и зарубежной, доказывалось, что такие гомосексуальные связи не представляют общественной опасности и не наносят ущерб государст-

¹ Е. А. Попов, О классификации половых извращений (кн. «Проблемы психиатрии и психопатологии», Биомедгиз, 1935, стр. 527).

² Е. М. Деривинская, Об отношении гомосексуализма к психопатиям, «Вопросы психиатрии, психотерапии, сексологии», Караганда, 1967, стр. 115.

³ И. Г. Блюмин, Материалы к экспертизе половых состояний, автореферат канд. дисс., М., 1970, стр. 6.

ву¹. Также доказывалось, что борьба с таким явлением, как гомосексуализм, мерами уголовной репрессии неэффективна, так как в случае патологического характера она бесполезна, а в иных случаях содержание гомосексуалиста в заключении с лицами одного с ним пола может только закрепить гомосексуальные тенденции². Запрещение уголовным законом препятствует гомосексуалистам обращаться к врачам и подвергаться лечению. На IX Международном конгрессе уголовного права в Гааге в 1964 году была принята резолюция о том, что гомосексуальное поведение не должно запрещаться, кроме следующих случаев: а) когда применялось насилие, б) несовершеннолетние вовлекались в гомосексуализм взрослыми, в) лицо использует свое положение и вовлекает в гомосексуальную связь опекаемого или иное лицо, о котором поручена забота, г) гомосексуальное поведение совершается открыто и д) имеет место гомосексуальное сводничество³.

Этим рекомендациям последовало много государств, и за последние годы уголовная ответственность за добровольные гомосексуальные связи (в том числе и мужеложство) взрослых людей была отменена, например, в ФРГ, Англии, Болгарии, ГДР. В настоящее время ни одно из европейских социалистических государств, кроме Советского Союза, не устанавливает уголовной ответственности за добровольный гомосексуализм.

В советской юридической литературе также высказано мнение о необходимости отказаться от наказуемости добровольного мужеложства⁴.

Действительно, советское уголовное право не запре-

¹ В. Ф о р е л ь, Половая жизнь и право, М., 1907; И. Б. Ф у к с, Гомосексуализм как преступление, СПб., 1914; Б. И. П я т н и ц к и й, Половые извращения и уголовное право, Могилев, 1910; В. Н а б о к о в, Плотские преступления по проекту уголовного уложения, сборник статей, 1904; В н у к о в и Э д е л ь ш т е й н, О характере личности правонарушителя и механизмах правонарушений в области половых отношений, «Правонарушения в области сексуальных отношений», М., 1927 и др.

² П. И. Л ю б л и н с к и й, Преступления в области половых отношений, М.—Л., 1925.

³ Ninth international congress on penal law Proceedings, The Hague, 1964, pp. 481—483.

⁴ П. П. О с и п о в, Половые преступления, автореферат канд. дисс., Л., 1967, стр. 11; Я. М. Я к о в л е в, цит. соч., стр. 323,

щает ни один вид полового извращения, кроме мужеложства, если сексуальное поведение лица не связано с нарушением чьих-либо прав или общественных интересов. Нет никаких убедительных доводов в пользу сохранения ответственности за добровольное мужеложство. Индивидуальное сексуальное поведение, не затрагивающее интересов общества, не должно регулироваться и контролироваться государственной властью.

Проблема гомосексуализма — это проблема в первую очередь медицинская, социальная, а не юридическая. Лица, обладающие непреодолимым извращенным половым влечением, не смогут изменить его под страхом наказания.

Не опровергнута современной наукой и гипотеза о возможности наследственной передачи гомосексуального влечения. Поэтому в борьбе с гомосексуализмом, как и другими видами половых извращений, на первое место должны быть выдвинуты меры профилактического медицинского характера. Что же касается мужеложства как проявления разврата, то с ним следует вести борьбу мерами общественного воздействия. Представляется желательным исключить уголовную ответственность за добровольное мужеложство взрослых из советского законодательства.

Вместе с тем уголовная ответственность должна быть предусмотрена за насильственный гомосексуализм, как мужской, так и женский, и за вовлечение в гомосексуальные связи несовершеннолетних.

По действующему законодательству ответственность за мужеложство предусмотрена всеми уголовными кодексами союзных республик. Советское уголовное законодательство (ст. 121 УПК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик) определяет мужеложство как «половое сношение мужчины с мужчиной». Такая терминология не совсем точна, так как, с медицинской точки зрения, половое сношение есть сношение между полами. В случаях гомосексуализма (как мужского, так и женского) правильнее говорить об удовлетворении извращенного полового влечения. Однако указание в законе на «половое сношение» преследует цель ограничить уголовно наказуемое мужеложство от других форм удовлетворения половой страсти мужчины с мужчиной (взаимный онанизм и пр.).

Мужеложством по смыслу советского уголовного закона считается педерастия. Совершенно правильно указывает проф. М. И. Авдеев, что «о мужеложстве можно говорить только в том случае, если имело место введение полового члена в заднепроходное отверстие»¹.

Следует отметить, что в русском дореволюционном уголовном праве в понятие мужеложства вкладывалось именно такое содержание².

Нельзя признать правильной попытку отдельных судов расширить понятие мужеложства, относя к нему любое удовлетворение половой страсти мужчины с женщиной.

В случае добровольного совершения мужчинами развратных действий и удовлетворения своей половой страсти уголовная ответственность наступать не должна, так как подобные действия не предусмотрены советским уголовным законодательством в качестве преступления. Насильственное удовлетворение половой страсти мужчины с женщиной, но не в форме педерастии, в зависимости от характера совершенных действий должно квалифицироваться как преступление против личности или злостное хулиганство.

При совершении мужеложства уголовной ответственности подлежат оба субъекта, выполняющие как активную, так и пассивную роль.

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом. Мотивом преступления является стремление развращенного субъекта к поиску новых половых раздражителей и ощущений. Иногда мужеложство совершается в связи с отсутствием возможности естественного удовлетворения половой страсти путем нормальной половой жизни.

В ряде случаев мужеложство совершается вследствие извращенности полового влечения у мужчины.

Субъектом мужеложства может быть только лицо мужского пола, достигшее 16-летнего возраста. Однако привлечение несовершеннолетних за это деяние, совершенное без отягчающих обстоятельств, практически не

¹ М. И. Авдеев, Курс судебной медицины, Госюриздат. 1959, стр. 500.

² См. И. Я. Фойницкий, Курс уголовного права, Часть Особенная, СПб, 1907, стр. 157.

встречается. Такая практика вполне обоснована, так как в этом случае должны применяться меры педагогического и медицинского характера.

Благодаря выборочному исследованию 100 лиц, осужденных за мужеложство, получены следующие данные:

Возраст: от 18 до 25 лет	— 30 %,
от 25 до 40 лет	— 52 %,
свыше 40 лет	— 18 %,
Образование: до 7 кл.	— 16 %,
неполное среднее	— 16 %,
среднее и специальное среднее	— 40 %,
незаконченное высшее и высшее	— 28 %.

Ранее судимых оказалось 20 %, из них за мужеложство—12 %. Деяние было совершено в нетрезвом состоянии в 35 % случаев.

Эти данные свидетельствуют о том, что по сравнению с другими половыми преступлениями у лиц, осужденных за мужеложство, выше образовательный уровень. Большинство осужденных находилось в зрелом возрасте.

Состояние опьянения в данном случае имеет меньшее значение, чем при других половых преступлениях, например при изнасиловании.

Сравнительно высок специальный рецидив, что свидетельствует о стойкости гомосексуальных тенденций.

§ 2. Содержание притонов разврата и сводничество с корыстной целью

Содержание притонов разврата и сводничество—явления, противоречащие принципам социалистической морали и правилам социалистического общежития.

В отличие от современных буржуазных государств, где легально или нелегально, но по существу безнаказанно существуют публичные дома, в Советском Союзе нет домов терпимости.

Относительно редко, но еще встречаются случаи, когда отдельные аморальные лица предоставляют свои квартиры для целей разврата. Эти действия способствуют моральному развращению молодежи, содействуют некоторым женщинам в занятии проституцией.

Притоны разврата являются питательной средой для совершения других преступлений в области половых отношений (вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией, развратные действия в отношении несовершеннолетних, половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости, мужеложство, изготовление или сбыт порнографических предметов), а также хулиганства. С развратом во всех формах и проявлениях ведется борьба мерами общественного воздействия и административным путем.

Содержание притона разврата, т. е. помещений, предоставляемых другим лицам для целей разврата, рассматривается как уголовно наказуемое деяние.

Уже УК РСФСР 1922 года предусматривал ответственность за сводничество, содержание притонов разврата, а также за вербовку женщин для проституции (ст. 171).

В УК РСФСР 1926 года ст. 155 устанавливала ответственность за принуждение к занятию проституцией, сводничество, содержание притонов разврата и вербовку женщин для проституции.

Ответственность за содержание притонов разврата и сводничество предусмотрена уголовными кодексами всех союзных республик. Уголовные кодексы Азербайджанской ССР (ст. 229), Грузинской (ст. 230) и Молдавской (ст. 222) союзных республик устанавливают ответственность не только за сводничество, но и за вербовку женщин для целей разврата. Только в УК Эстонской ССР отсутствует состав сводничества.

Закон не содержит определения притона разврата. Такое определение дает теория советского уголовного права. Так, Люблинский, анализируя УК РСФСР 1922 года, писал: «Притоном следует назвать место, укрываемое от внимания местных органов административной власти, специально предназначенное для целей разврата и доступное хотя бы замкнутому кругу лиц, являющихся туда для беспорядочного удовлетворения своей половой страсти»¹.

С учетом особенностей совершения рассматриваемого преступления в современных условиях следует дать

¹ П. И. Люблинский, Преступления в области половых отношений, М.—Л., 1925, стр. 191.

более широкое определение притона разврата как помещения, систематически предоставляемого различным лицам для удовлетворения половой потребности как в естественной, так и в извращенной форме.

Это помещение не обязательно должно быть специально предназначено для целей разврата и укрываться от органов власти; например, как притон может использоваться квартира, в которой живет притоносодержатель.

Понятие «притон разврата» характеризуется рядом признаков:

1) помещение, признаваемое притоном, должно использоваться для целей разврата, т. е. совершения аморальных действий в области половых отношений (беспорядочное половое общение, совершение развратных действий, удовлетворение половой потребности в извращенной форме);

2) помещение, являющееся притоном, должно посещаться разными лицами (общее число посетителей не имеет значения). Возможны случаи, когда притон постоянно посещает всего несколько определенных мужчин или женщин, например знакомых притонодержателя, но у них меняются партнеры. Так, по делу С., Н. и А. было установлено, что осужденные С. и Н. превратили свои квартиры в притоны разврата, где устраивались оргии их близкими друзьями и куда приглашались для целей разврата различные женщины и девушки.

Предоставление помещения для свидания одним и тем же лицам (например, мужчине и женщине, находящимся в половой связи, но не имеющим своей жилплощади) не может рассматриваться как содержание притона разврата;

3) помещение, рассматриваемое как притон разврата, должно использоваться различными лицами систематически, т. е. в течение более или менее продолжительного времени.

Например, осужденная за содержание притона в г. Минске Б. систематически предоставляла помещение знакомым женщинам легкого поведения для вступления в половую связь с различными мужчинами. Так, в течение полутора лет органы милиции и дружинники восемь раз обнаруживали в квартире Б. посторонних мужчин и женщин, раздетых и полуодетых, в обстановке, свиде-

тельствующей о совершении половых сношений. Соседи Б. подтвердили, что сборища развратного характера имели место на квартире Б. регулярно.

Неоднократная организация на частной квартире вечеринок, во время которых отдельные лица недостойно вели себя и совершали половые акты или развратные действия, еще не дает основания рассматривать эту квартиру как притон разврата. Об отсутствии признаков систематичности может свидетельствовать большой разрыв во времени между подобными вечеринками, например по праздникам (один-два раза в год).

Нередко содержатель притона сам принимает активное участие в разврате. Так, по делу Л. было установлено, что она, будучи ранее судимой, возвратясь из мест лишения свободы, на путь исправления не встала, проживая в г. Минске, подолгу нигде не работала, пьянствовала, вела паразитический образ жизни, свою квартиру превратила в притон для распития спиртных напитков и разврата, в связи с чем лишена родительских прав в отношении малолетней дочери. Л. была осуждена за содержание притона разврата по ст. 221 УК БССР.

Следует иметь в виду, что, если кто-либо использует свою квартиру для сожительства с различными лицами, т. е. ведет себя аморально, но не предоставляет свою жилую площадь для разврата другим лицам, его действия не образуют состава рассматриваемого преступления. К таким лицам должны применяться меры морального, общественного воздействия.

Содержатель притона может непосредственно и не участвовать в разврате, организуемом в его помещении. В этих случаях содержатель притона преследует обычно корыстную цель, получая материальное вознаграждение в денежной форме от лиц, использующих помещение для целей разврата.

Так, народным судом Фрунзенского района Москвы были осуждены по ст. 226 УК РСФСР Г., П. и К., которые систематически предоставляли свои квартиры для интимных встреч женщинам легкого поведения с иностранцами и получали за это плату в иностранной валюте.

Субъективная сторона содержания притона разврата характеризуется прямым умыслом. Виновный сознает, что его помещение систематически используется для целей разврата различными лицами, и желает этого. Моти-

вом преступления является либо корысть, либо стремление к удовлетворению своей половой страсти и к развратному образу жизни.

В советской юридической литературе получило известное распространение мнение о том, что совершение данного преступления возможно только с корыстной целью. Так, проф. И. И. Карпец писал: «Содержатель притона должен получать вознаграждение с клиентов за предоставляемое помещение или иметь какую-либо материальную выгоду»¹.

Требование обязательного наличия корыстной цели, по нашему мнению, неосновательно суживает состав содержания притона разврата.

Общественная опасность содержания притона разврата заключается не столько в том, что содержатель получает материальную выгоду, сколько в том, что создаются условия для массового разврата, беспорядочного полового общения, подрывающих основы социалистической нравственности. Содержание притонов разврата ведет к деморализации молодежи (особенно женщин) и нередко непосредственно связано с проституцией.

В ряде случаев создания притонов разврата, в которые вовлекаются много лиц, содержатель не преследует корыстной цели, не стремится к извлечению материальной выгоды, а желает участвовать в организованном массовом разврате. Öffentlich опасный характер действий содержателя притона не меняется в зависимости от того, каким мотивом руководствовался виновный в своем поведении.

Так, по делу С. и Н. было установлено, что они превратили свои квартиры в притоны разврата, где систематически устраивались оргии их друзьями и куда приглашались для разврата различные женщины и девушки. Хотя С. и Н. не преследовали корыстной цели, они правильно были осуждены по ст. 226 УК РСФСР. Иначе поступили работники МВД Грузинской ССР, которые не нашли состава притонодержательства в действиях В., на квартире которой в г. Тбилиси систематически соби-

¹ «Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР», 1966, изд-во Ленинградского университета, стр. 379. Аналогичное мнение высказывалось авторами Научно-практического комментария к Уголовному кодексу РСФСР («Юридическая литература», 1964, стр. 471).

рались женщины и предавались лесбийской любви. Несмотря на то, что действия В., вовлекавшей все новых женщин в разврат и превратившей свою квартиру в притон для гомосексуальных связей, носили общественно опасный характер, они не были своевременно пресечены. В результате одна из участниц этих сборищ — 19-летняя Г. покончила жизнь самоубийством¹.

Следует отметить, что советский уголовный закон (ст. 226 УК РСФСР) не предусматривает корыстной цели в качестве признака состава содержания притона в отличие от сводничества. Корыстная цель не является признаком, характеризующим сущность притона разврата, и потому не должна включаться в определение этого понятия. Ряд авторов разделяют наше мнение, высказанное еще в 1966 году, о том, что корыстная цель не является признаком состава содержания притона².

Поэтому установление корыстной цели у притоносодержателя, не влияя на квалификацию преступления, может приниматься во внимание судом при определении меры наказания за это преступление.

Субъектами данного преступления могут быть частные лица, достигшие 16-летнего возраста. Однако в практике совершение этого преступления несовершеннолетними не встречается.

Изучение 47 дел на 50 обвиняемых показывает, что среди осужденных за содержание притона женщины составляют 90%, а мужчины только 10%.

По возрасту осужденные характеризуются следующими данными: до 25 лет — 6%, от 25 до 40 лет — 54%, свыше 40 лет — 40%; по образованию: с низшим — 34%, с неполным средним — 48%, со средним — 18%. Из числа женщин-притоносодержательниц были замужем 12% (но фактически с мужем не жили), имели детей в возра-

¹ Б. В. Даниэльбек, Половые извращения и уголовная ответственность, Волгоград, 1972, стр. 104—106.

² А. Н. Игнатов, Ответственность за преступления против нравственности, стр. 189—191; см. также Гришаев, Уголовное право, часть Особенная, «Юридическая литература», 1966, стр. 494; «Комментарий к Уголовному кодексу Белорусской ССР», Минск, 1966, стр. 395; «Уголовный кодекс Украинской ССР», научный комментарий, Киев, стр. 451; Н. Ф. Кузнецова, Уголовное право и мораль, изд-во Московского государственного уни-

сте до 18 лет — 36% (из них были лишены родительских прав — 22%).

По моральному облику и образу жизни осужденные за содержание притона характеризуются следующими данными:

- 1) не работали — 64%;
- 2) участвовали в пьянках и разврате — 84%;
- 3) осуждены по совокупности за другие преступления (хулиганство, развратные действия, вовлечение несовершеннолетних в пьянство и занятие проституцией, распространение порнографии) — 30%;
- 4) были ранее судимы за содержание притона — 10%.

Эти данные позволяют сделать вывод, что чаще всего содержатели притонов — это одинокие, малообразованные (среди них встречаются и малограмотные), злоупотребляющие алкоголем и морально опустившиеся женщины.

Хотя содержание притонов разврата встречается в современной судебной практике относительно редко, еще более редким событием является сводничество. В практике судов имеются буквально единичные дела о сводничестве.

Сводничество с корыстной целью, предусмотренное ст. 226 УК РСФСР, заключается в сведении мужчины и женщины для совершения половых актов.

Уголовные кодексы Украинской ССР (ст. 210), Азербайджанской ССР (ст. 229), Латвийской ССР (ст. 208), Молдавской ССР (ст. 222) и Туркменской ССР (ст. 260) предусматривают ответственность за сводничество для разврата, не оговаривая необходимость корыстной цели. Уголовный кодекс Эстонской ССР (ст. 201) вообще не предусматривает ответственности за сводничество.

Сводничество может выражаться и в предоставлении за плату помещения для половых сношений определенных мужчины и женщины. Содействие занятию мужеложством в виде предоставления квартиры должно рассматриваться как соучастие в этом преступлении.

Сводничество совершается всегда с прямым умыслом. Виновный сознает, что сводит мужчину и женщину для вступления в половую связь, и желает этого. Сводничество рассматривается как уголовно наказуемое дея-

ние только в тех случаях, когда оно совершается с корыстной целью.

Сводник преследует цель получения материальной выгоды от лиц, которых он сводит для половой связи. Поэтому для наличия состава сводничества необходимо установить, что виновное лицо получало вознаграждение за свои действия от одного или обоих партнеров или извлекало иную материальную выгоду.

Например, сводничеством занимался М., который за денежное вознаграждение подыскивал своим знакомым женщин легкого поведения и приводил их на квартиры, где совершался разврат. Кроме того, он предоставлял для совершения половых актов закрепленную за ним автомашину.

§ 3. Изготовление или сбыт порнографических предметов

Борьба с порнографией является составной частью борьбы за укрепление половой морали, за поддержание нравственной чистоты общества.

Распространение порнографических изданий, сочинений, изображений и иных предметов оказывает развращающее влияние на общество, особенно на молодежь, ведет к утрате идеалов и моральных принципов в области половых отношений.

В Советском Союзе встречаются лишь единичные случаи распространения порнографических изданий, чаще всего зарубежного происхождения. Между тем в капиталистических странах порнография становится массовым явлением.

Так, по данным английского журналиста Р. Пальмера, торговля порнографическими товарами приносит в Великобритании 9 млн. долларов ежегодного дохода. По данным президентской комиссии США, «порнографическая промышленность США достигает ежегодного оборота в 450 млн. долларов». Отдел социологии при университете в Копенгагене свидетельствует, что датская «порнографическая промышленность» достигает оборота в 20—30 млн. форинтов ежегодно¹.

¹ Prawo sзусie, 19 сентября 1971 г., стр. 6.

Следует отметить, что в последнее время в западной юридической литературе предпринимаются попытки доказать, что порнография не влияет на сексуальное поведение¹ и может быть разновидностью эротического чтения, снимающего половое напряжение, а потому вполне допустима².

В проекте реформ в области уголовного права 16 западногерманских профессоров предлагали отменить уголовную ответственность за распространение порнографии, заявляя, что «государство не должно бороться против сексуальных пособий для своих граждан»³. Высказывается мнение, что широкое распространение порнографии ведет к снижению числа половых преступлений⁴.

Однако эти соображения не подтверждаются серьезными научными данными. Скорее, наоборот, волна порнографии, захлестывающая западные страны, свидетельствует о резком снижении уровня половой морали, особенно молодежи, о падении моральных ценностей, что вызывает тревогу у прогрессивных общественных деятелей Запада⁵.

«Деморализация в буквальном смысле слова является для нас угрожающей перспективой»⁶, — пишет американский профессор Анжел.

В настоящее время стремление к легализации порнографии характерно для многих западных стран (Дания, Швеция, Швейцария, ФРГ, Голландия)⁷. В отличие от капиталистических государств Советский Союз строго придерживается своих международных обязательств в

¹ Жан-Поль Ван Рой, Два доклада о порнографии в США и в Англии. Доклад на криминологическом конгрессе, состоявшемся в Брюсселе 18—22 марта 1972 г.

² G. Nicole, Erotism et pornographie, «Revue internationale de criminologie et de police technique», 1970, XXIV, № 4, p. 320.

³ Von Paullerich, Den Staat nicht in Versuchung führen, «Die Welt», № 207, Seite 6, 1966.

⁴ Уильям Х. Нагель (проф. университета Лейдена), «Удовольствие и неудовольствие в области половой преступности», доклад на криминологическом конгрессе в Брюсселе, 1972.

⁵ Бенджамен Спок, Достойное и недостойное, «Иностранная литература» 1972 г. № 11, стр. 234—235.

⁶ R. C. Angel, The Society and Moral Crisis, 1958, p. 4.

⁷ S. Moretti, A travers le monde, «Revue internationale de criminologie et de police technique», 1970, y. XXIV, № 1.

области борьбы с порнографией, что отражает принципы социалистической морали.

12 сентября 1923 г. в Женеве была принята международная конвенция о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими, к которой 8 июля 1935 г. присоединился и Советский Союз.

В соответствии с этой конвенцией 17 октября 1935 г. постановлением ВЦИК и СНК СССР был издан общесоюзный закон «Об ответственности за изготовление, хранение и рекламирование порнографических изданий, изображений и иных предметов и за торговлю ими»¹.

Этот закон был включен в уголовные кодексы союзных республик, а позднее был отменен в связи с принятием Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик².

В настоящее время ответственность за порнографию предусмотрена уголовными кодексами союзных республик.

В УК РСФСР (ст. 228) данное преступление определяется как «изготовление, распространение или рекламирование порнографических сочинений, печатных изданий, изображений или иных предметов порнографического характера, а также торговля ими или хранение с целью их продажи или распространения».

Аналогично определяют состав преступления уголовные кодексы большинства союзных республик. В уголовных кодексах УССР (ст. 211) и Казахской ССР (ст. 215) не предусматривается ответственность за хранение порнографических изданий и предметов.

Заслуживает внимания описание признаков рассматриваемого преступления в УК Эстонской ССР, ст. 200 которого гласит: «Изготовление с целью распространения либо распространение заведомо порнографических сочинений, изображений, а равно иных предметов порнографического характера».

Правильное разрешение вопроса об уголовной ответственности за рассматриваемое преступление предполагает научно обоснованное определение понятия порно-

¹ СЗ СССР 1935 г. № 56, ст. 457.

² «Ведомости Верховного Совета СССР» 1959 г. № 15, ст. 91, п. 64.

графии, поскольку закон такого определения не содержит.

В Женевской конвенции также не дается определение порнографии, а содержится лишь перечисление предметов и указание на способы совершения преступления.

В советской юридической литературе под порнографией принято понимать грубо натуралистические, непристойные, цинично изображающие половую жизнь издания, имеющие своей целью нездоровое возбуждение полового чувства¹.

В этом определении подчеркивается три момента: порнографический характер могут носить описания или изображения половой жизни; они должны быть грубыми, циничными, неприличными по форме и направлены на нездоровое возбуждение полового чувства.

Однако правильно отражая сущность порнографии, рассматриваемое определение сформулировано в слишком общей форме, что представляет на практике возможность для субъективной оценки материалов.

Так, по делу С. эксперты отнесли в разряд порнографических изображений репродукции картин известных художников-импрессионистов. В акте экспертизы говорилось по поводу картины «Обнаженная» Модильяни, что «явный, чисто композиционный акцент художник делает на низе живота женщины, на ее срезанных рамкой ляжках». В этом же акте отмечалось в связи с характеристикой серии рисунков М. Зичи «Как турки покоряли болгар», что «задача художника заключалась здесь отнюдь не в том, чтобы поднять чувство протеста и гнева против поработителей, а главным образом в возбуждении в зрителе эротических эмоций». Академик же Алпатов высказал в отношении рассматриваемой серии рисунков такое мнение: «В этих рисунках и зверства турок, и нечто

¹ «Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР», «Юридическая литература», 1971, стр. 478; см., также «Научный комментарий к уголовному кодексу РСФСР», Свердловск, 1964, стр. 435; «Советское уголовное право, часть Особенная», Госюриздат, 1962, стр. 382; «Советское уголовное право, часть Особенная», «Юридическая литература», 1965, стр. 399; «Уголовное право, часть Особенная», «Юридическая литература», 1966, стр. 497; «Уголовное право, часть Особенная», «Юридическая литература», 1969, стр. 406; «Советское уголовное право, Особенная часть», изд-во Московского государственного университета, М., 1971, стр. 379.

инное — они двусмысленны. На чем сделан акцент художником — сказать трудно, это зависит от того, что хочет увидеть зритель».

Возникает вопрос: должны ли быть выработаны точные критерии, определяющие содержание издания, изображения или предмета как порнографического, или следует считать порнографией все, что может быть при определенном субъективном отношении истолковано в грубо сексуальном смысле?

Представляется, что ответ на этот вопрос может быть только однозначным: должны быть точные критерии, определяющие порнографический характер сочинения или изображения и позволяющие ограничивать порнографическое издание, изображение или предмет от произведения искусства эротического содержания.

Однако пока научно обоснованных критериев порнографии не выработано. Следует согласиться с мнением болгарских психиатров Петрова и Бостанджиева, которые пишут: «Социалистическая эстетика не разрешила вопрос о разграничении порнографии и искусства. Но известно, что многие видные писатели (Бокаччио, Вольтер, Гете, А. М. Мюссе, Гейне, Пушкин), художники (Рубенс, Рембрандт), скульпторы (Роден) насыщали свое творчество эротическими мотивами... С другой стороны, стремление известной среды ограничить и даже выбросить эротизм из искусства или представить его как порочное отживающее явление, присущее реакционным общественным классам, несомненно является не только неправильным, но и вредным, так как создает неверное представление, что сексуальные влечения и эротические чувства всегда нечто плохое, порочное, лишенное эстетического достоинства. Такое кастрированное искусство притупляет ощущение красоты в человеческих сексуальных отношениях»¹.

Действительно, ханженство в искусстве наносит такой же вред нравственному воспитанию, как и аморальность. Поэтому исключение из искусства эротических мотивов только засушило бы его, но не способствовало бы повышению уровня общественной морали.

¹ И. Петров, Г. Бостанджиев, Вопросы на сексуалната психопатология, София, 1963, стр. 121.

Отсутствие точных и научно обоснованных критериев порнографии приводит на практике к тому, что в разряд порнографии зачисляются научно-популярные издания, преследующие цель полового просвещения, или произведения фольклорного характера, имеющие сексуальную направленность.

Так, по делу Х. возник вопрос об оценке книги врача Т. Г. Ван-де-Вельде «Техника брака», изданной в середине прошлого века. Экспертная комиссия Латвийского республиканского бюро судебно-медицинской экспертизы при консультации сексолога обоснованно признала, что данная книга не может считаться порнографическим изданием.

По делу Ф. следственные органы расценили как порнографическое сочинение «Кама Сутра», известный памятник индийской народной литературы. В связи с этим проф. В. Н. Колбановский писал: «В книге «Кама Сутра» описываются естественные половые взаимоотношения людей, лишенные малейших элементов порнографии. Такие описания содержатся в священных книгах разных религий. Как в целом вся книга «Кама Сутра», так и отдельные ее части, посвященные половым взаимоотношениям людей, не относятся к порнографической литературе».

Ф. был оправдан Ленинским районным народным судом Москвы, который указал в приговоре, что действия Ф. «носили аморальный характер ознакомления других лиц с эротическими текстами, но не являлись распространением порнографии».

Таким образом, следует вывод, что эротическое искусство, даже содержащее элементы натурализма, — это еще не порнография.

При определении произведения искусства и отграничении его от порнографической поделки необходимо руководствоваться принципами марксистской эстетики.

Это означает, что в первую очередь оцениваются идейная направленность произведения, его общественная значимость и полезность, устанавливается соответствие формы содержанию.

Поэтому при оценке характера литературных, живописных произведений прибегают к помощи литературоведческой, искусствоведческой экспертиз.

По нашему мнению, оценка произведения как порно-

графического основывается на его содержании, независимо от степени мастерства в форме исполнения.

Предметами порнографии могут быть письменные сочинения, в прозаической или стихотворной форме, как рукописные, так и размноженные, изображения (картины, рисунки, скульптуры, фотографии), кинофильмы, а также пластинки, магнитофонные записи и т. п.

Возникает вопрос, особенно в иностранной литературе, может ли быть признано порнографическим произведением театрализованное представление, если оно не объективировано в письменном виде (пьеса) или в фотокиносъемке. Поскольку по закону не требуется распространение порнографии в определенной форме для наступления ответственности за это преступление, можно прийти к выводу, что театрализованное зрелище, предназначенное для просмотра посторонними лицами и носящее по содержанию порнографический характер, должно рассматриваться как распространение порнографии. Представление, исполнение порнографических песен, текстов представляют собой такое же распространение порнографии, как показ фильмов, фотографий, рисованных изображений или передача для ознакомления письменных сочинений.

На практике чаще всего приходится сталкиваться с распространением печатных изданий, фотографий и рукописных сочинений.

Объективная сторона рассматриваемого преступления заключается в изготовлении, распространении, рекламировании, хранении порнографических предметов с целью их распространения, а также в торговле ими.

Изготовление — это создание полностью или частично порнографического произведения (сочинение текста, рисование картины, производство кино- и фотосъемок порнографического содержания). Участием в изготовлении порнографии следует считать и позирование для съемки или рисованного изображения. Так, Л-о и Л-а Советским районным народным судом Москвы были признаны виновными в изготовлении фотографии порнографического характера. М. по предварительной договоренности фотографировал Л-о и Л-у во время совершения полового акта.

Изготовлением должно признаваться и перефотографирование порнографических снимков, размножение пор-

нографических текстов, например множительным аппаратом.

Под распространением понимается передача порнографических материалов другим лицам. Одним из видов распространения порнографии является торговля порнографическими предметами, представляющая повышенную общественную опасность.

Рекламириванием порнографических предметов следует считать показ их другим лицам, а также объявление в устной, письменной или печатной форме о лицах, распространяющих порнографию, о местах, где можно с нею ознакомиться, и о самом содержании порнографических предметов.

Хранение порнографии влечет ответственность по уголовному законодательству РСФСР и некоторых других республик только в случаях, когда оно совершается с целью распространения. Хранение порнографических предметов только для личного пользования уголовной ответственности не влечет.

С субъективной стороны данное преступление характеризуется прямым умыслом. Субъект должен сознавать, что изготовленные или распространяемые им предметы носят порнографический характер, и желать ознакомить с ними других лиц.

Если лицо добросовестно заблуждалось относительно характера распространяемых им предметов, оно не должно привлекаться к уголовной ответственности. Так, представляется недостаточно обоснованным осуждение Бауманским районным народным судом Москвы С. за распространение порнографии. С., являясь коллекционером марок и открыток, создал большую коллекцию открыток (50 тыс. экземпляров), 4 тыс. из которых носили эротический характер. В эту коллекцию входила также серия рисунков М. Зичи «Как турки покоряли болгар», которую С. показывал различным лицам, а один экземпляр такой серии продал. Как уже отмечалось выше, оценка содержания серии рисунков М. Зичи различными искусствоведами неодинакова. Сам С. пояснил, что не считал собранные им в коллекцию открытки порнографическими. По свидетельству Академии художеств, коллекция С. представляет значительную художественную ценность. При таких обстоятельствах, даже если признать, что отдельные репродукции по содержанию носят порнографи-

ческий характер, обвинение в распространении порнографии не должно иметь места ввиду отсутствия умысла на совершение этого преступления.

Субъектом данного преступления может быть любое вменяемое лицо, достигшее 18-летнего возраста.

Изучение практики показывает, что субъектами порнографии чаще оказываются или молодые люди, проявляющие нездоровый интерес к сексуальным отношениям, или люди пожилого возраста, стремящиеся к разнообразию и усилению половых раздражений, в основном мужчины. В большинстве случаев изготовление и распространение порнографии сочеталось с аморальным образом жизни, половой распущенностью, а иногда и совершением других преступлений против половой нравственности.

Изучение 50 уголовных дел на 60 обвиняемых показало, что мужчины составляют 95%. Осужденные за изготовление и распространение порнографических изделий женщины являлись соисполнителями мужчин.

По возрасту осужденные распределялись следующим образом:

несовершеннолетние	— 3,3%,
до 25 лет	— 33,3%,
до 40 лет	— 36,6%,
до 60 лет	— 23,3%,
свыше 60 лет	— 3,3%.

По образованию осужденные характеризуются следующими данными:

с начальным образованием	— 6,6%,
с незаконченным средним	— 26,4%,
со средним (в том числе средним) специальным	— 39,6%,
с высшим и незаконченным высшим	— 26,4%.

Эти данные свидетельствуют о том, что контингент лиц, виновных в изготовлении и распространении порнографии, отличается от преступников, совершающих преступления в области половых отношений, посягающих непосредственно на личность (изнасилование, развратные действия и др.).

Осужденные за порнографию характеризуются достаточно высоким образовательным уровнем, среди них мало несовершеннолетних.

В большинстве случаев это люди морально распущенные, ведущие беспорядочную половую жизнь, подпавшие под влияние «идей сексуальной свободы», активно распространяемых на Западе.

Следует иметь в виду, что наряду с уголовной ответственностью в борьбе с отдельными незлостными случаями распространения порнографии успешно применяется воспитательное общественное воздействие.

Идейное воспитание молодежи, привитие ей принципов и идеалов коммунистической морали является важнейшим средством предупреждения преступлений в области половых отношений.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I

ПОНЯТИЕ, ОБЪЕКТ И СИСТЕМА ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

§ 1. Понятие и объект половых преступлений	3
§ 2. Пределы ответственности за половые преступления	10
§ 3. Система половых преступлений	15

Глава II

ПОНЯТИЕ И СОСТАВ ИЗНАСИЛОВАНИЯ

§ 1. Понятие изнасилования	20
§ 2. Понятие физического насилия при изнасиловании	35
§ 3. Понятие и виды угрозы при изнасиловании	40
§ 4. Понятие беспомощного состояния потерпевшей	49
§ 5. Покушение на изнасилование и добровольный отказ от изнасилования	65
§ 6. Субъект изнасилования	78
§ 7. Процессуальные вопросы возбуждения и рассмотрения дел об изнасиловании	82

Глава III

КВАЛИФИЦИРОВАННЫЕ ВИДЫ ИЗНАСИЛОВАНИЯ

§ 1. Изнасилование, сопряженное с угрозой убийством или причинением тяжкого телесного повреждения	96
§ 2. Повторное изнасилование и совокупность изнасилований	100
§ 3. Изнасилование, совершенное группой лиц, и соучастие в изнасиловании	108
§ 4. Изнасилование, совершенное особо опасным рецидивистом	126
§ 5. Изнасилование, повлекшее особо тяжкие последствия	131

Глава IV

ДРУГИЕ ПОЛОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПОСЯГАЮЩИЕ НА ПОЛОВУЮ СВОБОДУ

§ 1. Насильственное удовлетворение половой потребности в извращенной форме и насильственные сексуальные действия	158
--	-----

§ 2. Мужеложство с применением насилия либо с использованием зависимого положения потерпевшего	166
§ 3. Понуждение женщины к вступлению в половую связь	169

Глава V

ПОЛОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПОСЯГАЮЩИЕ НА НОРМАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

§ 1. Изнасилование несовершеннолетней	176
§ 2. Половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости или определенного возраста	189
§ 3. Развратные действия	209
§ 4. Мужеложство в отношении несовершеннолетних	221
§ 5. Вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией	224

Глава VI

ПОЛОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, НАРУШАЮЩИЕ ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ МОРАЛИ

§ 1. Мужеложство	231
§ 2. Содержание притонов разврата и сводничество с корыстной целью	237
§ 3. Изготовление или сбыт порнографических предметов	244

И г н а т о в Алексей Николаевич

«КВАЛИФИКАЦИЯ ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ»

Редактор *С. Н. Чихалова*

Обложка художника *А. Н. Жданова*

Художественный редактор *И. Е. Сайко*

Технический редактор *Н. Л. Федорова*

Корректор *В. Д. Рыбакова*

Сдано в набор 25/XII 1973 г. Подписано в печать 28/III 1974 г. Бумага типографская № 3, формат 84×108¹/₃₂. Объем: усл. печ. л. 13,44; учет.-изд. л. 13,57. Тираж 15 260 экз. Заказ 1376. Цена 81 коп.

Издательство «Юридическая литература», 103064, Москва, К-64,
ул. Чкалова, д. 38—40.

Областная типография управления издательств, полиграфии и книжной торговли Ивановского облисполкома, г. Иваново-8, ул. Типографская, 6.

81 коп.

